

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1(107)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Январь—март 2011

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3, 35

ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Андрей РЯБОВ. Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние 5

Александр ВЕРХОВСКИЙ. Эволюция постсоветского движения русских националистов 11

Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену 36

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Сергей ПАШИН. Проблемы и перспективы судебной реформы в России 51

Борис ДУБИН. Дело ЮКОСа, общественное мнение, правовая культура россиян 57

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

Анна КАЧКАЕВА. Лидеры России на телевизионном экране 63

Лев ГУДКОВ, Алексей ЛЕВИНСОН. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя 87

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

Юрий ПОЛЕТАЕВ, Екатерина ПЕРФИЛЬЕВА. О музыкальных предпочтениях россиян 102

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Интегральные показатели социального самочувствия 109

Авторы номера 117

SUMMARY 118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
Е. В. Войналович

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1(107)

Quarterly

January–March 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)

Abel Aganbeghian

Anatoly Vishnevsky

Tatyana Vorozheikina

Leokadia Drobizheva

Natalia Rimashevskaya

Teodor Shanin

Vladimir Yadov

Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov

(Editor-in-Chief)

Boris Dubin

(Deputy Editor-in-Chief)

Alexei Grazhdankin

Ludmila Khakhulina

(Deputy Editor-in-Chief)

Marina Krasilnikova

Galina Sterlikova

Natalia Zorkaya

(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3, 35

POST-SOVIET SOCIETY, ITS PROBLEMS

Post-Soviet Social Model: Characteristics and Current Situation
(by Andrei Ryabov) 5

The Evolution of Post-Soviet Russian Nationalist Movement
(By Alexander Verkhovsky) 11

The Culture of Poverty. Post-Soviet Comments on Veblen
(by Marina Krasilnikova) 36

JUDICIAL SYSTEM AND LEGAL CULTURE

Issues and Prospects of Judicial Reform in Russia (by Sergei Pashin) 51

UKOS Court Case, Public Opinion, Legal Culture in Contemporary
Russia (by Boris Dubin) 57

SYMBOLIC PERSONS

Russian Leaders on TV Screen: Putin Phenomenon
and Medvedev «Code» (by Anna Kachkayeva) 63

Image of A. Sakharov in Public Opinion: 20 Years Later
(by Lev Gudkov and Alexei Levinson) 87

MASS CULTURE

On Musical Preferences of the Russians
(by Yuri Poletayev and Yekaterina Perfilyeva) 102

RESEACH METHODOLOGY AND TECHNIQUE

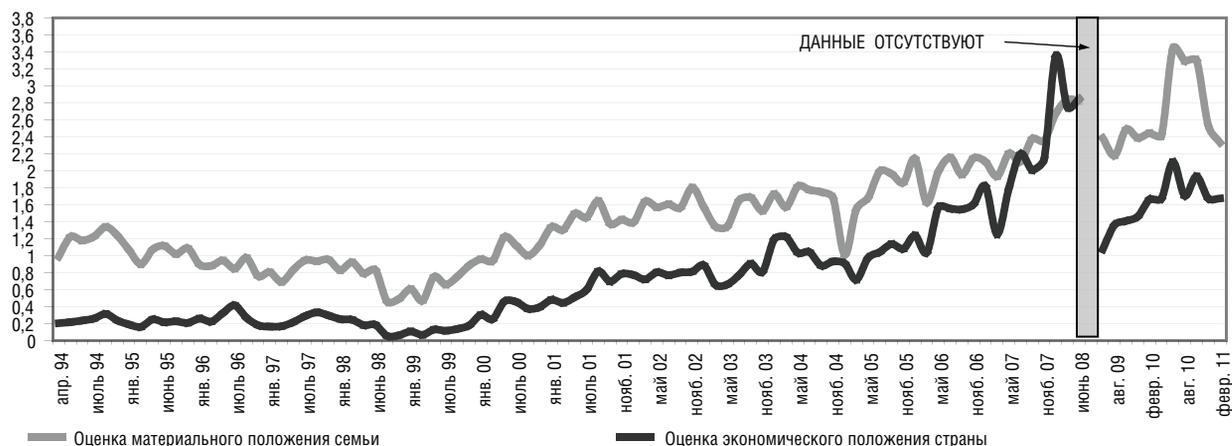
Integral Indicators of Social Well-Being (by Marina Krasilnikova) 109

Autors of the issue 117

SUMMARY 118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

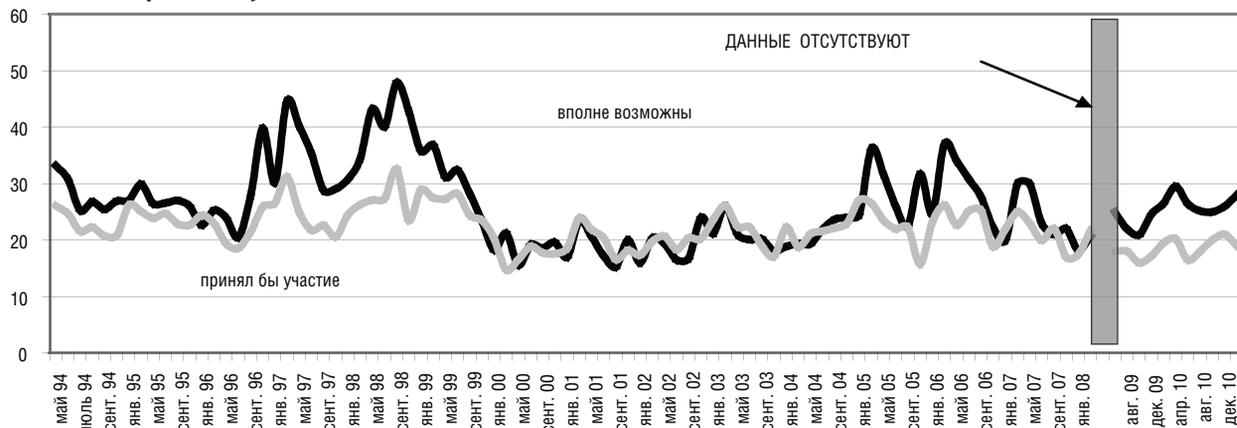
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

После спада оценок с началом мирового финансового и экономического кризиса в 2008 г. они начали вновь расти в 2009-м. К лету 2010 г. оценки положения в стране поднялись до предвыборного уровня. Летние пожары, политические скандалы и общая неопределенность ситуации 2010 г. привели к резкому обвалу показателей.

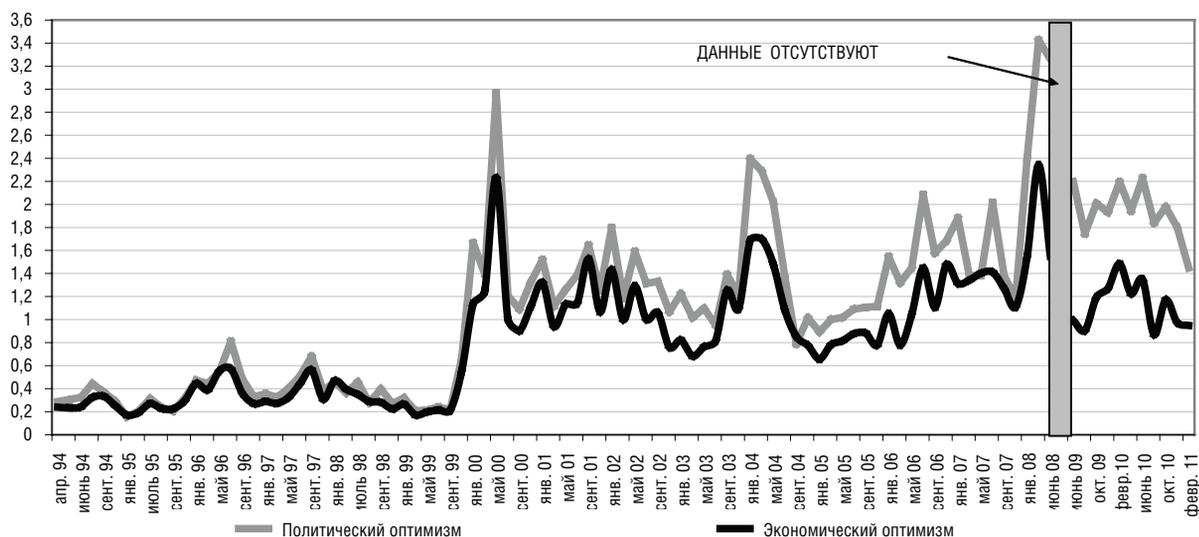
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примите в них участие?» (в % от числа опрошенных)

Протестные настроения остаются на сравнительно низком уровне. Они заметно выросли летом 2010 г., но этот рост был неустойчивым. Готовность к личному участию в акциях протеста постоянно снижается с 2006 г.

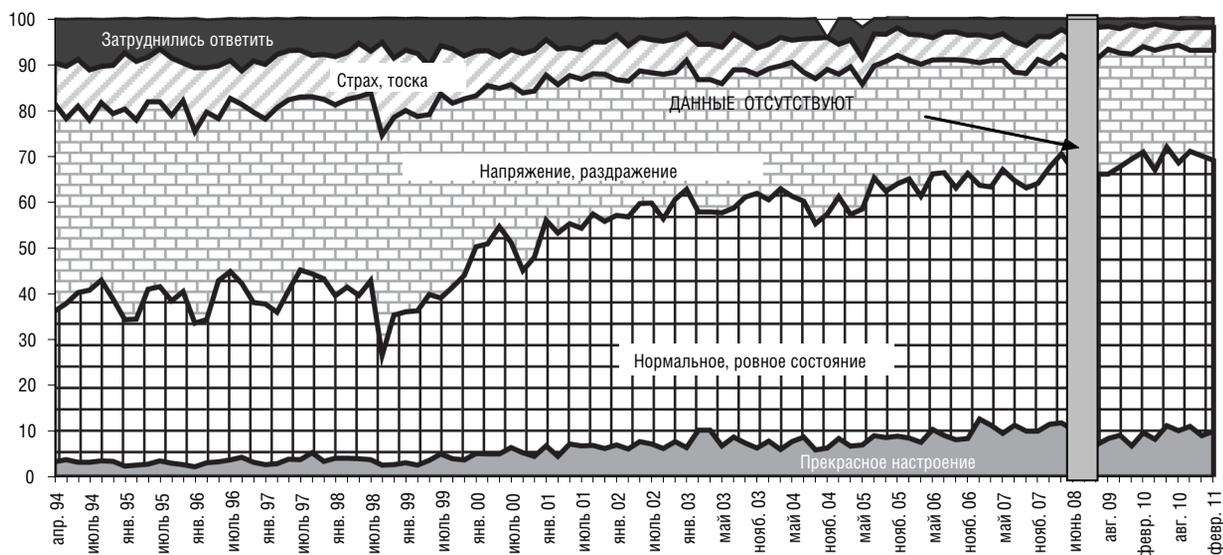
3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Последний пик политического оптимизма (как и в предшествующие годы) пришелся на год выборов — в данном случае выборов президента 2008 г. В этот период особенно значительным становится типичное для электоральных циклов преобладание политического оптимизма над экономическим. В 2009-м — начале 2010 г. оба индекса держались около среднего для всего десятилетия уровня, точно повторяя колебания друг друга. Примечательно, что политический оптимизм, в отличие от всего предшествовавшего периода замеров, стабильно превышает экономический оптимизм. Периоды падения индексов в 2008–2009 гг. могут объясняться реакцией на экономический кризис, а в 2010 г. — аномальной жарой, пожарами и ростом инфляции.

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Колебания оценок и ожиданий россиян летом 2010 г. не слишком сказались на доминирующих настроениях россиян: в целом среди них преобладает нормальное, ровное состояние.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Андрей РЯБОВ

Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние

Минувший 2010 г. ознаменовался важными тенденциями и событиями на постсоветском пространстве. Стержнем происшедших изменений стало заметное укрепление влияния России в этом политико-географическом регионе мира, что нашло отражение в различных сферах международных отношений, во внешней и внутренней политике постсоветских государств. Были заметно улучшены отношения с Украиной, Москве удалось добиться от Киева продления на 25 лет срока аренды военно-морской базы в Севастополе. До 2044 г. было продлено присутствие российской военной базы в Армении. Произошло политико-юридическое оформление Таможенного союза с участием России, Казахстана и Белоруссии. Декабрьские президентские выборы в Белоруссии, завершившиеся жесткими репрессиями против оппозиции, привели к резкому ухудшению отношений официального Минска с Западом и объективно способствовали усилению российского влияния на белорусскую политику.

Укрепление позиций России на постсоветском пространстве не ограничивалось только международными отношениями в данном регионе мира. Обнаружился растущий интерес правящих элит разных стран к российской модели внутриполитического порядка, к использованию ее ключевых элементов в национальной политике. Наиболее наглядно это продемонстрировала Украина, где после прихода к власти президента Виктора Януковича усилились попытки исполнительной власти взять под контроль ведущие СМИ, свести к минимуму влияние оппозиции на процесс принятия решений, ограничить конкуренцию в различных сферах социальной и экономической жизни. Наблю-

датели даже заговорили о «россиизации» украинской политики. Таким образом, российское влияние получило еще одно — внутриполитическое — измерение. Россия постепенно стала играть роль экспортера модели своей политической системы. Интерес к ней распространился даже за пределы постсоветского пространства. Явные элементы «заимствований» просматривались в политической жизни таких стран, как Македония и Венгрия. На постсоветском пространстве изменения иного характера проявились лишь в Молдове. После внеочередных парламентских выборов, состоявшихся в ноябре, Москве не удалось помешать формированию новой правящей коалиции, заявившей о стремлении начать демократические реформы, которые приблизили бы эту страну к стандартам Европейского союза. Впрочем, Молдова является слишком маленькой страной, чтобы влиять на направленность политических процессов на постсоветском пространстве.

Можно попытаться объяснить отмеченные изменения в категориях «отступления от реформ», «временных откатов». Но такой подход едва ли приблизит нас к пониманию происшедшего. Можно указать и на конкретные причины, объективно способствовавшие усилению российского влияния. В 2010 г. Европейский союз столкнулся с серьезным внутренним кризисом. Финансовые резервы объединенной Европы были брошены на спасение экономик Греции и Ирландии, оказавшихся перед угрозой дефолта. Возникли разговоры о том, что Евросоюз под воздействием внутренних разрывов между развитыми государствами Северной и Центральной Европы, с одной стороны, и Южной и Восточной, с другой, неизбежно будет

эволюционировать в структуру «матрешечного типа». В такой обстановке внутреннего кризиса и неопределенности дальнейшего развития стало очевидно, что процесс расширения ЕС на Восток замораживается как минимум на 10 лет. Для элит большинства постсоветских стран, расположенных в европейской части бывшего СССР, которые ранее провозгласили продвижение в Европу в качестве главной цели своей политики, эти события означали полную смену внешнеполитических координат. Будущее, отделенное от современных реалий 10 или более годами, явно находится за горизонтами стратегического планирования нынешних элит. Закрытие – пусть даже временное – перспектив интеграции в «Большую Европу», наряду с сокращением ресурсов, вызванным последствиями глобального финансово-экономического кризиса, заставило правящие верхи постсоветских стран искать поддержки у ближайшего «большого» соседа – России, с которой их объединяет не только общее прошлое, но и обусловленная им «классовая близость» элит, общая заинтересованность в сохранении нынешних социальных и политических порядков.

Таким образом, события и тенденции 2010 г. убедительно показали, что утверждения о распаде постсоветского пространства как целостного политико-географического региона мира не имеют под собой веских оснований. Напротив, наблюдалась определенная консолидация этого пространства, в значительной мере обусловленная укреплением позиций России. Но, пожалуй, самым главным аргументом, подтверждающим устойчивость этого региона как сообщества государств, стала нарастающая тенденция к типизации внутривнутриполитических процессов, развивающихся в направлении создания близких по содержанию и институциональному оформлению общественных систем. Это позволяет предположить, что состояние стран региона отнюдь не является переходным, временным, а скорее отражает утверждение, закрепление в них новой устойчивой общественной модели. Для ее характеристики можно в качестве рабочего предложить использование термина «постсоветский капитализм», отдавая себе отчет в его ограниченности и условности. Здесь важно отметить, что для понимания феномена постсоветского капитализма важны не столько формальные сходства между странами (на самом деле различия политических режимов, социально-экономических систем все еще выглядят очень значительными), сколько вектор происходящих изменений.

Понятие «постсоветский капитализм» имеет прежде всего политэкономическое содержание. Еще недавно изменения в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР, можно было расценивать сквозь призму транзитологических теорий, ставящих во главу угла эволюцию политических институтов, и макроэкономических концепций, изучающих различные стороны складывания рыночных отношений и систем. Оценивая масштабы и глубину рыночных и демократических преобразований, исследователи без труда встраивали государства, возникшие на территории бывшего СССР, в уже имеющиеся типологические ряды стран с переходными экономиками и политическими системами. Так, анализируя итоги преобразований в посткоммунистической России, американские исследователи А. Шлейфер и Д. Трейсман пришли к выводу, что «за десятилетие Россия превратилась в типичную капиталистическую демократию со средним уровнем доходов населения»¹. Подобный подход, однако, не приблизил исследователей к пониманию феномена постсоветских государств. Его ограниченность стала очевидной позднее, когда демократические преобразования во многих постсоветских государствах стали свертываться и одновременно укрепились тенденции к усилению государственного контроля над экономикой.

Политэкономический подход к изучению постсоветских реалий, приобретший сторонников в последние годы, исходит из того, что первостепенное значение имеет анализ этих реалий сквозь призму отношений власти и собственности. Это позволяет выделить несколько системных признаков постсоветского капитализма как общественной модели. Ее политэкономической основой является слияние институтов власти и собственности в единый институт «власти-собственности»². Вопреки пророчествам Л. Троцкого, предсказывавшего, что при переходе от советского социализма к капитализму, правящая партийно-государственная номенклатура конвертирует свою власть в частную собственность³, возникли иные реалии. Постсоветская бюрократия, позаимствовав из прошлой эпохи такие фундаментальные принципы общественной организации, как жесткие социальные иерархии, монополизм, стрем-

¹ Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2004. № 7. С. 19.

² См.: Пивоваров Ю. С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 117–123.

³ Троцкий Л. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? Гл. 11. // <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/troti001.htm>

ление к ограничению конкуренции и расширению сферы правительственного контроля, сосредоточила в своих руках не только политическую власть, но и фактическое распоряжение собственностью. Это явление распространено как на уровне национальных экономик, так и отдельных регионов и более мелких административно-территориальных единиц. Формы распоряжения наиболее значимыми активами в странах постсоветского пространства могут различаться в зависимости от балансов сил внутри правящих элит, исторических и культурных традиций этих государств, особенностей и глубины процессов приватизации: от прямого участия бюрократии в деятельности государственных или смешанных компаний до жесткого контроля деятельности частных промышленно-финансовых групп и предприятий, которые фактически утрачивают самостоятельность в выборе и реализации своих бизнес-стратегий.

Важнейшим следствием такого сращивания для политики становится чрезмерная концентрация финансово-экономических, политических, административных, информационных и других ресурсов на одном полюсе политической жизни. Это препятствует реальной демократизации постсоветских обществ при формальном сохранении в большинстве из них института альтернативных выборов, которые в некоторых государствах (Украина, Молдова) имеют характер открытого соревновательного процесса с непредсказуемыми результатами. Дело в том, что чрезмерная концентрация ресурсов в руках правящей государственной бюрократии и зависимо от нее бизнеса сдерживает формирование одного из базовых условий демократии — независимых от государства социальных и политических акторов. Таким образом, доступ на политический рынок ограничивается очень высокими барьерами, даже если у потенциального актора имеется набор идей, которые могут быть востребованы обществом. Примером этого служат президентские выборы 2010 г. на Украине, где в реальном соревновании за пост главы государства участвовали политики из «старой колоды», уже изрядно успевшие надоесть избирателям. Однако именно они на момент голосования контролировали основные ресурсы в стране, не давая представителям более новой волны, с более свежими идеями, реально включиться в борьбу за президентское кресло, хотя формально в выборах приняло участие большое число кандидатов. В результате концентрация ресурсов в правительственных и околоправительственных структурах сдерживает возникно-

вание альтернативных политических проектов, по крайней мере через легальные процедуры. Политическая жизнь начинает стагнировать, а риски социальных взрывов — в случае нежелания властей реагировать на новые вызовы и требования со стороны массовых слоев населения — возрастают.

Бюрократическое господство над экономикой предопределяет характер и цели хозяйственной деятельности в постсоветских странах. Главная цель конкурирующих за власть элит (или групп элиты) — установление контроля над источниками ренты: административной, бюджетной, природной. В результате предпринимательская активность, по меткому определению украинского политолога В. Карасева, ориентируется не на производство добавленных, инновационных стоимостей, а на бесконечные переделы различных видов ренты¹. В разных странах, в зависимости от их социально-экономических и географических условий, значение этих видов ренты для осуществления политического доминирования может быть неодинаковым. В России, Казахстане и Азербайджане, например, ключевую роль играет контроль над природной рентой. Рентные отношения в экономике порождают цикличный, замкнутый характер внутривнутриполитического процесса в постсоветских государствах: сменяющие друг друга у власти элиты и контрэлиты не являются носителями новых стратегий развития своих стран, а объективно заинтересованы в сохранении существующих порядков, хотя и нередко используют различные идеологические доктрины.

Непрекращающаяся борьба за контроль над источниками ренты в значительной степени обуславливает такие особенности постсоветских стран, как слабость, частую изменчивость политических и социальных институтов. Главная причина в том, что сильные институты вместе с регулируемыми их деятельность правовыми нормами являются серьезными препятствиями для осуществления быстрого захвата контроля над теми или иными активами. При таком положении институт собственности, гарант стабильности социального порядка в обществах с рыночной экономикой, во многом приобретает условный характер. Как при феодализме, им вознаграждают за особые услуги перед властной элитой². Политические институты часто

¹ <http://podrobnosti.ua/print/interview/2010/11/01/727750.html>

² Более подробно о возрождении элементов феодализма в нынешней России см.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

меняются в угоду интересам, иногда откровенно конъюнктурным, пришедших к власти групп. Так, за последние 20 лет Россия пережила две системы выборов нижней палаты парламента — Государственной Думы; три разных порядка формирования верхней палаты — Совета Федерации (на пороге — третья); главы субъектов федерации также избирались/назначались по трем различным схемам. До президентских выборов 2008 г. было широко распространено мнение, что в политической системе России все институты слабы и неустойчивы, за исключением института президента. Однако последующее развитие событий опровергло это мнение. Хотя в Конституцию РФ не было внесено никаких поправок, ограничивающих полномочия главы государства, фактическая власть перетекла в офис председателя правительства. Таким образом, личностное измерение власти оказалось сильнее институционального. На Украине после прихода к власти президента В. Януковича начался конституционный процесс восстановления президентской республики, хотя нынешняя смешанная президентско-парламентская система была создана всего лишь несколько лет назад. В Грузии в 2010 г. также была проведена конституционная реформа, ограничивающая власть президента и расширяющая права председателя правительства. Большинство наблюдателей убеждено в том, что это сделано в интересах нынешнего президента М. Саакашвили, полномочия которого истекают в 2013 г., но который тем не менее хотел бы сохранить в своих руках реальную власть. Слабые, изменчивые и зависимые от групповых интересов институты не позволяют реализовывать долгосрочные стратегии развития, что также усиливает стагнационный характер постсоветских обществ.

Система рентных отношений является питательной средой для коррупции, которая в постсоветских обществах приобретает системный характер, превращается в способ существования государства. В крайних проявлениях коррупция такого рода становится вызовом общественной стабильности, ибо в состоянии парализовать работу госаппарата, если правительственные решения не совпадают с долгосрочными или ситуационными интересами отдельных слоев и звеньев бюрократии. Так, летом 2010 г. чиновники областных администраций и различных министерств не отменяли свои отпуска, хотя пожары и резкое ухудшение экологической обстановки в европейской части России требовали принятия экстренных мер со стороны государства по защите объектов народ-

ного хозяйства, граждан и их здоровья. Ограниченность источников ренты, их незначительная обеспеченность ресурсами в отдельных случаях является одной из причин, почему в экономически бедных республиках уровень коррупции может быть ниже, чем в более богатых странах. Так, в Молдове коррупции в целом меньше, чем в России, на Украине или в Казахстане. Широко распространенное утверждение о том, что коррупция ниже в государствах, добившихся больших результатов на пути демократизации, на постсоветском пространстве не подтверждается практикой. Несмотря на успехи, достигнутые Украиной в создании инфраструктуры демократии — выборов с заранее неизвестными результатами, относительно устойчивых политических партий, не являющихся клиентами отдельных чиновников и бизнесменов, независимых от государства СМИ, — уровень коррупции в этой стране ничуть не ниже, чем в соседней России с ее авторитарно-бюрократическим режимом.

Рентный характер экономики, неустойчивые институты создают среду, в которой властные отношения становятся клиентелистскими. Вертикальные взаимодействия во власти регулируются не столько законами и правовыми нормами, а личной зависимостью подчиненных от вышестоящего начальства. При этом сама властная иерархия все более начинает напоминать «феодальную лестницу», действующую по принципу «вассал моего вассала — не мой вассал». В результате различные звенья государственной управленческой системы зачастую действуют весьма автономно. Эффективность же всей вертикали власти от этого снижается. Управленческие команды, порой даже исходящие с самого верха, «гасятся» и не выполняются, если они противоречат интересам тех или иных бюрократических клиентов. Существенной особенностью такого характера властных отношений является неустойчивость групп интересов, поскольку главным объединяющим началом для них является доступ к важному бюрократическому ресурсу. Как только его обладатель утрачивает бюрократический ресурс, группа интересов быстро распадается¹. В такой среде затруднено формирование устойчивых социальных и политических акторов, которые, обладая долгосрочными групповыми интересами, могли бы играть важную роль и в определении общенациональных стратегий развития.

¹ Нисневич Ю. Политика открытыми глазами // Россия — это мы: Взгляд на перспективы социально-экономического и политического развития страны в XXI в. М.: ОК и ПР, 2005. С. 26.

Ситуация в странах Средней Азии и Азербайджане отличается от ситуации в государствах, расположенных в европейской части бывшего СССР, в Грузии и, в меньшей степени, в Армении. В Средней Азии земляческие и родственные отношения несомненно играют большую роль в формировании групп интересов, придавая им существенную устойчивость. Однако это не приводит к возникновению современных акторов, нацеленных на решение задач развития. Система рентного капитализма оставляет их в рамках традиционной логики поведения, нацеленной на удержание власти и групповое обогащение.

Почти во всех постсоветских странах не удалось создать устойчивую систему передачи власти, за исключением, пожалуй, Молдовы. На пространстве бывшего СССР¹ эта система отличается от других групп государств, переживающих стадию посткоммунистической трансформации. Так, в странах Центральной и Восточной Европы утвердилась демократическая модель передачи власти, основанная на альтернативных выборах с непредсказуемым результатом. В Китае и Вьетнаме смена власти происходит в рамках правящих коммунистических партий, но на основе твердых внутрипартийных правил и процедур, ограничивающих пребывание тех или иных политиков на высших государственных постах временными и возрастными рамками. Внешне на постсоветском пространстве существует многообразие форм передачи власти. В России и Азербайджане возник квазиинститут преемника, когда уходящий глава государства фактически назначает своего «сменщика». В этих условиях процедура выборов лишь формально легализует уже принятое политическими верхами решение. После демократических выборов 1990-х гг. в направлении «преемничества» эволюционирует система передачи власти в Армении. Та же тенденция в настоящее время наметилась и в Грузии, хотя в 1992-м и 2003 г. власть в этой стране дважды менялась в результате революционных событий. В Белоруссии после первых демократических выборов президента в 1994 г. у власти бессменно находится А. Лукашенко, поэтому опыта смены власти практически нет. Вообще отсутствует опыт смены власти в Казахстане и Узбекистане. В Таджикистане она поменялась один раз, да и то в результате гражданской войны. Такой же единичный пример смены власти был и в Туркмении, правда, в результате дворцово-

го переворота. В 2000-е гг. дважды в результате революционных событий — 2005-го и 2010 г. — менялась власть в Киргизии. Лишь две страны постсоветского пространства — Молдова и Украина — усвоили иной, демократический опыт передачи власти через альтернативные выборы с заранее неясным результатом. В Молдове таким образом власть обновляется регулярно. До последнего времени аналогичная тенденция была характерна и для Украины. Однако после прихода на президентский пост В. Януковича и возглавляемой им Партии регионов в стране стала ограничиваться политическая конкуренция, усилился прессинг на оппозицию и СМИ, критикующие президента и его партию; исполнительная власть явно нацелилась на то, чтобы взять под контроль избирательный процесс для получения нужного ей результата. Украинская политическая система начала эволюционировать в сторону авторитаризма. Если это движение продолжится, то и система передачи власти в этой стране, скорее всего, изменится по российскому образцу. Таким образом, несмотря на внешнее разнообразие, все же можно констатировать некие общие черты, характерные для системы передачи власти в постсоветских странах. Нигде, кроме Молдовы, не сложились твердые правила, регламентирующие эту процедуру (ни по центрально-европейскому, демократическому, ни по китайско-вьетнамскому, «компартийному», сценарию). На фоне все еще часто встречающихся случаев передачи власти в результате революционных событий (Грузия, Киргизия) набирает силу тенденция смены власти через квазиинститут преемника. В этом направлении эволюционируют политические режимы в Армении и Грузии. Есть основания предполагать, что попытки установить подобные системы передачи будут предприняты во всех странах Средней Азии (за исключением Киргизии), а также в Казахстане и Белоруссии. Назначение и формальное утверждение преемника у власти через процедуру всенародных выборов плохо поддается институционализации, каждый раз являясь результатом верхушечного сговора в верхах, зависящего от массы обстоятельств, которые трудно регламентировать в рамках тех или иных норм. Все это создает своеобразную атмосферу в политической жизни постсоветских государств. Когда имя преемника неясно, она отличается крайней неопределенностью, поскольку с началом нового политического цикла нередко связываются опасения/надежды на резкие повороты в политике страны. Когда же преемник становится главой государства, производит соответствующие кадровые назна-

¹ Государства Балтии не входят в эту группу, поскольку политически, экономически и институционально принадлежат к другому политико-географическому региону мира — «Большой Европе».

чения в высших эшелонах власти, внутривластный процесс вновь начинает стагнировать. «Окно» же для подлинных политических и социально-экономических изменений, как правило, остается закрытым.

Между тем в рамках транзитологических теорий установление новых, демократических механизмов передачи власти является одним из важнейших характеристик успешности перехода. Исходя из этого критерия, можно предположить, что постсоветские государства едва ли можно отнести к странам в состоянии демократического транзита (опять же за исключением Молдовы). Нормативно-правовая неопределенность системы передачи власти в этих странах, скорее, отражает устойчивость сформировавшегося в них политического порядка.

Разумеется, выше были описаны далеко не все характерные черты постсоветской общественной модели. Но именно те черты, которые проанализированы выше, представляются существенными, системными. Описание модели не дает еще достаточных оснований для трактовки ее природы. Безусловно, это должно стать предметом отдельных, самостоятельных исследований. Учитывая нынешний уровень знаний о постсоветских обществах и государствах, можно предположить, что наиболее перспективным направлением является их анализ сквозь призму эволюции и последующей адаптации к новым реалиям позднеимперских социумов и структур. Такой подход, хотя и основан на некоей законченной концепции, позволяет рассмотреть истоки нынешних структур и отношений, понять их мутации и особенности выживания в современную эпоху. Как справедливо отметили Л. Гудков и Б. Дубин, «в отличие от транзитологии такой подход не предполагает заданности направления изменений и, следовательно, не содержит нормативных или рецептурных элементов в описании реальности, освобождая тем самым исследователей от необходимости отыскивать “ростки демократии”, прототипы “среднего класса”, следы “гражданского общества” и т.п. Напротив, акцентируя особенности институциональных структур данного типа, этот подход направляет усилия аналитиков на описание степени их устойчивости или изменения, специфику интересов или идей тех групп, с которыми связаны потенциал и возможности перемен. Тем самым картина жизнедеятельности этих обществ приобретает более вероятностный и открытый характер»¹.

¹ Гудков Л., Дубин Б. Постимперский синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки. М., Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 14.

Вот почему важной проблемой является понимание возможных путей выхода из постсоветского капитализма. По прошествии 20 лет с большой долей уверенности можно сказать, что утверждение института альтернативных выборов с неясным результатом, СМИ, независимых от государства, закрепление принципов идеологического плюрализма сами по себе не дают гарантий успешного перехода к иной модели развития. По-видимому, наиболее перспективный сценарий выхода лежит через радикальную реконструкцию государства с присутствием ему типом бюрократического аппарата, превращения его из организации, по своему происхождению стремящейся к монополизму и тотальному контролю общественной жизни, в сервисный центр, работающий для оказания услуг гражданам. Именно демонтаж этого государства, являющегося стержнем постсоветской модели, – судя по всему, необходимое условие выхода из постсоветской модели. Пока на пространстве есть только одна попытка реализации подобного сценария. Она осуществляется в Грузии, где администрация и правительство президента М. Саакашвили начали реформы с десовиетизации государства, с замены постсоветской бюрократии на новую, отвечающую запросам современного общества. Однако говорить об успехе этого опыта пока преждевременно. В Грузии по-прежнему существуют проблемы со становлением демократических институтов, в том числе демократической сменяемости власти. Социально-экономические реформы еще не привели к запуску устойчивых механизмов роста и развития, повышению уровня и качества жизни большинства населения.

В этом контексте уместным представляется еще один важный вопрос, который на сегодняшний день является открытым для социальных наук: способны ли постсоветские общества самостоятельно, опираясь лишь на внутренние ресурсы и источники, осуществить переход к иной модели развития? Или для этого потребуются те или формы внешнего участия наподобие интеграции в сообщества более развитых стран (например, в Европейский союз) или разработки специальных планов реформ, осуществляемых на международные деньги (по аналогии с «планом Маршалла»)? Всесторонний анализ имеющихся возможностей и альтернатив, по-видимому, и станет главным направлением исследований постсоветской модели в ближайшие годы.

Александр ВЕРХОВСКИЙ

Эволюция постсоветского движения русских националистов*

Тема этой статьи уже, чем тема эволюции русского национализма в целом (и тем более — чем тема национализма в России), так как последний отнюдь не исчерпывается политическими партиями, движениями и группировками националистического толка, но включает также общественные настроения, трансформацию некоторых институтов, различные практики власти и общественных акторов. Националистическое движение¹, однако, имеет смысл рассматривать не только в такой широкой рамке, но и в перспективе самого движения — если не буквально «глазами националистов», то хотя бы в таком ракурсе, который позволяет понимать их мотивацию. Такой подход обязывает нас обращать больше внимания не на изменение ситуации в стране в целом, а на идейную и организационную эволюцию националистов, на их отношения друг с другом, с властями и с иными акторами.

* Первоначальная версия этой статьи была ранее опубликована, см.: Eurasian Review. 2010. Volume 3 (<http://www.evrazia.or.kr/review/01Verkhovskii.pdf>). В 2010 г. она писалась параллельно с другой статьей (Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210), в результате чего, во-первых, в данной статье есть определенные повторы по отношению к нашей совместной с Эмилем Паиным работе, а во-вторых, данная статья отчасти полемизирует с тем подходом, который мы тогда смогли совместно применить к современному русскому национализму. События на Манежной площади в декабре 2010 г. резко актуализировали проблему националистического движения в общественном сознании. Но к моменту сдачи статьи в печать, в феврале 2011 г., эти события потребовали лишь незначительных изменений в уже проведенном анализе.

¹ Национализм понимается как связанный набор политических идей, характерных для эпохи модерна, основанных на натурализации представления о нации и направленных на реализацию «интересов» нации путем ее объединения, укрепления ее идентичности и придания ей государственного суверенитета (Smith A. Nationalism and Historian // International Journal of Comparative Sociology. 1992. XXXIII. № 1–2). Эта идея удачно развита Бройи (см.: Бройи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 201–235). Националистическим движением в современном мире, где национализм как таковой уже давно не новость, стоит считать совокупность активистских групп любого рода, чьи взгляды и деятельность обусловлены идеями национализма в первую очередь, а не только в какой-то степени.

Описывая эволюцию некоего движения, мы должны представлять себе границы описываемого феномена. Как ни странно, гораздо легче очертить границы не русского национализма, а движения русских националистов. Под движением следует понимать не всех людей, разделяющих или даже пропагандирующих националистические взгляды, а именно участников постоянных или временных общественных объединений, которые определяют себя как русские националисты или понимаются так другими группами и наблюдателями, знакомыми с их активностью. Эти объединения распознают друг друга как таковых, хотя распознавание может носить и положительный характер («соратники» или даже «единомышленники»), и отрицательный («не настоящие националисты» и т.п.). Иначе говоря, эти группы людей могут объединяться или конкурировать за право представлять русский национализм. Хотя они очень по-разному понимают этот термин, наблюдается однозначное различие других групп на тех, с кем возможна такая коммуникация, и тех, кто заведомо стоит вне этого круга и не заслуживает критики как заведомый ненационалист.

Как же происходит это распознавание «свой—чужой»? Судя по тому, что сами русские националисты пишут по этому поводу, ориентация происходит по двум критериям. Первый — использование определенной риторики, которую — просто по словарному ряду — можно определить как националистическую и/или патриотическую. Второй — позиционирование по отношению к более ранним формам и группам движения, хотя оно может определяться как положительно (преемственность), так и отрицательно (декларирование «правильного» национализма против ошибок и отклонений предшественников). И второй критерий явно важнее первого.

Мы, как внешние наблюдатели, не можем пользоваться теми же критериями для определения границ движения, так как связи, наблюдаемые извне, всегда выглядят не так, как связи,

наблюдаемые изнутри (и внутри они тоже выглядят по-разному в зависимости от места внутреннего наблюдателя в движении: например, если такой наблюдатель симпатизирует восставлению монархии, он будет шире включать разного рода монархистов в свой образ движения). Но и исходить из какого-то своего жесткого понимания национализма тоже не следует, так как это было бы явным навязыванием объекту исследования концептуальной рамки, которая, может быть, объекту и не подойдет. Так же подходит к исследованию русского национализма в целом Марлен Ларюэль¹, наиболее систематически к данному моменту описавшая этот феномен².

М. Ларюэль ссылается при этом на исследователя национализма совсем другой эпохи, который дал такое определение: национализм — это «система мышления, в которой идея нации преобладает»³. Но это, видимо, недостаточно политическое определение: идея нации может «преобладать», но не порождать никакой политической программы, как это и происходит в сознании многих российских граждан, которые лишь пассивно придают большое значение «национальному вопросу», но никаких определенных взглядов не придерживаются. Значит, говоря о движении националистов, мы должны к «системе мышления» добавить «направленность деятельности». Для националиста «нация» (в кавычках потому, что националисты могут весьма по-разному понимать этот термин) — это главная ценность (как для либерала — «свобода», для социалиста — «социальная справедливость» и т.д.), соответственно, его главная задача — улучшение положения своей «нации» в противодействии или союзе с другими. Типы националистов различаются по тому, как они определяют нацию (в первую очередь свою, ту, от имени которой они выступают) и какие меры они считают наиболее значимыми для улучшения ее положения.

В соответствии с таким пониманием национализма мы можем (пусть и не всегда однозначно, разумеется) выделить те политические группы и целые течения, для которых ценность «нации», пусть и очень важна, но не стоит на первом месте. Такие течения — не чуждые на-

ционализму, и националисты в какой-то степени признают их «своими», т.е. полемизируют с ними. Более того, эти течения могут оказывать существенное влияние на развитие национализма, если они сами обладают значительным общественным весом. Можно привести два наиболее показательных примера — это Русская православная церковь (РПЦ) и Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ): обе эти структуры не просто придают большое значение «нации», но даже выдвигают свои версии русского национализма, весьма значимые для российского общества в целом и, соответственно, для русского националистического движения в частности, и все же на первом месте для них стоит явно не ценность «нации». Поэтому такие организации обязательно надо рассматривать в связи с историей русского националистического движения, но нельзя считать его частью.

Нисходящий тренд 90-х. 90-е гг. были периодом нарастающего (или, по крайней мере, неубывающего) беспокойства в российском обществе, вызванного «подъемом национализма». Ретроспективно стало очевидным, что то десятилетие можно назвать подъемом национализма, только если брать за точку отсчета 1989-й или 1990 г., но при такой точке отсчета окажется, что любое идейное движение испытало подъем, так как в 1989–1990 гг. все они только складывались.

Электоральная динамика. Видимо, наивысшей точкой, достигнутой пока русским национализмом, следует считать период 1993–1995 гг. Именно тогда радикальные русские националисты могли участвовать в политике с оружием в руках и, если не побеждать, то наживать значительную популярность, как Русское национальное единство (РНЕ) Александра Баркашова в вооруженном противостоянии президента и Верховного Совета; могли набирать максимальное по сравнению с другими партиями количество голосов на выборах, как Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) Владимира Жириновского на выборах в первую Думу; их единомышленники попадали в федеральное правительство (как Борис Миронов, бывший краткое время в 1993–1994 гг. председателем комитета РФ по печати, и до, и после этого выступавший как пламенный ультра-националист и антисемит), а в истеблишменте возникали серьезные националистические проекты (Конгресс русских общин Олега Скокова и Александра Лебеда образца 1995 г.).

¹ Ларюэль М. Размышления на тему «русский национализм» как предмет исследования // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 7–8.

² Laruelle M. In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

³ Lavroff D.G. Histoire des idées politiques depuis le XIXe siècle. Paris: Dalloz, 1991.

С тех пор и до конца десятилетия политический вес радикальных русских националистов неуклонно снижался. Поскольку федеральные выборы в 1990-е гг. были почти полностью свободными и результаты их фальсифицировались сравнительно мало (президентские выборы 1996 г. — более спорный случай), для оценки популярности националистов можно опираться на их электоральные результаты¹.

В выборах на Съезд народных депутатов РСФСР весной 1990 г. националисты, как и другие новые политические движения, участвовали в слишком малой степени, чтобы стоило эти выборы учитывать. Начинать имеет смысл с президентских выборов 1991 г., хотя они, конечно, были еще не вполне свободными. Два кандидата-националиста, Владимир Жириновский и Альберт Макашов (генерал-коммунист, в будущем — видный представитель радикально-националистического крыла КПрФ), в сумме набрали 11,55% голосов (мейнстримные коммунисты тогда еще не имели столь явного националистического окраса).

В это время национализм переживал подъем наряду со всеми другими идейными течениями в стране. К парламентским выборам декабря 1993 г. все эти течения достигли своего максимального уровня. С другой стороны, немалая часть националистических политиков не могла участвовать в выборах, так как была отстранена за участие в силовом противостоянии в октябре. В результате в Думу прошли по одномандатным округам несколько активных участников националистического движения — в первую очередь, от Российского общенародного союза (РОС) Сергея Бабурина, — а в голосовании по спискам участвовали только ЛДПР и КПрФ, которые тогда отторгались движением за неучастие в октябрьских боях и не вполне идентифицировались избирателем как националистические. ЛДПР собрала 22,92% голосов, а КПрФ — 12,4%, т.е. в сумме — 35,32%.

Два года спустя в выборах участвовали девять списков, так или иначе ассоциируемых с национализмом. Из них в полной мере могли быть отнесены к движению русских националистов только Движение «Держава» Александра Руцкого, блок «Власть — народу!» Сергея Бабурина, Николая Рыжкова и Станислава Терехова и Национально-республиканская партия России (НРПР) Николая Лысенко. Эти три спи-

ска выступили очень слабо, собрав 2,57, 1,61 и 0,48% соответственно, и в Думу не попали. Прошли туда КПрФ (22,3%) и ЛДПР (11,18%), и едва не попал Конгресс русских общин (КРО), новая, умеренная и тогда весьма уважаемая националистическая организация (4,31%). Но всего девять списков собрали явно больше, чем в 1993 г., — 43,85% голосов. Попали в Думу и националисты-одномандатники, и опять преимущественно — от РОС. Это был пик успеха.

Но следует учитывать, что голоса КПрФ были отданы зачастую безо всякой националистической мотивации, да и ЛДПР — тоже. ЛДПР, не выступавшая последовательно со своей националистической программой и очень склонная к договоренностям с исполнительной властью, была скорее тормозом для националистического движения. КПрФ, стремясь к монополизации на поле умеренной оппозиции «режиму Ельцина», своими успехами также скорее мешала развитию движения националистов. Хотя в I и II Думе существовало стабильное антиельцинское большинство, не чуждое национализма, участники националистического движения, в том числе в самой Думе, не воспринимали это большинство как свое.

Уже на президентских выборах 1996 г., даже если рассматривать только первый тур, более открытый и честный, националисты выступили слабее: Г. Зюганов, В. Жириновский и выступивший от имени радикального националистического крыла экс-чемпион мира по штанге Юрий Власов собрали 32,03, 5,7 и 0,2% соответственно, т.е. в сумме 37,93% (генерал Александр Лебедь, баллотировавшийся независимо от умеренно-националистического КРО, совершенно не выступал как националист, поэтому голоса, отданные за него, засчитывать не стоит).

Следующие федеральные выборы прошли после значительного промежутка — в декабре 1999 г. Они все еще были достаточно открытыми для участия, и подсчет голосов еще не полностью искажал результаты. И все же наиболее радикальный список националистов — созданный при участии РНЕ и ЛДПР блок «Спас», список которого возглавил сам А. Баркашов, — не был зарегистрирован, и сделано это было с явными нарушениями процедуры. На выборы вышли семь националистически окрашенных списков, но выступили они гораздо хуже, чем четырьмя годами ранее. КПрФ даже улучшила результат до 24,3%, а вот ЛДПР не без труда прошла барьер — 5,98%. Остальные списки не набрали и 1% голосов (КРО, лишившись ключевых фигур, получил 0,67%, созданное

¹ Михайловская Е. Итоги парламентских выборов 1999 г. для национал-патриотов (в том числе имперской направленности). Отсчет уопленников // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 20–32.

А. Макашовым Движение в поддержку армии — 0,58%, РОС — 0,37%, блок «Русское дело», объединивший ряд небольших националистических организаций, — 0,17%, а движение «Духовное наследие» умеренно-националистического экс-идеолога КПРФ Алексея Подберезкина — и вовсе 0,1%). Суммарный результат — 32,17%, и почти весь этот электорат — электорат КПРФ, которая к этому времени сильно сбавила в националистической риторике (не зря партию покинул А. Подберезкин). Одномандатников у националистов стало меньше, при сохранении лидирующих позиций РОС (но сам Сергей Бабурин в Думу не прошел, что резко снизило вес его движения), и в новой Думе не оказалось ни одного действительно радикального депутата-националиста.

Иначе говоря, национализм в том виде, в котором он был известен российским гражданам, явно сдавал позиции. Интригой выборов 1999 г. было противостояние двух больших коалиций правящего чиновничества («Единство» и «Отечество — Вся Россия»), а противостояние с националистами и даже с коммунистами отошло на второй план. Обе конкурирующие коалиции, помимо прочего, разрабатывали свои версии национализма, но это не имело никакого отношения к существовавшему движению русских националистов.

Стремительное объединение основных конкурентов декабрьских выборов сделало последовавшие 27 марта 2000 г. президентские выборы референдумом по утверждению Владимира Путина на посту президента. Почти все кандидаты националистического движения, включая Баркашова, просто не были зарегистрированы, в выборах русский национализм снова была представлен Жириновским и Зюгановым и не претендующим на многое Подберезкиным. При этом часть русских националистов не только не поддержала этих кандидатов, но прямо выступала в поддержку Путина: не считая мелких групп, так выступили РОС С. Бабурина, Русский общенациональный союз (РОНС) Игоря Артемова, КРО, возглавляемый в то время Дмитрием Рогозиным, и Национально-патриотический фронт «Память» Дмитрия Васильева (впрочем, этот патриарх радикального национализма ранее уже поддерживал Ельцина против Зюганова)¹.

На выборах (а Путин выиграл их в один тур) Зюганов набрал 28,99% голосов, Жиринов-

¹ См.: Прибыловский В. Национал-патриоты на президентских выборах-2000 // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 60–74.

ский — 2,7%, а Подберезкин — 0,13%, что в сумме составило 31,82% — фактически то же самое, что за четыре месяца до этого, но если сравнить проценты конкретных партий/кандидатов, видно, что удельный вес национализма в этом оппозиционном голосовании снизился.

В тот момент можно было сказать, что русский национализм как атрибут оппозиции перестал работать: Зюганов выглядел в те месяцы не существенно большим националистом, чем Юрий Лужков, а многие националисты возлагали большие надежды на В. Путина.

Основные идейные тенденции русского национализма 90-х гг. Годы перестройки и начало 90-х были периодом, когда доминировало представление об «идеологическом вакууме», якобы образовавшемся в результате краха советской идеологии. Представление об этом «вакууме» держится в публичном дискурсе до сих пор, но оно не было верным и тогда: в головах у людей никогда не бывает «вакуума», идеи не исчезают, но сразу замещаются или трансформируются. Так или иначе, начало 90-х было периодом, когда сторонники самых разных идейных течений вступили в борьбу за умы граждан. Предсказать результат этой борьбы было совершенно невозможно, но можно было рассчитывать если не на победу, то по крайней мере на внедрение в популярный дискурс каких-то своих понятий, а ведь это уже немало.

Если говорить об идейных течениях русского национализма, то им многое в этом смысле удалось, но сами они, как будет показано ниже, не смогли получить дивиденды от своих успехов. Рассмотрим вкратце основные из этих идейных течений, не сосредоточиваясь на истории тех организаций, которые эти идеи представляли².

Наиболее естественной формой постсоветского русского национализма было прямое наследование представлений советских но-

² Организационно-идеологическая структура русского национализма 90-х достаточно представлена в работах В. Прибыловского и других моих коллег по Центру «Панорама» (Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А. Радикальные националисты в России в начале президентства Путина // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 100–110). Более детальный обзор идейных течений 90-х, а также предварительный анализ изменений 2000-х и соотношения националистического движения с политикой властей дан в статье: Верховский А. Идейная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е гг. // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32.

менклатурных националистов¹, которые идеализировали позднесталинскую империю как реинкарнацию русской империи. Для наследников так называемой «русской партии» советский, сталинский миф вполне органично сливался с этническим русским мифом; реальный советский коммунизм понимался как эманация «русского духа», а не как импортированная западная идеология. Некоторые чаще называли себя коммунистами, некоторые предпочитали самоназвание «патриот», уже в перестройку возникло и самоназвание «национал-патриот». Самоназвание «националист» в силу устойчивых негативных коннотаций, сложившихся в советские годы, не использовалось. Оппоненты называли их «красными патриотами» и даже «красно-коричневыми».

Именно эти настроения были доминирующими в широкой оппозиционной коалиции 1993 г. — Фронте национального спасения. После краха октября 1993-го эти настроения сконцентрировались в КПРФ, которая в 1996—1999 гг. возглавила пеструю оппозиционную коалицию — Народно-патриотический союз России (НПСР, с 2000 г. эта коалиция отделилась от КПРФ и сразу перестала играть какую-либо роль).

В 90-е гг. целью «красных патриотов» была реставрация СССР, но в более русском духе. Однако цель эта становилась все более призрачной по мере того, как граждане адаптировались к постсоветской ситуации.

Второй по естественности формой русского национализма было возрождение националистической традиции дореволюционной «черной сотни», что хорошо укладывалось в популярное в перестройку представление о возврате к «России, которую мы потеряли». В начале XX в. черносотенное движение стремилось превратить империю Романовых в империю с этническим самоопределением метрополии. Возрождение черносотенства в постсоветских условиях означало прежде всего реконструирование этой православной политической идеологии, что оказалось просто невозможно из-за неприемлемости архаичной риторики новых «черносотенцев», в первую очередь религиозной. В высочайшей степени секуляризованное постсоветское общество смогло предоставить новым черносотенцам лишь тонкий слой неопитов, увлекшихся православием в его имперско-архаической политизированной версии². Но «новые черно-

сотенцы» все же внесли огромный вклад в движение русских националистов, приучив его рассматривать религиозное возрождение как аспект возрождения политического.

Первая половина 90-х стала временем бурного роста популярности понятия «евразийство», хотя неоевразийство 90-х имело весьма отдаленное отношение к наследию русских евразийцев 20-х гг. Основатель и первый пропагандист неоевразийства Александр Дугин, сам понимал его как специфическую русскую разновидность фашизма³, и на практике деятельность Дугина заключалась в индоктринировании русских националистов идеями европейских «новых правых», в чем он немало преуспел⁴. Деятельность Дугина была направлена на две цели — повлиять на изменение общественных настроений в целом и создать мощное политическое движение в духе «новых правых».

По второму пути он далеко продвинулся, когда в 1994—1998 гг. был идеологом Национал-большевистской партии (НБП) Эдуарда Лимонова. НБП с ее ориентацией на ранний левый фашизм а-ля Штрауссер и активной контркультурной позицией стала очень притягательна для значительной части оппозиционной молодежи, не только ультраправой, но и ультралевой. Трудно сказать, как развивалась бы далее НБП, если бы Дугин не рассорился с Лимоновым и не покинул партию. Примерно до 2004 г. НБП двигалась в целом по предписанному Дугиным пути, но изменение ситуации в стране привело, в конце концов, к резкому развороту партии (см. ниже). Группы, продолжающие тот же курс, включая Евразийский союз молодежи, почти не оказывают влияния на общество в целом.

Более успешным неоевразийство оказалось в непартийном формате. Книги Дугина стали популярны в самых разных кругах. По ним даже начали преподавать в высших учебных заведениях. В этом массовом варианте дугинские идеи гораздо меньше связаны с фашистской традицией. Неменьшее влияние получила идея

¹ Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: НЛО, 2003.

² Каарийнен К., Фурман Д. Старые церкви, новые верующие. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 7–78.

³ Понятие «фашизм» в этой статье используется в том значении, которое придает ему Роджер Гриффин. Фашистским можно считать радикально-националистическое движение, направленное в первую очередь на революционное перерождение нации (*Griffin R. The Nature of Fascism. London: Routledge, 1993*). И это понимание фашизма вполне применимо к Дугину, см.: Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультрационализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

⁴ Ларюэль М. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским предрасположениям. М.: Центр «Сова», 2005. С. 226–253.

славяно-тюркского единства как основы России, популяризированная Львом Гумилевым. Но Гумилев придал меньшую популярность своим представлениям о развитии этносов как биологических организмов: эта гумилевская концепция, гораздо более расистская, чем у Дугина или «новых правых», стала в России уже в 90-е неотъемлемой частью популярных представлений о социуме¹. К этому остается добавить идею столь же дуалистической «духовной основы» России в виде симбиоза православия и ислама.

Я бы назвал широко распространенные представления о славяно-тюркской и православно-мусульманской основе России «приблизительным евразийством». Именно эти представления, не отягощенные другими элементами евразийского наследия, разделяют многие высокопоставленные персоны. И некоторых из них Дугин в конце концов сумел собрать в начале 2000-х в руководстве своего Международного евразийского движения (МЕД)². Однако МЕД не стал реальным политическим проектом. Для нашей темы не менее значимо, что само понятие евразийства уже к концу 90-х достаточно решительно отвергалось всеми течениями русского национализма.

Несмотря на значительное влияние неоевразийцев, актуальное и до сих пор, надо признать, что неоевразийство как политическая идеология оказалось слабо, а «приблизительное евразийство» так и не обрело свойств идеологии, способной как-то структурировать политическое пространство.

Протестная романтизация нацизма возникает уже в советские годы, и в период краха СССР эта форма антисоветского протеста обеспечила достаточно массовый приток молодежи в организации, явно стилизующиеся под нацизм, в первую очередь в РНЕ. В середине 90-х РНЕ уже подмяло под себя чуть ли не все ориентирующиеся на фашизм ультраправые расистские группировки. При этом фашистской или нацистской РНЕ назвать было трудно: РНЕ одобряло Гитлера, но культивировало традиционный русский патриотизм, организация

числилась православной, но взгляды лидера и многих активистов были чрезмерно экзотичны для того, чтобы принять такую самоидентификацию, и т.д. РНЕ было военизированной организацией, но было вовлечено в сравнительно небольшое (для огромного размера организации — до 15 тыс. человек в лучшие времена) количество насильственных акций. Если что было у РНЕ от нацизма — это атрибутика и сугубо расистский подход к национализму. Если Стивен Шенфилд³ считал РНЕ образцом «русского фашизма», об угрозе которого много говорили в 90-е гг., то Андреас Умланд⁴ (2007) склонен считать РНЕ скорее образцом имитационного фашизма, и эта оценка представляется более точной, хотя внутри РНЕ можно было найти разные идейные группы, в том числе и действительно неонацистские. В 2000 г. РНЕ развалилось на много небольших организаций — отчасти под давлением властей, отчасти из-за собственной бездеятельности⁵. С тех пор РНЕ не исчезло с ультраправой сцены (особенно в некоторых регионах), но в федеральном масштабе уже не может рассматриваться как серьезная сила.

А неонацистская эстафета была подхвачена движением наци-скинхедов, возникшим в России еще в середине 90-х, но достигшим заметного размаха только к концу десятилетия. Движение было явно скопировано с аналогичного западноевропейского. Принципиальным отличием наци-скинхедов от «старших товарищей» были беспартийность, анархическая горизонтальная самоорганизация, несклонность к систематическому идеологизированию. Молодые неонаци откровенно не доверяли известным националистическим лидерам, хотя случаи сотрудничества со «старыми» радикально-националистическими организациями все же были; более других в этом преуспели Народная национальная партия (ННП) и Партия свободы, но в 2000-е обе они пришли в полный упадок⁶. Теоретически движение наци-скинхедов должно было опираться на идеологию White Power, но на практике уже через не-

¹ Шнирельман В. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3; Ларюэль М. Опыт сравнительного анализа теории этноса Льва Гумилева и западных новых правых доктрин // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1.

² Удивительный этот список от высокопоставленных политиков до вымышленных персонажей можно видеть здесь: Руководство Международного «Евразийского Движения» // Сайт МЕД. (<http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1908> — проверено 11.07.2010).

³ Shenfield S. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk: M.E. Sharpe, 2001.

⁴ Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультраправого национализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

⁵ Лихачев В., Прибыловский В. Русское Национальное Единство, 1990–2000. В 2-х т. Stuttgart: Ibidem, 2005.

⁶ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009, с. 70–77, 189–196.

сколько лет наци-скинхедом мог стать любой хулиган, хоть в какой-то степени разделяющий агрессивно этноксенофобные представления основателей движения. Наци-скин-движение лишь в ядре своем (точнее, в разрозненных ядрах) является неонацистским, в массе же своей оно просто агрессивно расистское, но равнодушно к остальным идеологическим моментам.

Целая серия громких нападений на «инородцев» в начале 2000-х гг. сделала наци-скинхедов чуть ли не синонимом «русского фашизма» вместо РНЕ. Таким образом, наци-скинхеды — по сути, скорее феномен 2000-х¹, но нельзя не отметить, что вызрел он как раз на фоне упадка остальных течений русского национализма к исходу 90-х.

Наконец, стоит упомянуть и такую форму русского национализма, как идея обособления этнического русского сообщества от «инородцев», т.е. ориентация на превращение России в максимально «этнически чистое» национальное государство. Эта «оборонительная», принципиально антиимперская форма этнонационализма получила относительно широкую поддержку благодаря Александру Солженицыну, выступавшему за «сбережение» русского народа путем отказа от бремени империи.

Задача обособления этнических русских особенно остро ставила вопрос об определении такой социальной группы. Сам Солженицын выступал за культурное определение, но оно слишком инклюзивно для реального обособления на постсоветском пространстве и тем более в пределах Российской Федерации. И большинство сторонников обособления определяло этнических русских скорее «по крови». (Существовали даже сторонники реального раздела России на «национальные республики» и «Русскую республику», но таких радикалов было мало — например, Русская партия.)

Доктрина обособления исходила из того, что стабильное государство не может быть построено в такой полиэтничной стране, как сегодняшняя Россия: слишком свеж был пример распада СССР. Однако к концу 90-х ощущение угрозы распада Российской Федерации заметно ослабло, выдохлись националистические

движения так называемых «титовых народов» республик (Чечня — особый случай)². Таким образом, «оборонительная» аргументация в пользу обособления этнических русских внутри России в значительной мере потеряла убедительность. Но сама идея защиты этнических русских как основной цели русского национализма не умерла.

Постановка вопроса о nation state, пусть и в чисто расистском ключе, была связана и с отказом от характерной для всех течений русского национализма реакционности. Уже в середине 90-х возникает кружок авторов, стремящихся понимать русский национализм не как стремление вернуться в тот или иной «золотой век» (СССР, империю Романовых, Московское царство или чужой Третий рейх), а как стремление к модернизации общества по тому пути, которым шли многие европейские страны, — построения этнически понимаемого nation state (этничность понималась при этом в расистском духе). Остальные идейные разногласия предлагалось считать второстепенными. Эти авторы группировались вокруг альманаха «Золотой лев» и «Национальной газеты». Они имели определенное влияние на формирование документов такой организации, как КРО. Апологетические воспоминания и некоторые документы этой группы недавно опубликованы³. Но все-таки в 90-е гг. такое понимание национализма было довольно редким.

2000-е гг.: конкуренция этнонационализма и «цивилизационного национализма». 1999–2001 гг. стали во многом переломными для движения русских националистов, хотя не все факторы перемен были сразу оценены наблюдателями.

Во-первых, как уже говорилось, ослаб массовый шок от распада СССР и советского общественного уклада. В результате стала менее актуальной не только ностальгия по СССР, но и националистическая ностальгия по Российской империи, так как она была подвижна во многом энергией отрицания советского наследия. Приход «сильной власти» в лице В. Путина подвел черту под периодом этого отрицания («проклятыми 90-ми»). Хотя в 1999 г. наблюдалось что-то вроде борьбы между более или менее просоветскими настроениями (между блоком Юрия Лужкова и Евгения Примакова и кланом Ель-

1 Подробнее о наци-скинхедах того периода лучше всего написано в трудах: Лихачев В. *Нацизм в России*. М.: Центр «Панорама», 2002, с. 108–136; Тарасов А. *Бритологовые // Дружба народов*. 2000. № 2. Более поздние тенденции отражены в работах: Тарасов А. *Скинхеды в России Путина: новейшие тенденции // Русский национализм в политическом пространстве*. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 156–165; Шнирельман В. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2010. С. 63–152.

2 Паин Э. *Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России*. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 178–247.

3 Сумин В. *Документы национального единения. К истории современного русского движения // Вопросы национализма*. 2010. № 1.

цина), с 2000 г. альтернатива исчезла, что было вскоре закреплено в путинском символическом компромиссе: флаг, ассоциирующийся с демократическим движением начала 90-х, почти имперский герб и советский гимн с новым патриотическим текстом, включающим строчку «хранимая Богом родная страна». Одним из элементов путинской программы (неформальной, конечно) стало примирение с отечественной историей. Конечно, практическое воплощение этой программы вызывает очень много нареканий, в том числе у националистов, но сам переход от официального осуждения советского периода к его официальному приятию выбил почву из-под ног оппозиционного «красного патриотизма».

Во-вторых, та же путинская программа подразумевала меры по утверждению внешнеполитической самостоятельности России, включая элементы империалистической политики (в отношении так называемого «ближнего зарубежья») и активную антизападную политику — по крайней мере, в риторическом плане. Точнее, поворот в российской внешней политике обозначился еще в 1999 г. в ходе косовского кризиса (знаменитый разворот Примакова над Атлантикой). В 1999 г. началась и новая война в Чечне, причем обстоятельства ее начала (взрывы домов в Москве и вторжение сил исламистского крыла чеченских сепаратистов в Дагестан) обеспечили новой кампании широкую поддержку. Впервые государственная власть делала в существенных масштабах именно то, что хотели националисты, и на некоторое время это резко понизило их оппозиционность. Конечно, националисты довольно быстро удостоверились, что В. Путин не собирается проводить их программу, и оппозиционные настроения среди них вновь усилились, но значительная часть националистической повестки дня — антивестернизм и «державничество» — были уже явно перехвачены властью.

В-третьих, в те же годы резко и до сих пор необратимо повысились этноксенофобные настроения, и это зафиксировано в систематических опросах Левада-Центра¹. Процент людей, разделяющих достаточно жесткие этноксенофобные предрассудки, вышел на уровень около 55% опрошиваемых и с тех пор незначительно колеблется вокруг этой цифры. Подъем ксенофобии, несомненно, был связан с косовским кризисом и началом второй чеченской кампа-

¹ Гудков Л. «Россия для русских»: ксенофобия и антииммигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

нии. Но в целом враждебность оказалась направлена не только на американцев и чеченцев (США и «чеченские боевики» до сих пор лидируют в списке «врагов России», судя по данным Левада-Центра), она быстро распространилась на очень широкий круг целей. (Сам этот феномен быстрого расфокусирования ксенофобной реакции, когда уже через пару месяцев изначальный объект вражды, например чеченцы, уходит на второй план, был неоднократно замечен при мониторинге массмедиа в посткризисные периоды², так что многообразие целей этноксенофобии в России неудивительно.) Более того, эта широкая ксенофобия быстро обрела новую и очень популярную концептуализацию в виде вражды к «мигрантам»³. При этом следует понимать, что термин «мигрант» в сегодняшней России отнюдь не тождествен термину «иммигрант»: под «мигрантом» понимается любой человек якобы «некоренной» для данного региона (части страны, области) этничности, приехавший (реально или только предположительно) в этот регион. Вторую волну ксенофобии — антимусульманскую — породило 11 сентября, очень серьезно воспринятое российским обществом (теракты чеченских сепаратистов понимались до этого скорее в этническом, чем в религиозном ключе), но масштаб религиозной ксенофобии несравним с масштабом ксенофобии этнической⁴.

Возрождение движения русских националистов. Суммарный результат этих изменений отразился на русских националистах довольно быстро. Те из них, кто в принципе был способен находиться в оппозиции (в отличие, например, от В. Жириновского), не могли скрыть

² Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ, 2005. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 87–89.

³ Гудков Л. «Россия для русских»: ксенофобия и антииммигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

⁴ Как ни странно, обе чеченские войны повлияли на динамику неприязни к исламу не очень заметно, в отличие от 11 сентября. «Плохое» или «очень плохое» отношение к исламу выразили в 1996 г. 22,8% россиян, в 1999-м — 16,5% (до начала войны), в 2002-м — 20,7%, в 2005-м — 19,6%. Для сравнения: россияне в 2005 г. относились к исламу хуже, чем к католицизму, но заметно лучше, чем к буддизму, старообрядчеству, иудаизму, не говоря уж о разных протестантских течениях (Фурман Д., Каарийнен К. Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI в. М.: Огни ТД, 2006. С. 22).

Неприязнь к мусульманам как таковым отчасти подпитывалась и подпитывается идейной неприязнью к исламу, но она всегда существенно ниже. И во второй половине 2000-х неприязнь к мусульманам в России только снижалась (Unfavorable Views of Jews and Muslims on the Increase in Europe. Web-site of Pew Global Attitudes Project, 2008, 17 сентября (<http://pewglobal.org/reports/pdf/262.pdf> — проверено 19.08.2010).

своего разочарования в В. Путине, который не шел с ними ни на какое сближение и не отступал в целом от либерального экономического курса, проводил националистическую политику, далекую от этнического национализма, пошел на стратегический союз с Западом после 11 сентября. Националисты не могли не оппонировать новому режиму. При этом имперская компонента их мировоззрения была властью во многом перехвачена. Зато у националистов появился шанс опереться на быстро распространяющуюся «мигрантофобию». Так чистый этнонационализм стал гораздо более востребованным, чем за несколько лет до этого.

Следует учитывать и существенное изменение в активе националистического движения к 2002–2003 гг. Многие из прежних активистов отошли от дел или просто состарились, зато на смену им пришли сотни, а затем и тысячи молодых людей, состоящих в группах наци-скинхедов или недавно там состоявших. По большей части новое поколение не вливалось в старые организации, но оно представляло собой желанный актив для лидеров. И этот актив в идеологическом плане интересовался, по сути, только одним пунктом программы – биологическим русским расизмом.

Возникший запрос взялось удовлетворить Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), созданное в 2002 г. выходцами из нескольких националистических организаций. ДПНИ возникло как группа, защищавшая участников армянского погрома, случившегося в небольшом подмосковном городе, и это отражало основной посыл нового движения: продолжающийся приток «мигрантов» воспринимался как агрессия «инородцев», от которой русский народ должен защищаться. Соответственно, позитивная цель ДПНИ – создание этнически определяемого русского nation state и жесткая политика по отношению к иммигрантам, да и вообще к нерусским.

Принципиальной новацией ДПНИ был полный отказ от обсуждения иных пунктов возможной программы. ДПНИ могло, конечно, иногда высказаться на какие-то иные темы, кроме очень широко понимаемых «нелегальных мигрантов», но чаще всего это были не темы из традиционного националистического набора, а просто социально ориентированная демагогия по тому или иному поводу. Другой новацией был отказ от позиционирования движения как оппозиционного: ДПНИ не было ни за, ни против Путина, оно и в этом последовательно игра-

ло роль партии одного требования. ДПНИ было не структурой партийного типа, а скорее горизонтальной агломерацией групп единомышленников, согласие между которыми требовалось по одному пункту (чтобы не дразнить ни соратников, ни власти, ДПНИ даже не пыталось регистрироваться). Лидер ДПНИ Александр Белов (а за ним и другие активисты) научился выступать так, чтобы его никак нельзя было обвинить в возбуждении этнической вражды: он вообще старался обходиться без этнонимов (кроме «русских»), акцентируя внимание на общепризнанной уже тогда «проблеме регулирования миграции». Во многом ДПНИ старалось копировать легальные ультраправые партии Западной Европы (а потом действительно установило с ними связи). Пафос нового движения был в том, чтобы сделать Россию «нормальным, как у всех» этнонациональным государством. Эти новшества сделали ДПНИ очень привлекательной структурой: Белова охотно приглашали многие СМИ, к ДПНИ могли примыкать самые разные люди – от наци-скинхедов до уважаемых бизнесменов националистических взглядов. И движение стало быстро расти.

На подъем этнической ксенофобии отреагировала в том же 2002 г. чуткая к новым веяниям ЛДПР – ксенофобная риторика стала заметно чаще использоваться ею на региональных выборах. Вслед за ЛДПР попыталась оседлать волну ксенофобных настроений КПРФ. А в 2003 г. решил отреагировать и Кремль – сверху был санкционирован проект создания предвыборного блока «Родина» на основе ряда движений и групп националистической, в том числе «красно-патриотической», направленности. Его основной задачей явно был отъем голосов у КПРФ на предстоявших в декабре выборах в Думу, но, видимо, имелось в виду также создание подконтрольного канала для проявления ксенофобных эмоций граждан.

Можно предположить, что в 2002–2003 гг. политическая элита как раз удостоверилась, что возникшее в 1999–2000 гг. статистическое «ксенофобное большинство» устойчиво. Более того, в те же годы понимание того, что в стране сложилось такое большинство, стало заметно во множестве высказываний в массмедиа. Многое из ксенофобной риторики, что представлялось к концу 90-х маргинальным, в эти годы быстро проникло в медийный мейнстрим, даже стало представляться чем-то вроде выражения общепринятого, обыденного знания. Благодаря этому граждане, составляющие «ксено-

фобное большинство», начали осознавать себя большинством. Конечно, от такого осознания до возможности политической мобилизации была огромная дистанция, тем более в условиях слабой и продолжавшей слабеть политической активности граждан, но и игнорировать эти новые настроения было уже невозможно.

«Родина» выступила в декабре 2003 г. действительно очень успешно, собрав 9% голосов, хотя блок был создан буквально в последний момент и многим избирателям был просто неизвестен. Хотя риторика «Родины» и тем более КПРФ на тех выборах была, пожалуй, даже менее ксенофобной, чем риторика ЛДПР. (А параллельно в ходе кампании по выборам мэра Москвы кандидат Герман Стерлигов, бизнесмен и активный националист, прямо с телеэкрана призывал расстреливать «инородцев».)

Конечно, парламентские выборы 2003 г. уже трудно было назвать вполне свободными и точно нельзя было назвать честными, но все же приведем их результаты. КПРФ получила всего 12,61% голосов, ЛДПР — 11,45%, «Родина» — 9,02%, «Единение» (маргинальная националистическая партия, основанная на несколько фантастической идеологии неоязыческого толка) — 1,17% (видимо, за счет первого места в бюллетене и сходства названия с правящей партией «Единая Россия»), «За Русь Святую» (блок православных фундаменталистов и националистов) — 0,49%, Партия «Русь» (чисто политтехнологический проект, разыгрывавший карту культурного этнонационализма) — 0,24%, Народная партия Российской Федерации (НПРФ; очень умеренная националистическая партия, позже ее актив растворился в «Справедливой России») — 1,18%, что в сумме дает 36,22% — даже больше, чем на федеральных выборах 1999–2000 гг. (причем без НПРФ и «Руси»), и эти проценты были, судя по предвыборной агитации, больше наполнены националистическим содержанием, чем тогда.

Изменение общественных настроений в сочетании с политическими успехами (в первую очередь «Родины», но не только) создало ощущение, что упадок второй половины 90-х сменился для русского национализма новым подъемом. «Родина» этим ощущением воспользовалась сполна и стала быстро набирать популярность.

Власть, конечно, приняла ответные меры. В президентских выборах в марте 2004 г. не стали участвовать (из лояльности к Путину, очевидно) ни Зюганов, ни Жириновский. Их заместители выступили очень слабо. Вместе с Сергеем

Глазьевым, наименее националистически ориентированным из лидеров блока «Родина», они набрали всего 19,27%. Да и тема национализма и этноксенофобии в президентской кампании звучала явно слабее, чем в осенней кампании¹.

Но подъем «Родины» и русского национализма в целом это не остановило. Партия «Родина», созданная на основе парламентского блока (мы здесь опускаем сложную динамику взаимоотношений внутри «Родины»), вела себя все более оппозиционно, и ее национал-популистская риторика уже всерьез беспокоила власти. В январе 2005 г. 14 депутатов от «Родины» и пять депутатов от КПРФ подписали известное «письмо пятисот», в котором призывали запретить все еврейские организации как экстремистские. Удивительно и политически значимо было не то, что в Думе набралось 19 антисемитов, а то, что 19 депутатов решились открыто выступить со столь радикальным предложением. На выборах в Московскую городскую думу в декабре 2005 г. «Родина» предположительно могла набрать 15% голосов, что сделало бы ее основной оппозиционной силой в столице². И коммунисты, и демократические партии уступали ей в конкуренции за это звание.

Между тем 4 ноября 2005 г. ДПНИ под прикрытием продугинского Евразийского союза молодежи провело в Москве первый «русский марш» — марш радикальных русских националистов, ставший с тех пор ежегодным и распространившийся на многие другие города. Шествие примерно двух с половиной или 3 тысяч человек по московским бульварам, завершившееся митингом практически под окнами президентской администрации, произвело сильное впечатление как на широкую публику, так и на самих националистов.

Очень важным для всех обстоятельств было то, что значительное большинство «русских маршей» тогда и впоследствии составляли участники молодежных националистических групп, ориентированных на насилие. Эти группы вызывали все возрастающее беспокойство общества и власти: если массовые погромы в Москве, организованные наци-скинхедскими бригадами, случавшиеся в 2001–2002 гг., не повторялись, то количество расистских нападе-

¹ Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 161–169, 175–184.

² Подробнее о короткой, но яркой истории партии «Родина» см.: Литков А. Партия номер четыре. «Родина» и окрестности. М.: Центр «Панорама», 2006.

ний, включая убийства, неуклонно нарастало¹. И эти группы явно стали самым массовым и уже незаменимым активом легально действующих националистических организаций типа ДПНИ. Для всех стало очевидно то, что внимательные наблюдатели отметили еще в начале десятилетия: движение русских националистов в целом, если рассматривать его не как совокупность организаций, а как сумму участвующих в нем людей, стало заметно более насильственным. И с тех пор грань между уважаемыми лидерами организаций и боевиками, входящими в эти организации, стала стремительно размываться.

Одновременно сравнительно молодое интеллектуальное крыло националистов смогло объединиться для разработки большого идеологического документа, который был назван «Русской доктриной»² (представлена была доктрина значительно позже): как и всякое объединение, это было признаком политического оптимизма.

Следует отметить также определенную перегруппировку среди тех, кого можно отнести к консервативным интеллектуалам нового, по сравнению с антилиберальными интеллектуалами 90-х, поколения (некоторые из них сами в 90-е были либералами). К сожалению, история интеллектуальных групп консервативного толка еще не написана, но все-таки можно констатировать видимое изменение в этой среде между 2003-м и 2005 г. Начало 2000-х, в связи с приходом Путина, ознаменовалось приливом интереса к консерватизму. Самоназвание «консерватор» широко распространилось. Наиболее заметным кружком консервативных интеллектуалов в 2003 г. стал «Серафимовский клуб»³. В нем было явное националистическое течение, но был очень слабо выражен этнонационалистический акцент, и основное внимание уделялось консерватизму как альтернативе либерализму, но при этом либерализм и даже лично либералы не отвергались вовсе. Примерно так же можно было охарактеризовать основной интернет-проект консервативного толка — «ГлобалРус». Конечно, тогда же были

и более широкие, более открытые для этнонационалистов интеллектуальные проекты, такие как Консервативный пресс-клуб (КПК), созданный в 2002 г. и возглавляемый Егором Холмогоровым и Михаилом Ремизовым.

«Серафимовский клуб» в 2004 г. перестал существовать (впрочем, его линию донине продолжает журнал «Эксперт», а «ГлобалРус» продержался до конца 2007 г.). Зато тогда же возник умеренный православно-националистический сайт «Правая.ру», а на базе КПК в 2005 г. родилось определенно националистическое Консервативное совещание, по составу уже очень близкое к авторскому коллективу «Русской доктрины». Конечно, процесс трансформации не был простым и однозначным. В том же 2005 г. Институт национальной стратегии стал поддерживать новую версию публицистического сайта «АПН», в котором консервативные нотки были тогда гораздо отчетливее националистических (что было связано с высокой актуальностью охранительных и империалистических настроений после украинской «оранжевой революции»). Анализ трансформации консервативных интеллектуалов затрудняет то, что они параллельно участвовали в разных проектах, в рамках которых могли высказываться по-разному. Но в качестве предварительной гипотезы можно сказать следующее: если в 2002–2003 гг. акцент делался на отказ от либерализма в пользу консерватизма, национализм понимался скорее как гражданский или имперский, но этнический компонент был выражен слабо, то в 2005 г. имперские настроения стали еще сильнее, и этнонационалистическое направление мысли стало вполне заметным.

Подъем и упадок национал-популизма как метода политической мобилизации. Подъем этнонационализма в 2005 г. стал настолько очевидным, что эта очевидность наложила отпечаток на развитие событий во все последующее десятилетие. Но следует различать ситуацию 2005–2007 гг., когда многим националистам казалось, что возможен политический успех их движения, и 2008–2010 гг., когда этот оптимизм заметно убавился. Для того чтобы прояснить это отличие, необходимо хотя бы вкратце описать последовательность политических событий 2005–2007 гг., касавшихся движения русских националистов.

Партии «Родина», ставшей непозволительно популярной, было отказано в участии в выборах в Московскую городскую думу в декабре 2005 г. (причем отказано по иску ЛДПР, которая обвинила «Родину» в ксенофобной предвы-

¹ Самые свежие данные о расистском насилии на момент написания статьи приведены в приложении к докладу: *Кожевникова Г.* Проявления радикального национализма и противодействие ему в России в первой половине 2010 г. // Сайт Центра «Сова». 2010. 14 июля (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/07/d19289/> — проверено 19.08.2010). Подробные таблицы регулярно приводятся в приложениях к докладам Центра «Сова», см. на сайте Центра: <http://sova-center.ru>.

² *Зверева Г.* Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // *Верхи и низы русского национализма*. М.: Центр «Сова», 2007. С. 121–144.

³ *Верховский А.* Романтика и прагматика либерального консерватизма // *Путями несвободы*. М.: Центр «Сова», 2005. С. 97–126.

борной пропаганде; симметричный и не менее обоснованный иск «Родины» против ЛДПР было отклонено). За этим последовала кампания административного давления в ходе региональных выборов, а сама «Родина» была расколота. В конце концов, партия фактически самоликвидировалась, менее амбициозные ее члены, включая думских депутатов, влились в создаваемую сверху партию «Справедливая Россия» (этот партийный проект, как ранее «Родина», создавался наспех, поэтому в партию легко влились весьма многообразные в идеологическом смысле активисты, в том числе и националисты). Сам лидер партии Дмитрий Рогозин перешел на государственную службу. Но более последовательные деятели «Родины» во главе с Андреем Савельевым пошли на тесный союз с ДПНИ.

ДПНИ в это время находилось на пике своей славы. Движению удалось записать в свой актив этнически окрашенные беспорядки в карельском городке Кондопога в начале сентября 2006 г. Эти беспорядки интерпретировались как русский бунт против «мигрантизации», причем бунт успешный: граждане кавказского происхождения по большей части покинули город. Кондопога стала знаменем русского национализма и жупелом для властей, всерьез опасавшихся тиражирования этого опыта. Под влиянием кондопожских событий власти пошли на популистские меры, ограничивающие присутствие иммигрантов. Той же осенью по стране прокатилась кампания против этнических грузин. В совокупности эти события (и ряд менее значимых) создавали впечатление, что не только общество, но уже и власть определенно поворачивают к русскому этнонационализму¹. Националистам власти препятствовали как-то неубедительно: массовые задержания так и не помешали ДПНИ и его союзникам провести 4 ноября 2006 г. новый «русский марш», хотя мэрия отказывалась его санкционировать.

Увлеченные успехами, ДПНИ и выходцы из «Родины» создали весной 2007 г. партию «Великая Россия» во главе с А. Савельевым. Партия явно рассчитывала принять участие в парламентских выборах в декабре 2007 г. В то время ходили упорные слухи, что эти надежды были поддержаны обещаниями достаточно высокопоставленных персон. Проверить подобные слухи нет возможности, но выглядят они весьма правдоподобно: без согласования наверху

¹ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему. 2006 год // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 34–71.

никакой надежды на регистрацию партии у националистов не было, и они, скорее всего, даже и не пытались бы: все-таки в оргкомитете состояли достаточно опытные политики.

Но в Кремле решили не идти навстречу националистам. Партия зарегистрирована не была, и кандидаты «Великой России» пошли на выборах по списку малозаметной партии «Патриоты России» Геннадия Семигина. «Русский марш» в ноябре 2007 г. своим явно неонацистским обликом, видимо, лишь укрепил неприятие властей: и до этого в колоннах ДПНИ присутствовало немало наци-скинхедов и иных участников ультраправых групп, не чуждающихся расистского насилия, но на этот раз колонна ДПНИ, даже с учетом подобного контингента, уступала в численности колоннам двух организаций, прямо именовавших себя неонацистскими — Славянского союза (СС) и Национал-социалистического общества (НСО).

Давление на ДПНИ начало нарастать. В 2007 г., несмотря на серьезные усилия, ДПНИ не удалось повторить «кондопожский сценарий» конвертации мелкого локального конфликта в силовое межэтническое противостояние с общероссийским резонансом (не удавалось это ни разу и впоследствии), и причиной этих неудач была в первую очередь более продуманная политика властей².

Анализировать итоги парламентских выборов 2007 г. с точки зрения результативности националистов затруднительно: слишком далеки были эти выборы от реальной представительности. «Патриоты России» получили 0,89% голосов, а список возглавляемой С. Бабуриным партии «Народный союз» просто не был зарегистрирован. Но и крупная либеральная партия «Союз правых сил» получила официально 0,96%, так что вряд ли по этим цифрам можно судить об уровне общественной поддержки. Общий уровень националистической риторики на этих выборах был куда ниже, чем за четыре года до этого: все системные партии успели осознать, что Кремль не одобряет педалирования такой риторики. Поэтому трудно сказать, о чем свидетельствуют 11,57% голосов у КПРФ или 8,14% у ЛДПР, не говоря о более мелких партиях с какими-то элементами национализма.

Проект «Великая Россия» фактически не пережил выборы, хотя формально существует до сих пор. Усугубились и кризисные явления внутри ДПНИ. Наиболее наблюдаемыми —

² Обзор событий 2007 г. см.: Кожевникова Г. Радикальный национализм и противодействие ему в 2007 г. // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 г. М: Центр «Сова», 2008. С. 5–49.

и взаимосвязанными — причинами этого стали возрастающее (и доныне) давление со стороны властей и неудачные попытки реорганизовать ДПНИ из сетевой структуры в иерархическую, почти партийного типа. Собственно говоря, проблема ДПНИ была в том, что изначально движение строилось как открытое и для радикалов, и для граждан, лояльных властям и при этом разделяющих основной — антимигрантский — пафос движения. Неизбежная конфронтация с властями (дошедшая до прямых столкновений с полицией на «русском марше» в 2008 г.) отсекала от ДПНИ лояльных властям граждан. И соответственно, у менее лояльных активистов уже не оставалось мотива сдерживать свои расистские и антиправительственные порывы. ДПНИ было попыткой неформальной широкой коалиции, нацеленной на результат — изгнание или ограничение «иностранцев». Когда результат перестал казаться реалистичным в короткой перспективе, коалиция распалась. Примечательно, что группы, возникавшие на националистическом поле в период распада ДПНИ, были более выражено-этнонационалистическими, чем возникавшие в предыдущие несколько лет¹.

Можно понимать это как прогрессирующее «этническое самосознание русского народа», но в отсутствие подтверждающих такую гипотезу социологических данных (например, упомянутые выше замеры этноксенофобии, проводимые Левада-Центром, не показывают в 2000-е гг. никакой устойчивой динамики) резоннее предположить, что мы видим собственную динамику движения русских националистов в ситуации, когда выход в «большую политику» не удался.

Чтобы яснее понять, что именно произошло после декабря 2007 г., следует вернуться немного назад — к созданию и расцвету партии «Родина». Мы анализировали выше ситуацию постепенного заката к исходу 90-х всех идейных течений русского национализма, кроме неонацизма. Создатели «Родины», надо полагать, тоже видели этот упадок. Неонацизм же оставался неприемлемым компонентом для идеологии официально действующей партии. Поэтому — а не только по причине поспешно-

¹ Процессы, происходившие в движении русских националистов в 2008–2009 гг., кратко освещались в работах: *Кожевникова Г.* Радикальный национализм и противодействие ему в 2008 г. // *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2008 г.* М.: Центр «Сова», 2009. С. 17–25; *Ее же.* Радикальный национализм и противодействие ему в 2009 г. // *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 г.* М.: Центр «Сова», 2010. С. 15–22; *Кожевникова Г., Шеховцов А.* и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 20–30, 62–70, 114–117, 186–189.

го набора всех желающих в новый избирательный блок — идеология блока, а затем и партии «Родина» оказалась очень эклектичной. Можно даже сказать, что эта идеология старательно вобрала в себя почти все имевшиеся к тому моменту идеологические компоненты, отчасти вместе с их носителями².

Лидер партии Дмитрий Рогозин символизировал давнюю, популярную еще с 90-х гг., идею защиты «соотечественников». Тема «соотечественников» — образец защитного культурного этнонационализма бывшей метрополии — стала столь популярной националистической темой, что даже была взята на вооружение государством³.

«Родина» не была религиозно ориентированной партией, но подчеркивала приоритет православия (и отвечали за это лоббист РПЦ Александр Чувев и известные православные националисты Александр Крутов и Николай Леонов). Силами депутата Натальи Нарочницкой и ряда других в «Родине» культивировался русский «цивилизационный национализм», все более значимый в 2000-е гг. для русского национализма в целом (см. ниже). С другой стороны, находилось место и чистому расовому подходу А. Савельева. Список можно продолжить — в «Родине» был представлен, по сути, весь спектр версий русского национализма. И — что очень важно — подчеркивалась второстепенность различий между ними по сравнению с единой — пусть и невнятно очерченной — националистической задачей. Это делало «Родину», как и ДПНИ (см. выше), очень привлекательной.

В частности, в «Родине» были представлены также классические взгляды «красных патриотов», причем в их не самой ретроградной форме, в отличие от КПРФ (впрочем, символическое преемство с СССР тоже было представлено — участником путча августа 1991 г. маршалом Варенниковым). За сочетание патриотизма и социально ориентированной патерналистской экономической политики в блоке отвечал бывший член кабинета Гайдара Сергей Глазьев. Впрочем, и в партии «Родина», в которую

² См.: *Ларюэль М.* Александр Дугин, идеологический посредник // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям.* М.: Центр «Сова», 2005. С. 226–253; *Laruelle M.* In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009. С. 107–118.

³ *Ларюэль М.* «Русская диаспора» и «российские соотечественники» // *Демократия вертикали.* М.: Центр «Сова», 2006. С. 185–212; *Зевелев И.* Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // *Наследие империй и будущее России* / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. С. 241–293.

Глазьев не пошел, эта тема оставлена не была: партия, например, пыталась провести совершенно популистский по набору социальных тем референдум.

Либеральные оппоненты «Родины» усматривали в сочетании национализма и социализма национал-социализм, но идеология «Родины» никак не походила на неонацизм, речь шла о национал-популизме. Он был естественным продолжением умеренной «красной» версии национализма, которую с 90-х гг. продвигало движение, возглавляемое С. Бабуриным (и бабуринцы были широко представлены в блоке «Родина», хотя и разругались с Rogozinym в 2005 г.).

Шире говоря, национал-популизм был также преемником широкой «красно-патриотической» коалиции 90-х, традиции которой в те же годы пыталась возродить КПРФ. Как уже говорилось, с 2002 г. национал-популизм актуализироваться и в пропаганде ЛДПР, что нашло лапидарное выражение в их лозунге кампании 2003 г. «Мы за бедных, мы за русских!». Таким образом, «Родина» олицетворяла господствующую тенденцию. Она олицетворяла ее лучше всех, так как Жириновскому после всей его суперконформистской политической биографии здравомыслящие люди больше не верили, а партия Зюганова почти совсем уже потеряла былую энергию.

На самом деле ДПНИ также работало в русле национал-популизма: неприязнь к «мигрантам» мотивировалась не только этнической ксенофобией, это была и новая форма обычной социальной неприязни к «неместным». Это массовое настроение фокусировало социальное недовольство на «мигрантах» — вместо властей, как то было принято в 90-е гг., или класса капиталистов, как предполагают левые доктрины, популярность которых была и остается очень низкой.

Увлечение национал-популизмом, как и любым способом политической мобилизации, построенном на максимально широком определении платформы, было возможно только в ситуации ожидания успеха. Подобную же широкую коалицию и с теми же надеждами строили в это время оппоненты власти в другой части политического спектра — речь о коалиции «Другая Россия». Примечательно, что в «Другой России» никто не отказывался от объединения с национал-популистами, если те, в свою очередь, откажутся от крайностей. Можно указать на целый ряд попыток сближения ультраправых, левых, либеральных и иных групп, однако сближение все же не зашло далеко. Эти попытки сами по себе представляют интереснейший

предмет для исследования, которое пока никто не проделал. Все они, по крайней мере, упомянуты в докладах Г. Кожевниковой.

Надежда на успех, возникшая уже в ранние путинские годы в связи с тем, что Путин был явно большим националистом, чем Ельцин, и в связи с подъемом этноксенофобии в стране, окрепла в 2003 г. и продержалась до конца 2007 г. Потом надежда стала стремительно слабеть: все яснее было, что широкая мобилизация в поддержку движения русских националистов все равно не получилась, а власть, сделавшая ряд национал-популистских жестов на исходе 2006 г., не готова продолжать в том же духе и тем более не готова подпускать движение русских националистов к «большой политике».

Вместе с надеждой на успех стал выдыхаться и национал-популизм как широкое политическое течение. «Родина» исчезла, в «Справедливой России» национал-популистские нотки оказались очень слабы. Практически все соответствующие эпизоды перечислены в тех же докладах Г. Кожевниковой. И можно видеть, что это — скорее изолированные случаи, вызванные неразборчивым первоначальным призывом в партию. Постепенно они сходят на уровень, не превышающий фоновый, т.е. уровень правящей «Единой России». КПРФ и ЛДПР сбавили тон, что было очень заметно в их пропаганде уже в ходе парламентской и президентской кампаний 2007–2008 гг.¹ Что касается результатов президентских выборов марта 2008 г., то их сложно интерпретировать в смысле успехов национализма, во-первых, из-за указанной смены риторики ЛДПР и КПРФ, а во-вторых, из-за весьма сомнительной достоверности результатов (но все же отметим, что Жириновский получил 9,35% голосов, а Зюганов — 17,72%).

Современный русский цивилизационный национализм. Классификации русского национализма в 90-е гг. неизменно включали противопоставление этнического национализма и национализма имперского, т.е. ориентированного преимущественно на достижение приоритета этнонации (понимаемой скорее в биологических или скорее в культурных категориях) или на возрождение российской империи в том или ином виде². Имперские настроения чаще

¹ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 гг. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56–70, 92–95, 113–117.

² Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 29, 93, 94.

всего, как уже говорилось, носили ностальгический характер: империя мыслилась как наследник СССР, империи Романовых или Святой Руси. Но возможны были и футуристические проекты новой северной славянской империи, делящей с другими империями власть над глобальным Югом (вариант Жириновского), или евразийской империи, противостоящей империи атлантической (вариант Дугина)¹. Менее амбициозные идеологи и тогда готовы были легко смешивать элементы самых разных представлений о чаемой империи. Точнее сказать, элементы смешения разных имперских идеалов можно было найти практически у любого русского националиста, что и неудивительно в метрополии только что исчезнувшей империи. Собственно, и до сих пор понятие «империя» активно и довольно разнообразно используется авторами из разных идейных лагерей².

Это смешение по критерию «империя или нация» ставило под сомнение попытки классифицировать националистов таким образом. Позже с разных сторон прозвучала критика более принципиальная: для националистов, действующих в метрополии (в том числе и бывшей), жесткое различие этнического и имперского национализмов не является достаточно продуктивным³.

И все же само широкое распространение в современном националистическом жаргоне выражения «имперцы» явно указывает, что и сами русские националисты не отказались от такого классификационного признака. Видимо, этот признак, хотя и слишком приблизительно отражающий действительные разделения в движении, все-таки несет в себе что-то принципиально важное. И это принципиально важно заключается в том, какая ценность ставится во главу угла той или иной группой, тем или иным автором — интересы нации (как бы они ни понимались и что бы ни подразумевалось под нацией) или некая отвлеченная идея (собственно

идеологическая, религиозно-политическая или просто идея величия). Конечно, это различие тоже не строгое, но современная полемика в националистическом лагере выявила его уже достаточно явно.

Если националист ставит превыше всего интересы нации, он, конечно, может придавать большое значение ее особенностям, культурным, политическим или иным. Но в первую очередь для него «родная» нация — лучшая среди прочих. Эти прочие нации можно воспринимать как что-то худшее и мелкое, или, напротив, как что-то огромное и угрожающее, или как-то еще, но в любом случае все нации в таком дискурсе оказываются равными в том же смысле, в котором равны конкуренты на рынке. Культурная уникальность нации, заложенная в концепцию национализма еще Гердером, сохраняет свое значение, но, рассуждая об отношениях между нациями, националист вынужден исходить из более или менее рационалистичных представлений об общих правилах этой конкуренции.

Да, русский национализм, выросший, в конечном счете, из славянофильства, все еще живет гердеровским убеждением об «особом пути» своего народа. Список аргументов в пользу «особого пути» России пополнялся более полутора веков, и представление, что именно Россию «аршином общим не измерить», стало практически общим местом, и не только среди националистов. Но дискурс конкуренции наций подрывает эту суперуникальность. И не зря многие этнонационалисты уже готовы видеть союзников в своих «коллегах» в других странах, в первую очередь в Западной Европе.

Совсем иное видение возникает (а скорее сохраняется), если воспринимать нацию не как самоценность, а как носителя великой идеи. Великая идея, особенно если эта идея — уникальная, имеющая вселенское значение (как коммунизм или последняя битва с антихристом, на которой сосредоточены радикальные православные фундаменталисты⁴), делает уникальной и нацию, к ней неприменимы уже общие мерки, и с другими нациями отношения мыслятся не конкурентные, а эсхатологические.

В 90-е гг., безусловно, доминировало именно такое представление, но не единое, а концептуализированное в нескольких конкурирующих вариантах, описанных выше. И все они подвер-

¹ Футуристические имперские проекты носили отчетливый отпечаток фашистской идеологии в смысле Роджера Гриффина. Именно так интерпретирует взгляды Жириновского (по крайней мере, раннего) и Дугина Андреас Умланд: Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. Марлен Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

² Малинова О. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. С. 59–102.

³ Ларюэль М. Размышления на тему «русский национализм» как предмет исследования // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. Марлен Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 9.

⁴ Подробнее см.: Verkhovsky A. Holy Russia versus the Fallen World: Conservative Orthodox Mythologies in Contemporary Russia // Nationalist Myths and Modern Media. Contested Identities in the Age of Globalization. London and New York: Tauris, 2005. С. 229–242.

глись к исходу десятилетия сильнейшей эрозии. Но представление об «особом пути» России пережило этот кризис и возродилось в новом десятилетии в новой форме, которую чаще всего называют теперь цивилизационным национализмом (термин стал широко использоваться с подачи Эмиля Паина¹). Суть его заключается в том, что Россия противопоставляется Западу и иным мировым державам и регионам не как нация, а как цивилизация.

То, что противопоставление в первую очередь направлено на Запад, — это неизбежная часть практически любого российского дискурса о России: «значимым Другим» для самоопределения издавна являлся и сейчас является Запад². Конечно, при этом и ранее использовалось понятие «цивилизационных различий», но оно использовалось скорее в смысле различий культурных. Даже если различие строилось не узко — между Россией и, допустим, Германией и, соответственно, русскими и немцами, а между Россией и Европой, все равно Россия при этом понималась как страна/нация, имеющая отличия от группы предположительно сходных друг с другом европейских стран. Цивилизацией при этом могли назвать Европу, но не Россию.

Поворот к тому, чтобы считать Россию особой цивилизацией или ядром особой цивилизации, а не просто нацией, пусть большой или великой, происходил исподволь, и история этого поворота еще не написана. Следует только отметить, что интеллектуальные поиски в этом направлении велись вовсе не только националистами. Речь ведь шла о новой, постимперской концептуализации России, и об этом задумывались самые разные люди, в том числе и до того, как СССР реально развалился. Ведь очень многие испытывали потребность в такой концептуализации, которая не понижала бы статус России по сравнению со статусом метрополии влиятельной империи.

Цивилизационный национализм дал о себе знать уже в 90-е гг. Тогда он развивался в двух почти несвязанных плоскостях. В одной действовали политические активисты, использовавшие термин «цивилизация» для подкрепления своих идеологических конструкций (православно-монархических, сталинистско-

националистических и прочих, описанных в целом выше). В другой действовали академические ученые (чаще всего — второго ряда), которые находились в поиске некой универсальной объяснительной модели, чтобы заменить ставший непригодным к использованию советский марксизм. Многие из таких ученых увлеклись «этносом» в смысле писаний Льва Гумилева: ставшая суперпопулярной идеологическая конструкция Гумилева внесла очень весомый вклад в становление биологизаторского этнонационализма. Другие ученые увлеклись «цивилизационным подходом», который был, как правило, культуралистской и более «солидной» (что немаловажно для академической среды) версией этнонационализма³.

Для интеллектуальной части русских националистов писания большинства академических конструкторов «цивилизационного подхода» были не авторитетны. Хотя были и исключения, как Евгений Троицкий, который пока привлекает недостаточно внимания исследователей (за исключением разве что В. Шнирельмана⁴).

Но ключевой фигурой, проторившей поворот к цивилизационному национализму, стал, видимо, Александр Панарин, серьезный ученый-политолог, закрепившийся в роли идеолога в начале 2000-х⁵.

Панарин начинал в 90-е гг. в роли умеренного — по сравнению с Дугиным — неоевразийца, но постепенно его взгляды кристаллизовались в собственную концепцию специфической российской цивилизации. Панарин развивает гердеровскую модель независимых друг от друга культурных траекторий разных наций до большего масштаба, т.е. до многонациональных цивилизаций, и до большей степени независимости, точнее, до полного взаимонепонимания⁶. Соответственно, перед человечеством стоит сложная задача сосуществования разных

¹ Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3.

² Конечно, не буквально всегда так было. Но так происходит уже слишком давно. И главное, именно в этом ключе переосмыслены события давней и недавней истории. Так что для современного россиянина, каких бы взглядов он ни придерживался, соотнесение с Западом выглядит как нечто самоочевидное.

³ Подробный обзор — с обширной библиографией — этого процесса дан в статье: Шнирельман В. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности / Под. ред. Э.А. Паина и О.Д. Волковоной. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232.

⁴ См.: Shnirelman V. New racism, «clash of civilizations», and Russia // Russian nationalism and the national reassertion of Russia, edited by M. Laruelle. London, New York: Routledge, 2009. С. 125–144.

⁵ О нем см.: Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182; Леунова М. Восточная инкарнация европейских «новых правых»: Александр Панарин и неоевразийский дискурс в современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2.

⁶ Панарин А. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. С. 45–46.

цивилизаций, не предполагающего доминирования одной из них, подразумевается — западной. Принципиальное, превышающее культурные, различие цивилизаций объясняется Панариным в религиозном ключе. Цивилизация, включающая Россию, — православная. Но религия понимается здесь не просто как культуuroобразующее свойство, как у Сэмюэла Хантингтона (чья концепция «конфликта цивилизаций» произвела сильнейшее впечатление в российском обществе, хотя и известна зачастую на уровне аннотации¹), а как сущностный критерий — в соответствии с традицией русской религиозной философии. Интересно, что, по Панарину, реализовывать эту православную сущность в современном и завтрашнем мире призвана не столько этническая общность русских, сколько государство, а конкретно — империя, если не буквально сакральная, то хотя бы идеократическая. Империя эта — евразийство здесь проявляется всерьез — может повести за православием «восточные» религии, от ислама до даосизма. Через эту империю русский народ сможет стать спасением человечества.

Панарин сумел совместить представление о глобальном плюрализме цивилизаций с уникальной ролью России². Созданная Панариным концепция была достаточно связной и очень авторитетной в силу личности автора. Хотя в своих идеологических писаниях он явно отошел от научного подхода³, накопленная научная и общественная репутация автора оказалась достаточно серьезной, по крайней мере в сравнении с другими теоретиками цивилизационного национализма.

Академические усилия по развитию цивилизационного национализма с тех пор не прекращаются. Э. Паин обращает внимание, например, на работы Светланы Кирдиной⁴, а В. Шнирельман — академика А.Н. Сахарова и других⁵.

¹ Идея Хантингтона стала относительно широко известна после публикации: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

² Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 353, 404.

³ Митрофанова А. Национализм и паранаука // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М.: НЛО, 2008. С. 87–103.

⁴ Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 193–194.

⁵ Шнирельман В. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности / Под. ред. Э.А. Паина и О.Д. Волгогоновой. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232.

Практически синхронно с Панариным свою версию цивилизационного национализма выдвинуло руководство Русской православной церкви. Версия эта, развивающаяся в длинном ряде текстов начиная с 2000 г. (отправной точкой стала большая газетная публикация⁶), в основе своей очень похожа на панаринскую. Православная цивилизация определяется в конфессиональном смысле и противопоставляется другим — исламской, китайской, секулярной западной. Ядром ее считается Россия. И «русский» в этой концепции определяется отнюдь не по крови, а исключительно по культурным признакам, из которых основным является религия, необязательно в виде активного вероисповедания, но хотя бы в виде нескольких элементов, реально или предполагаемо усвоенных, или просто по факту крещения.

В соответствии с православными канонами все крещеные в Православной церкви являются православными христианами. Множество таких в России почти целиком покрывает множество тех, кто определяет себя как русских (проценты крещеных и русских по опросам практически совпадают). Но это множество также включает немалое число других граждан — евреев, татар, украинцев и т.д. по самоопределению. Церковная версия национализма, вероятно — наиболее инклюзивная из реально распространенных, так как стать православным просто, а быть им совершенно необременительно.

Представителям ислама, буддизма и иудаизма (в их наиболее распространенных формах и исключая оппозиционные религиозные меньшинства) предлагается роль младших партнеров, и они (за вычетом части исламского истеблишмента) на это согласны, что теоретически включает в орбиту российской или православной «цивилизации» и соответствующие этнические группы. Да, есть некоторые проблемные группы (пятидесятники, например), но это не такие острые проблемы.

Православная цивилизация распространяется далеко за пределы России. Православные составляют явное большинство населения на Украине (последующие расколы не отлучают автоматически крещеных в РПЦ людей от Церкви) и в Белоруссии, значительную часть населения в Казахстане, Эстонии, Латвии и далее по убыванию. В целом ряде непостсоветских стран православные составляют большинство

⁶ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000. 16–17 февраля.

или значительное меньшинство. Так образуется несколько концентрических кругов православной цивилизации. На географический аспект, очень важный для конструирования националистической идеологии, обратила внимание Кати Русселе¹.

РПЦ, несомненно, является авторитетным источником идеологии. Это не значит, что кто-то за пределами круга «воцерковленных» православных готов идти за любыми призывами церковного руководства, это далеко не так². Но символический капитал Церкви еще далеко не растрочен, особенно если речь идет об инвестировании в русское националистическое движение. И предлагаемая концепция в целом лежит в русле общественных настроений, так что она усваивается в самых разных кругах³. Основным автором концепции выступал митрополит Кирилл (Гундяев), так что значимость этого идеологического проекта для Церкви стала только выше, когда он в феврале 2009 г. был избран патриархом Московским и Всея Руси.

Мы остановились на взглядах Панарина и патриарха Кирилла не потому, что они определяют современный цивилизационный национализм, а потому, что они на него повлияли, во многом легитимировали его и, конечно, потому, что являются его достаточно типичными образцами. В том же духе, но с добавлением каких-то своих обертонов выступают и другие адепты цивилизационного национализма, будь то политики или публицисты, ностальгируют ли они по СССР, монархии или и по тому, и по другому сразу. Хорошим примером может служить Сергей Бабурин, все более слабеющий как политик, но продолжающий карьеру патриотического публициста, пропагандирующего «русскую православную империю»⁴.

Стоит отметить, что иногда Россия не мыслится ядром православной (или иной) цивилизации, а сама по себе признается отдельной цивилизацией.

Наиболее ярко этот подход выразил представитель молодого поколения националистических интеллектуалов Михаил Ремизов⁵.

Остается только перечислить некоторые практически неизменно отмечаемые адептами цивилизационного национализма черты «своей» цивилизации:

- Россия является ее политическим и географическим ядром (или отождествляется с нею);

- этнические русские являются ее основным носителем (вопрос о предоставлении им в связи с этим каких-то привилегий чаще решается положительно, но не всегда);

- общество должно быть в какой-то форме идеократическим, скорее всего, с приоритетом православия;

- политическая демократия рассматривается как несовершенная и неорганичная для этой цивилизации система (ее можно потерпеть, но скорее следует ограничить или демонтировать);

- Россия должна проводить имперскую политику (либо путем воссоздания полноценной империи, либо путем создания сферы влияния, желательно, построенной на цивилизационном родстве).

Все это дополняется отвержением чужого, прежде всего западного, социального опыта. Но причиной отвержения может быть как постулированная враждебность «других», в первую очередь Запада, так и постулированный постмодернистский плюрализм современного мира (и в этом парадоксально сходятся столь разные люди, как Панарин, Дугин и патриарх Кирилл).

Конечно, говоря о сегодняшнем цивилизационном национализме, не следует представлять себе ни единых взглядов, ни какой-то организационной общности. Речь идет о доминирующем течении мысли, которое вобрало в себя все, что было еще жизнеспособного в основных идеях течений национализма 90-х.

Подъем этнонационализма. Элементы отказа от подчинения нации некой высшей идее встречались в русском национализме уже с начала 90-х гг. и были, как правило, очень непоследовательны. Можно вспомнить Николая Лысенко, уже тогда выступавшего против чисто

¹ Rousselet K. L'Eglise orthodoxe russe et le territoire // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2004. Vol. 35. № 4. Décembre.

² Дубин Б. «Легкое бремя»: массовое православие в России в 1990–2000-х гг. // Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. С. 69–88.

³ Подробнее о том, как происходит идейное взаимодействие церковного руководства и других акторов, включая русских националистов, см.: Верховский А. Политизированная православная общественность и ее место в русском национализме // Русский национализм в политическом пространстве. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 180–199; Он же. Религиозные организации и возможности идеологического проектирования в путинской России // Двадцать лет религиозной свободы / Под. ред. А. Малащенко и С. Филатова. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 160–189.

⁴ Бабурин С. Путь империи: Россия как государство и цивилизация // Трибуна русской мысли. <2009>. № 11.

⁵ Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация»: Концепция государства-цивилизации и учредительные принципы нового строя // АПН. 2005. 9 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article1280.htm> – проверено 19.08.2010).

идейного антисемитизма и за прагматически обоснованную расистскую вражду к кавказцам¹. Или Виктора Корчагина, призывавшего создать Русскую республику². На более высокий уровень движение чистых этнонационалистов вышло в середине 90-х с появлением альманаха «Золотой лев» (он выходит до сих пор). В начале 2000-х была предпринята попытка создать на этой основе партию — Национально-державную партию России, но попытка неудачная³.

Зато в ДПНИ идея чистого этнонационализма воплотилась вполне успешно (см. выше). К тому же эволюционировали многие неонаци: понизив значимость идейных нюансов неонацистских доктрин, они сосредоточились на главной задаче — приоритете этнических русских, что также предполагало отказ от любых сверхзадач в духе цивилизационного национализма. (При этом отношения между «просто националистами» из ДПНИ и неонацистами оставались непростыми: неонацистский Славянский союз — СС, с 2010 г. действует под названием «Славянская сила» — был союзником ДПНИ, а Национал-социалистическое общество, НСО, — противником. И после краха НСО в 2008 г. большинство подпольных групп неонаци относятся к любым «легальным» националистам, включая «легальных наци» из СС, с большой подозрительностью.)

Конечно, круг ДПНИ и тем более нацискинхеды не породили сравнимой с цивилизационным национализмом литературы, так как были скорее практиками, чем теоретиками. И конечно, хотя эти этнонационалисты и этническое-то основание нации понимают преимущественно в биологических терминах, их лидеры, если все же пытаются теоретизировать, не могут избежать влияния оппонентов⁴. Но зато как движение чистый этнонационализм был на порядок мощнее всех своих оппонентов в лагере русских националистов, вместе взятых.

Если предварительно резюмировать многостороннюю полемику в Интернете, которую ведут различные сторонники чистого этнонационализма, то видно, насколько мало они уделяют

внимания имперской тематике (даже на примере войны в Грузии в 2008 г.). Они обычно склонны не к идее завоевания каких-то территорий, а к идее отбрасывания этнически («расово» в их понимании) чуждых территорий — а именно Северного Кавказа.

Сегодняшние русские этнонационалисты позиционируют себя как обороняющаяся сторона — обороняющаяся от «нашествия» иммигрантов и вообще неславян (редко, но упоминается также и исламская экспансия). Показательный пример — доклады «Русофобия в России», которые теперь ежегодно пишет А. Савельев⁵. Запад понимается скорее не как главный враг, а как «белый» конкурент, правда временно испорченный евреями и либералами. Главный враг — «небелые», «южане» и т.д. Представления о нарастающей «руссофобии» имеют все более широкую поддержку: мнение, что русские в России подвергаются дискриминации и терпят обиды, в 2006 г. разделяли целиком или частично 33% граждан, в 2007 — 30%, а в 2009 г. — уже 43%⁶.

Тяжелый кризис ДПНИ не привел к ослаблению чистого этнонационализма как политического течения. Хотя в 2008–2010 гг., после провала проекта «Великой России», наблюдался некоторый общий спад активности русских националистов, спад этот не так значителен. Массы активистов, разочаровавшихся в ДПНИ (или изначально не принимавших его), сплотились в 2008–2009 гг. вокруг группировки «Русский образ», исповедующей практически те же взгляды. А в сентябре 2010 г. «Русский образ» и ДПНИ вступили в коалицию и, выйдя вместе на «русский марш» 4 ноября 2010 г., собрали рекордное количество участников (только в Москве — 5,5 тысяч человек и примерно 10 тысяч в других городах).

Беспорядки на Манежной площади 11 декабря 2010 г., организованные автономными неонацистскими группами с привлечением значительного количества молодых футбольных хулиганов, не только резко актуализировали так называемый национальный вопрос, но и резко повысили значение именно этно-

¹ Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 45–46.

² Там же, с. 59–60.

³ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 49–61.

⁴ Белов А. Имперский марш русского будущего // АПН. 2006. 13 ноября. (<http://www.apn.ru/publications/article10883.htm> — проверено 19.08.2010).

⁵ Русофобия в России. 2006–2007 г. (аналитический доклад) // Сайт партии «Великая Россия» (<http://www.velikoross.ru/russenhass1> — проверено 19.08.2010); Савельев А. Русофобия в России, 2008 год. Аналитический доклад Русского информационного центра // Сайт А. Савельева, 2009, 3 февраля (<http://savelev.ru/article/show?id=518&t=1> — проверено 19.08.2010); Он же. Русофобия в России, 2009 // Сайт А. Савельева (<http://www.savelev.ru/books/content/?b=22> — проверено 19.08.2010).

⁶ Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2009. С. 143.

националистического подхода к нему. Не менее 3 тысяч молодых людей на площади¹ скандировали почти исключительно агрессивные расистские лозунги, нападали на людей, показавшихся им «нерусскими», на площади и после того (Центру «Сова» известно о 40 пострадавших в этот день) и не затруднились напасть на милицию, попытавшуюся защитить избиваемых. Это была именно расистская манифестация, насколько бы ни были справедливы рассуждения о каких-то дополнительных мотивах собравшихся, в первую очередь — недовольстве коррупцией в милиции. Направленность и масштаб события не могли не повлиять на всю последовавшую, весьма бурную, общественную дискуссию.

Известные националистические организации были представлены на площади, но явно не были организаторами событий. Беспорядки, собственно, только потому и смогли состояться, что милиция не ожидала такого успеха агитации безымянных организаторов (и не ожидала, что часть фанатов не послушается призыва лидеров «фирм» не ходить на Манежную). Таким образом было явно показано то, о чем до этого говорили только эксперты: движение русских националистов — это в первую очередь не ДПНИ, «Русский образ» и тому подобные организации, а десятки и сотни малых групп преимущественно неонацистского (наци-скинхедского, White Power, возможны разные оттенки) толка. Эти группы могут сотрудничать с «публичными» националистами, но отдают себе отчет в том, что совмещение насилия и публичной деятельности слишком опасно (во многом это было осознано на примере НСО). Поэтому автономные неонаци предпочитают конспирацию и горизонтальные связи, а также ориентируются скорее на террористическую подготовку «белой революции», а не на открытую политическую борьбу.

И раньше, как уже было отмечено выше, в организациях типа ДПНИ только верхушка старалась вести себя сравнительно respectfully, актив же все равно склонялся к насильственным действиям. Когда актив стал разочаровываться в верхушке, организации стали приходить в упадок. Актив же стал вести себя все более организованно — но не в смысле построения организаций — и самостоятельно. После Манежа обстоятельства только способствовали укреплению этого автономного движения: «Русский образ» оказался в кризисе из-за публикации показаний, данных одним из лиде-

¹ Милиция сообщила, что их было 5 тысяч, но нельзя исключать, что эти данные преувеличены, так как милиция не смогла справиться с толпой.

ров группы на Никиту Тихонова, обвиняемого в убийстве Станислава Маркелова, а деятельность ДПНИ, давно находившегося под возрастающим прессом правоохранительных органов, была приостановлена.

Таким образом, мы видим упадок политических форм русского этнонационализма при одновременной активизации его уличных, боевых и даже террористических форм. Уровень же поддержки лозунгов только увеличивается, что хорошо видно по общественной полемике после событий на Манежной. По данным Левада-Центра на январь 2011 г.², уровень поддержки лозунга «Россия для русских» (при всей неоднозначности понимания этого лозунга, общий вектор настроений он отражает), стабильно превышающий 50% с 2000 г., повторил максимум 2001 г. — 58%. Более показательным, что 68% выступают за ограничение миграции (предыдущий максимум — 63% в 2009 г.); «вызывающее поведение представителей национальных меньшинств» оказалось самой популярной причиной того, что в анкете называлось «национализм в России», — так думают 37% (ранее — не более 30%). Очень высок и уровень беспокойства: «массовых кровопролитных столкновений на национальной почве» в своей местности ожидают 30% опрошенных, а два и три года назад таких было 10 и 20% соответственно. Все это означает, что создание новых этнонационалистических организаций (или рост и реформирование старых) неизбежно, пусть через некоторое время.

Теоретики у этнонационалистического движения тоже появились. Назовем лишь наиболее значительных на сегодняшний день адептов тезиса «нация превыше всего», понимаемого в расово-этнических категориях.

Соратник Рогозина и лидер «Великой России» Андрей Савельев — не только бывший депутат Думы, но и доктор политических наук. Его книги обосновывали чисто расовое основание чаемого обустройства русского общества и государства³.

Другим, гораздо более заметным в академическом сообществе, автором стал Валерий Соловей, с 90-х выступавший как эксперт по национализму и только с середины 2000-х выступивший как идеолог расового этнонацио-

² Национализм в современной России // Сайт Левада-Центра. 2011. 4 февраля (<http://www.levada.ru/press/2011020407.html>) — проверено 20.02.2011).

³ Шнирельман В. Расология в действии: мечты депутата Савельева // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С.162–187.

нализма¹. Соловей не ассоциирован ни с какой националистической организацией, достаточно критичен к ним всем, но статус доктора исторических наук и заведующего кафедрой МГИМО немедленно сделал его важной фигурой для движения этнонационалистов.

Лидер близкого к ДПНИ Русского общественного движения (РОД)² и популярный публицист Константин Крылов вообще не считает националистами различных адептов «особого пути», не разделяющих тезиса «нация превыше всего»³. Именно РОД выпустил в 2010 г. первый номер журнала «Вопросы национализма», претендующего на серьезную интеллектуальную полемику в защиту именно чистого этнонационализма.

В этом журнале выступили также Михаил Ремизов и Павел Святенков, которых несколько лет назад стоило отнести скорее к формирующемуся лагерю цивилизационных националистов. Оба автора принадлежат к кругу относительно молодых (они почти все родились в 70-е гг.) интеллектуалов-националистов, которые с начала 2000-х определяли себя в первую очередь как консерваторы, а позже почти все сотрудничали с ДПНИ. В этом кругу, не слишком дружном, конечно, наблюдается большое разнообразие мнений⁴. Есть явные сторонники цивилизационного национализма в его православном варианте (Егор Холмогоров, создатели сайта «Правая.ру»⁵), есть адепты империи, противостоящей Западу (Станислав Белковский, по крайней мере в некоторые периоды), есть чистые этнонационалисты, пытающиеся представить свой этнонационализм и как скорее расовый (Виталий Аверьянов), и как гражданский (Владимир Голышев)⁶. Динамика взглядов в этом кругу после 2007 г. подлежит дополнительному изучению, но, по общему впечатлению, идеи цивилизационного национализма понемногу сдают позиции в пользу чистого этнонационализма.

¹ Соловей В. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008; Соловей В., Соловей Т. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009.

² Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 130–138.

³ Крылов К. 17 ответов. Наиболее распространенные вопросы к русским националистам и ответы на них. <2009>. Без места и года издания.

⁴ Взгляд изнутри на ситуацию в этом кругу по состоянию на конец 2005 г. представлен Михаилом Ремизовым, см.: Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор // АПН. 2006. 27 января (<http://www.apn.ru/publications/print1748.htm> – проверено 20.08.2010).

⁵ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 299–313.

⁶ Там же, С. 254–262.

Вообще, не следует думать, что есть широкий круг авторов, которые категорически отвергают все или большинство перечисленных выше свойств цивилизационного национализма. Оппоненты последнего не столько отвергают эти свойства, сколько понижают их значимость, будь то особая роль православия, необходимость имперской экспансии и т.д. То же происходит с использованием терминов «цивилизация» и «цивилизационный». Все это превращается скорее в аранжировку основной темы – создания этнонационального русского государства.

Можно было наблюдать и попытки широкого технологического объединения цивилизационных и этнических русских националистов. Наиболее заметным таким опытом стало создание «Русской доктрины» (2007), которую в 2007 г. признали своей столь разные силы, как партия «Великая Россия» и созданный РПЦ Всемирный русский народный собор (ВРНС). Хотя в «Русской доктрине» цивилизационный национализм явно доминировал, и в несколько позже выпущенном резюме даже содержались прямые нападки на концепцию nation state⁷. С середины десятилетия можно было наблюдать и весьма ожесточенную полемику этнонационалистов и «имперцев»⁸.

В целом вернее будет сказать, что в русском национализме сейчас конкурируют два течения мысли, а не два лагеря активистов, так как границы этих лагерей весьма размыты, а многие активисты вообще этой идейной конкуренцией не озабочены. Суммируя различия, можно сказать, что «цивилизационные националисты» тяготеют к образу России как империи, мыслят ее скорее как идеократию и автократию, идентичность русского народа (как этноса) определяют через идеологию и государство, полагают исторический путь России полностью особенным. Этнонационалисты ориентируются на nation state европейского типа, но жестко определяемое через этничность (т.е. апеллируют скорее к пониманию nation state, характерному для межвоенного периода, чем к современному), видят Россию скорее не особенной, а «лучшей среди равных», они чаще, хотя далеко не всегда, поддерживают какие-то демократические принципы, а русская идентичность для них определяется по культуре и очень часто – по крови.

⁷ Преображение России. Сайт «Русской доктрины», 2007 (<http://www.rusdoctrina.ru/page95508.html> – проверено 21.10.2010).

⁸ Святенков П. Империя и ее имперцы // АПН. 2006. 23 июня (<http://www.apn.ru/publications/article9903.htm> – проверено 19.08.2010).

Тема демократии для этнонационалистов до середины 2000-х гг. была маргинальной, если не вовсе отвергаемой (за немногочисленными исключениями). Но потом ситуация начала меняться; становятся все более заметными группы, называющие себя национал-демократами (есть и отдельная группа с самоназванием «нацдемы», основанная весьма разными людьми, в том числе с очень радикальным прошлым), и авторы, способные интегрировать эти идеи в мейнстримную полемику, например Александр Храмов¹. Наконец, второй номер журнала «Вопросы национализма» был целиком посвящен именно теме соотношения национализма и демократии².

Именно этнонационалисты с осени 2010 г. все более определенно позиционируют себя как оппозиция авторитарному режиму, как часть общего демократического движения. Контакты представителей этнонационалистических организаций с представителями левого и либерального секторов оппозиции пока носят несистематический характер, но постепенно расширяются, наблюдаются и попытки, пока несущественные, создания коалиций. Для самих этнонационалистов основной задачей при этом является избавление от маргинального статуса, присущего националистам в целом с 90-х гг.³ Но сближающим фактором являются также репрессивные действия властей (например, административные аресты активистов либералов и националистов 31 декабря 2010 г.).

Правда, есть заметные националистические организации, живущие еще во многом идеями 90-х, например, Русский общенациональный союз или некоторые крупные осколки Русского национального единства⁴. И все же именно противостояние цивилизационного и чистого этнического принципов является, как представляется, основным содержанием активности русских националистов помимо их сложных отношений с властями.

Попытки и возможности гражданского национализма. Необходимо упомянуть еще об одной важной, хотя и не очень заметной пока тенден-

ции, родившейся в движении в середине 2000-х. А именно о попытках трансформировать этнонационализм в национализм гражданский — примерно говоря, по правому французскому образцу (подразумевается, что различие этнического и гражданского национализмов не жесткое, как и других видов национализмов). Конечно, как гражданский национализм можно рассматривать и другие общественные течения в стране, а также, в некоторых аспектах, политику властей, но в этой статье мы ограничиваемся теми группами, которые сами себя относят и которые могут быть отнесены к националистическому движению.

Речь идет не об эпизодах сближения этнонационалистов с «демократическим лагерем» и не о попытках отдельных представителей этого лагеря использовать этнонационалистические лозунги, хотя и такие эпизоды показательны. Например, один из видных либеральных демократов того времени Борис Федоров неоднократно занимал более националистическую позицию, чем его коллеги, а свою избирательную кампанию в 2003 г. вел с прямым использованием националистических лозунгов⁵ (тогда в его штабе работали некоторые будущие основатели группировки «Русский образ»). В середине 2000-х сторонники Гарри Каспарова исходили из того, что против режима надо объединять все силы, что отражалось и в практике коалиции «Другая Россия», и в блокировании с этнонационалистами в регионах. И «Другая Россия» — не единственный, хотя и самый яркий, пример такого поведения⁶. Уже в 2010 г. можно было наблюдать совместные акции демократического движения «Солидарность» и достаточно радикальных этнонационалистов⁷.

Интереснее то, как на периферии ДПНИ, которое претендовало на то, что пользуется культуралистской аргументацией для защиты общегражданских интересов, смогла возникнуть попытка отказаться от этнического подхода как доминирующего — в пользу гражданского. Возникла она, правда, не столько из

¹ Храмов А. Европейский портрет русского националиста // Русский журнал. 2010. 11 октября (<http://www.russ.ru/pole/Europejskij-portret-russkogo-nacionalista> — проверено 21.10.2010).

² О спорах вокруг этого см.: Совместимы ли русский национализм и демократия? // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 16–29.

³ Альперович В., Кожевникова Г. Осень 2010: ультраправые в поисках новой стратегии // Сайт Центра «Сова». 2010. 23 декабря (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/12/d20603/>).

⁴ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 105–114, 118–130.

⁵ Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 151–152.

⁶ Кожевникова Галина, 2007, May 22. Radical Nationalism and Efforts to Counteract it in 2006 // SOVA Center web-site (<http://www.sova-center.ru/en/xenophobia/reports-analyses/2007/05/d10896/> — проверено 19.08.2010).

⁷ Она же. Проявления радикального национализма и противодействие ему в России в первой половине 2010 г. // Сайт Центра «Сова». 2010. 14 июля (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/07/d19289/> — проверено 19.08.2010).

маргинальных элементов националистического движения, сколько, напротив, из маргинальных элементов других движений, примкнувших к националистам. Я имею в виду небольшую организацию с громким названием Национальное русское освободительное движение (НАРОД), лидеры которой вышли из «Яблока», «Другой России», НБП и КПРФ¹. НАРОД был замечен в 2007–2009 гг., но больше — в коалиции с ДПНИ и РОД, а не как самостоятельный актер, а потом и вовсе сошел со сцены.

Гипотетически роль партии гражданско-го национализма могла бы играть Национал-большевистская партия (НБП была запрещена еще в 2007 г., но де-факто продолжает активно действовать). Развернувшись в середине 2000-х к союзу с либералами и левыми на общедемократической платформе, НБП отказалась от этнонационалистических лозунгов и потеряла при этом значительную часть актива, хотя ушли далеко не все этнонационалисты. Резкий разворот нельзя объяснить внезапной переменой мировоззрения Э. Лимонова или актива НБП в целом. Скорее можно предположить, что НБП, которая всегда была партией тотального и контркультурного молодежного протеста², должна была сменить лозунги вместе с переменной идейного облика власти. В частности, если в 90-е в России демократические механизмы работали, НБП была против демократии, а в 2000-х стала, соответственно, за таковую. Но национализм НБП никуда не делся. По-прежнему партия митингует под лозунгом «Россия все, остальное ничто», по-прежнему протесты против «китайской экспансии» занимают заметное место в деятельности нацболов. Этот национализм трудно назвать этническим: элементы этнонационализма в НБП, конечно, есть, но этнонационализм как основная идея представляется нацболом слишком архаичным и противоречит теперь их установке на радикальное оппонирование власти. Э. Лимонов говорит теперь: «Мы никогда не отказывались от ряда тех идей, которые были выработаны в 90-е гг., но мы приглушили эту тему еще в конце 90-х, потому что поняли, что власть это делает более успешно, а мы будем выглядеть на ее фоне просто бледно»³. Идеократические и имперские черты из национализма НБП тоже в значительной степени вы-

ветрились⁴. В принципе, партия могла бы выступать в качестве революционной (иначе НБП не может в принципе) республиканской силы. Но пока НБП продолжает вместо этого играть роль авангарда в борьбе против существующего режима как такового: революционность для НБП перевешивает любые возможные позитивные программы. Именно эта принципиальная негативистская установка, укорененная в контркультурной сути НБП, делает партию плохим кандидатом на роль инициатора поворота русского националистического движения к гражданскому национализму. К тому же у реально существующего националистического движения традиционно плохие отношения с нацболами (хотя контакты были и остаются). В декабре 2010 г. партия «Другая Россия», в которую превратилась НБП (не путать с одноименным движением, уже не существующим), призвала участников беспорядков на Манежной принимать участие в митингах «Стратегии-31», но безуспешно.

Другим кандидатом на роль партии гражданского национализма, в принципе, могли бы быть прокремлевские молодежные движения. Патриотизм, причем достаточно агрессивного толка, является их основой. В 2006–2009 гг. эти движения по-разному экспериментировали с этнонационализмом: использовали лозунги и тактику, сходные с ДПНИ, сотрудничали на разных уровнях и в разных формах с праворадикальными активистами. Несомненно, это было частью стратегии властей по нейтрализации националистического движения, но во второй половине 2009 г. эти эксперименты были свернуты⁵. Сочетание патриотизма и «антифашизма» (движение «Наши» даже включает слово «антифашистское» в свое название), т.е. риторическое противопоставление себя националистическому движению (а заодно — НБП и любым «прозападным» силам), можно было бы развить в программу республиканского толка, только без элемента борьбы за демократию (что легко было бы пропагандистски объяснить, так как формально демократия в России есть и так). Нельзя исключать, что прокремлевские движения еще попытаются сыграть такую роль, но в успешности ее стоит усомниться: практи-

¹ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 281–287.

² Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 139–164.

³ Совместимы ли русский национализм и демократия? // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 26.

⁴ Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 161–164.

⁵ Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под. ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

чески никто за пределами самих этих движений (и, подозреваю, внутри них тоже) не воспринимает их как самостоятельных акторов.

Таким образом, перспективных потенциальных агентов гражданского национализма в общественном движении пока не видно, хотя с начала 2011 г. спрос на него как на альтернативу беспорядкам типа Манежной площади явно возрос.

Заключение. Развитие движения русских националистов происходит в тесном взаимодействии с государством, точнее, с исполнительной властью, причем взаимодействие варьирует в диапазоне от консультаций до репрессий. Государство в этом вопросе, как и во всех других, является ключевым игроком, и анализ его политики представляет собой не менее масштабную и не менее важную задачу, чем анализ развития движения. Даже краткое резюме такого анализа нельзя уместить в этой статье. Но некоторые моменты, имеющие принципиальное значение для будущего движения, надо хотя бы перечислить.

Власть, естественно, вынуждена постоянно заимствовать идеи и язык у общественных движений и популярных авторов. Чтобы избавиться от этой вторичности, власти развернули активное строительство интеллектуальных центров, более или менее непосредственно работающих на власть по проблематике национализма¹. Если в 90-е президент Ельцин требовал разработать «национальную идею», но идеологическая активность государства была слабой, то в 2000-е власть, действуя без единого плана, стала генерировать какие-то элементы государственной идеологии. Сверхзадачей является формирование «правильного», «здорового», «умеренного» национализма. Формирование это идет через конкуренцию разных властных и околовластных групп, а также через эксперименты и ситуативные реакции, поэтому никакого сходства с формированием государственной идеологии в памятном всем советском смысле не наблюдается (кроме некоторых черт стилистического сходства).

Обществу предъявляется смесь идей политического, этнического и цивилизационного национализмов, которая состоит из разного рода символических жестов, практик, деклараций, из некоторых изолированных попыток институционализации (в отношениях с Церковью, в сфере «патриотического воспитания»). Поэтому

¹ Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia // Stockholm Paper. 2009. October.

трудно пока ожидать всестороннего и исчерпывающего ее анализа. Две наиболее убедительные аналитические работы² написаны под впечатлением интенсивных «националистических экспериментов» власти в 2006–2008 гг. — уже упоминавшихся опытов прокремлевской молодежи, создания «Русского проекта» в «Единой России», популистских мер, последовавших после Кондопоги, и т.д.

В 2009–2010 гг. эти эксперименты были или свернуты (может быть, временно) или отодвинуты на второй план. (В серьезности этой тенденции многие, впрочем, сомневаются; среди них и одна из наименее увлекающихся исследователей национализма — Ольга Малинова.³) Но это не означает, что формирование государственной версии национализма прекратилось. Просто в президентство Дмитрия Медведева оно повернуло в несколько иное русло. Например, предпринимаются попытки придать гражданско-националистический смысл новому празднику, Дню народного единства 4 ноября, с самого начала перехваченному русским националистическим движением. Неонацистские группировки подвергаются массированным преследованиям. РПЦ получает преференции в отношениях с государством, которых она тщетно добивалась все годы президентства Путина.

Пока невозможно представить, куда движется этот процесс. Можно лишь констатировать несколько его свойств:

— Власть ни в коем случае не готова к утрате политического контроля и сохраняет все возможности этот контроль удержать. Поэтому относительная открытость власти при Медведеве не планирует дойти до допуска националистического движения (как и любого другого) до честной политической конкуренции. Какие-то меры легализации оппозиции, в принципе, возможны, но запрет ДПНИ, инициированный прокуратурой в феврале 2011 г., обозначает пока противоположную тенденцию.

— Формирование «хорошего» национализма в противовес «плохому» останется одним из важных приоритетов. И у власти уже накоплен достаточный интеллектуальный и инсти-

² Зверева Г. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Reviews. 2008. November. Volume 1; Laruelle M. In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009. С. 134–203.

³ Малинова О. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политекс. 2010. № 1 (<http://www.politex.info/content/view/662/30/> — проверено 21.10.2010).

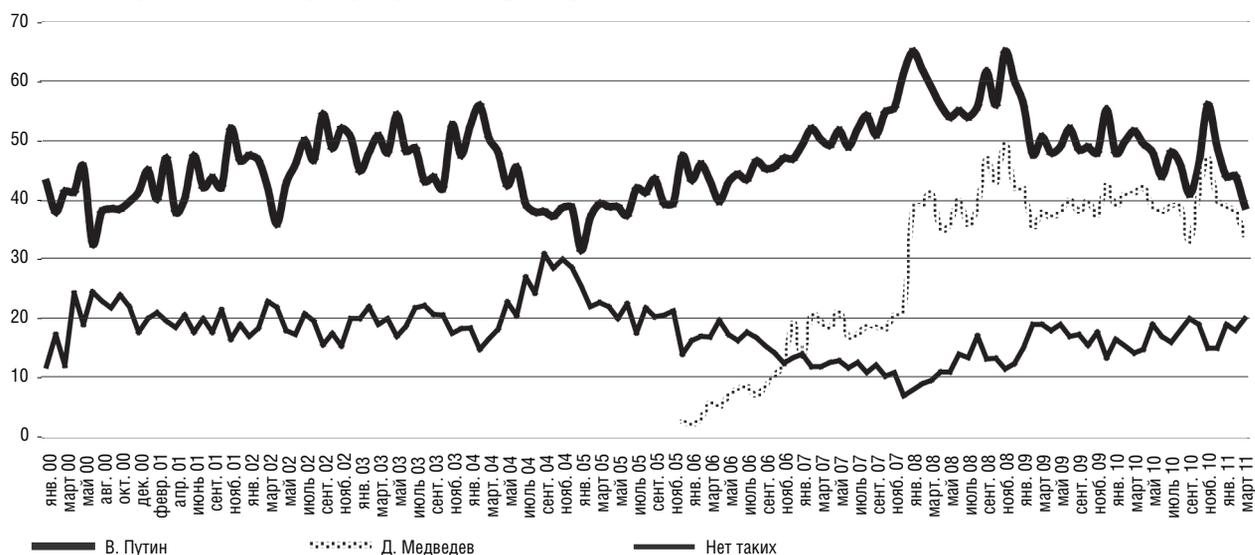
туциональный ресурс, чтобы не только реагировать на вызовы движения националистов, но и навязывать свою «повестку».

— «Хороший» национализм, признаваемый властью, не должен (да и не может) быть единым. Он усваивает идеи цивилизационного национализма как удачную аранжировку для национализма в смысле политической нации, столь необходимого власти. Идеи этнического национализма тоже для этого годятся, но в меньшей мере, и отношение к ним останется более настороженным. Подозрительность должна вызывать и концепция гражданского национализма, так как она тяготеет к оппозиционности, впрочем, пока она сама по себе слабо представлена, а значит, ее элементы также могут быть использованы.

Соответственно, можно предположить, что и в движении русских националистов, если оно рассчитывает скорее не на революцию, а на

трансформацию власти (тем или иным путем, включая инфильтрацию), должен бы доминировать цивилизационный национализм. Но пока де-факто этот последний испытывает все нарастающую конкуренцию со стороны чистого этнонационализма. И дело тут не столько в трендах публичной полемики и даже не в настроениях широких масс (граждане, судя по опросам, совмещают тягу к возрождению империи с неприязненным отношением к «инородцам», но массовое сознание может себе позволить быть противоречивым). Дело в первую очередь в том статистическом факте, что массовую основу всего русского националистического движения составляют сейчас именно чистые этнонационалисты, точнее даже — чистые расисты и даже неонацисты. И вряд ли движение русских националистов сможет в ближайшие несколько лет изжить эту проблему.

Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

Показатели доверия к двум первым лицам страны, достигнув максимума осенью 2008 г. (после войны с Грузией, причем доверие к В. Путину заметно выше, чем к Д. Медведеву), затем снизились и держались на этом более низком уровне до лета 2010 г., после чего снова упали. Стабильной остается доля россиян, которые не доверяют никому из нынешних политиков и не интересуются политикой.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену

Исследование российского потребителя, определение объема и структуры, характера предъявляемого им спроса на товары и услуги приобрело расширенное политико-экономическое и социальное значение с момента перехода от советской, плановой системы хозяйствования к развитию рыночных принципов в экономике. Ведь последние предполагают повышение роли частных потребителей и усиление их влияния на макроэкономическую динамику, в том числе за счет большей автономии в принятии решений о расходовании личных денежных средств. Рассуждения о становлении и развитии среднего класса в России как основного носителя и источника формирования прогрессивных/позитивных тенденций в создании «комфортной для проживания» страны (модерного или даже постмодерного общества, общества с высоким уровнем развития человеческого капитала и т.п.) стали наиболее популярной теоретической моделью. Попутно на средний класс часто возлагают и социально-политические надежды, связанные с укреплением и легитимацией сложившегося в стране режима. Попытки идентификации и определения масштабов существования в России среднего класса явно или неявно ставят своей целью показать/найти в нем самую модель для остальных членов общества, к которой они, эти остальные, должны стремиться. А когда такой средний класс станет большинством (60% населения), это и будет общество всеобщего благоденствия (инновационное, модернизирующееся, общество модели 2020 (или уже 2030)?).

Модель среднего класса является чрезвычайно привлекательной не только для экономических, но и для социальных и политических теоретических построений во имя интеллектуального обоснования происходящих сейчас в России перемен, поскольку на первый взгляд позволяет легко «вписывать» российские реалии в наличествующие образцы демократических, рыночных, современных обществ. Однако представляется, что сегодняшнее состояние российского общества, тенденции его развития

и потенциал на будущее лучше описывается исходя из гипотезы бедности и общества в целом, и российского потребителя в частности. Сразу же подчеркнем, что прежде всего речь идет не о бедности в «узком смысле», т.е. недостатке средств для физического выживания и/или поддержания минимальных социальных стандартов (хотя и об этом тоже). Бедность запросов и ожиданий, потребностей и моделей выбора представляется менее очевидной, но и более важной, сложнее преодолимой и имеющей более обширное и долговременное влияние базовой характеристикой российского общества.

Это обстоятельство не раз являлось предметом рассмотрения исследователей Левада-Центра, а регулярные мониторинговые опросы российского общественного мнения, проводимые центром на протяжении уже двух десятилетий, предоставляют богатый эмпирический материал для социально-экономического изучения феномена бедности в России.

Л. Гудков и М. Пчелина рассматривают бедность российского общества как «субстанциональное качество, проявляющееся в специфической структуре социального поведения и социальной организации»¹. По их мнению, «бедное общество – это не просто общество с ограниченными материальными ресурсами, а общество, ограничивающее себя в возможностях действия, соответственно страдающее от недостижимости желаемого <...> общество завистливых людей»². Одновременно авторы подчеркивают значимость произошедших в России в первой половине 90-х гг. перемен, а именно то, что «изменилась система представлений о стандартах обеспеченной жизни и собственных возможностей их достижения»³ за счет снятия информационных ограничений, присущих закрытому советскому обществу. Очевидно, именно эти вновь обретенные образцы долж-

¹ Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Мониторинг социально-экономических перемен. 1995. № 6. С. 31.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 34.

ны были служить источником формирования новых моделей потребительского поведения (а невозможность их немедленного обретения являлась основой для распространения массового недовольства, зависти и фрустрации).

Однако за прошедшие с момента либерализации российской экономической жизни почти 20 лет ситуация мало изменилась. В 90-е гг., начавшиеся и закончившиеся экономическими кризисами, при, можно сказать, драматически стремительном нарастании дифференциации личных денежных доходов населения, модели потребительского поведения массовых слоев российского населения оставались слабо дифференцированы, а борьба за физическое выживание была актуальной для многих¹. В нулевые годы, на фоне быстрого экономического роста, уровень жизни российского населения заметно улучшился, однако тех самых структурных изменений в потребительском поведении, которые бы позволили говорить о том, что с бедным обществом покончено, похоже, не произошло. В предлагаемой статье мы попытаемся на основе данных выборочных опросов населения, регулярно проводимых Левада-Центром, показать, что в современной России массовый потребитель по-прежнему сохраняет базовые свойства бедности, воспроизводя их на более высоких уровнях материального достатка, таких, которые, при наличии в обществе более сложных социальных структур (характерных для не бедного общества), позволяли бы более эффективно (в масштабах общества, экономики страны) расходовать личные денежные средства. Мы попытаемся показать, как наследие бедного сознания тормозит переход от распределительных отношений к рыночно-либеральным в сфере личного потребления населения, а заимствование образцов, доступных только «через телевизор» опосредуется унаследованными навыками и традициями, влияние которых все же преобладает.

Унаследованная культура потребления. В советское время важнейшие компоненты жизнеобеспечения людей, о которых всегда думают, когда говорят о «социальной сфере» (образование, жилье, здравоохранение), были практи-

чески полностью выведены из круга денежного потребления семей, т.е. не включались в сферу личных потребностей, удовлетворяемых за счет семейных бюджетов. Это означало, что с семей была снята ответственность за обеспечение этих важнейших сторон жизни каждого человека. Эта ответственность была переложена на государство, что способствовало укоренению иждивенческих настроений, составляло (и продолжает составлять) одну из основ чувства патернализма. Соответственно, были сформированы и глубоко укоренились модели потребления, не связывающие личные денежные доходы с уровнем удовлетворения этих потребностей. В советское время этим моделям потребления соответствовала и система денежных доходов населения. Уровень заработной платы и пенсий определялся с учетом ограниченного круга только тех личных потребностей, удовлетворение которых было опосредовано денежными формами, — питание и одежда. Все остальные товары и услуги либо были вообще бесплатными, либо дотиrowались государством, т.е. уровень платежеспособного спроса на них практически задавался централизованно. Особенно важно, что базовые потребности в жилье, образовании и здравоохранении были полностью выведены из зоны ответственности семьи. Сейчас это обстоятельство, впрочем наряду с более очевидными экономическими и институциональными причинами, препятствует развитию рынка жилья, внедрению страховых принципов организации здравоохранения, возможностям либерализации системы образования.

В позднесоветских условиях (когда в период застоя произошла консервация социально-политических структур советского общества), индивидуальные возможности советских людей легально заметно увеличить личные денежные доходы, а также существенно улучшить свой образ жизни, были весьма ограниченными, поскольку дифференциация заработков и пенсий была незначительна, а социальная мобильность ограничена. Во-вторых, в рамках советской системы идеология равенства не предполагала — и не позволяла — легальных значимых различий в моделях потребления. Соответственно, была жестко ограничена реализация демонстративной функции потребления. Демонстративное потребление не только морально осуждалось, оно и не могло развивать свои формы (поскольку сфера личного денежного потребления была ограничена обеспечением нужд в питании и одежде), т.е. были наложены ограничения

¹ См.: Красильникова М. Кто на чем экономит? // Мониторинг социально-экономических перемен. 1996. № 4. С. 35–37; Она же. Структура представлений о бедности и богатстве // Мониторинг социально-экономических перемен. 1997. № 1. С. 23–26; Бондаренко Н. Типология личного потребления населения России. Статья первая и вторая // Мониторинг социально-экономических перемен. 2002. № 1. С. 34–44; там же, № 4. С. 40–49.

на появление новых, высокостатусных моделей потребления, на которые могли бы ориентироваться нижестоящие (по уровню дохода) слои населения. Фактически культура личного потребления была зафиксирована на самом нижнем уровне иерархии потребительских моделей — на удовлетворении базовых потребностей в питании и одежде. Оставляя в стороне вопрос о том, каков был уровень жизни массовых слоев населения в советское время (вне зависимости от того, оценивать ли достигнутый в советское время уровень личного потребления массовых слоев населения как высокий или низкий), отметим, что культура личного потребления (модель потребительского поведения) являлась культурой потребления бедного населения в рыночных терминах, т.е. в рамках общества, в котором существует частная собственность, а удовлетворение личных потребностей опосредовано в первую очередь имеющимися личными денежными доходами, которые потребители свободно используют в соответствии со своим индивидуальным выбором.

Это означает, что в обществе отсутствовали модели потребления, соответствующие различным уровням материального достатка людей. Не было системы образцов демонстрации личных достижений материального успеха через потребительское поведение. Да и сама идея личных материальных достижений была порицаема. Реализация потребностей людей в самоуважении и признании, естественно присутствующих людям и являющихся потребностями более высокого уровня, чем простое выживание, должна была проявляться только через коллективные формы, причем в условиях господства идеологии равенства. Социальная функция личного потребления материальных благ была искусственно ограничена. Между тем, как писал Т. Веблен, «человеческая склонность к соперничеству воспользовалась потреблением товаров как средством установления различий при завистливом сравнении... Эта косвенная или второстепенная польза потребительских товаров придает престиж потреблению, а также товарам, которые лучше всего отвечают состязательному аспекту потребления»¹. Отсутствие моделей потребления применительно к различным уровням достатка создает труднопреодолимые трудности, «разрывы», «нормативный вакуум» в процессах реализации социальной функции потребления. Во всех современных обществах, где присутствуют инди-

видуальная собственность и различия между отдельными социальными группами, «нормы приличествующих расходов, как и остальные нормы благопристойности, практически устанавливаются теми, кто занимает следующую ступень почтенности ... все установки на определенные уровни потребления восходят постепенным образом к обычаям... самого высокого в социальном и денежном отношении класса»². В рамках советского общества, у «советского человека» спектр статусного роста личного потребления преимущественно в денежной форме был ограничен практически только двумя группами потребностей — в питании и одежде. Такие важные элементы высокостатусного набора советского образца, как «квартира, машина и дача», были в большей степени, чем деньгами, опосредованы иными формами общественных отношений — доступом к специализированным сетям распределения, которые регламентировались партийно-хозяйственными отношениями.

Речь идет именно о системе потребительских моделей, т.е. взаимосвязанном наборе разных структур потребительских расходов и стилей жизни, соответствующих различным уровням материального достатка. Известно, что в структурированном обществе, в котором присутствуют разные, иерархически организованные слои населения, образцом потребительского поведения для нижних слоев является образ жизни тех, кто стоит на ступеньку выше по социальной (и имущественной) лестнице. Вот этой самой системы моделей потребления практически не было в советском обществе, а массово распространенной моделью была модель бедности (не путать с определением советского образа жизни как образа жизни бедного населения), когда денежных ресурсов хватает только на базовые потребности.

Современные представления о потребительских моделях. В последние 20 лет, в результате легального (но не обязательно легитимного) появления массовых слоев населения, существенно различающихся по уровню материального достатка, иерархическая система потребительских моделей поведения стала постепенно вырабатываться. При этом, естественно в ускоренном темпе, повторяются все этапы перехода от бедности к достатку со своими гримасами демонстративного поведения. Однако процесс этот идет очень медленно и затрагивает относительно малую часть российского населения, поскольку у большинства уровень материального

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. С. 173.

² Он же. Указ. соч. С. 135.

достатка по-прежнему только-только соответствует выработанной в советское время модели потребительского поведения бедности.

Об этом хорошо позволяет судить данные Левада-Центра о том, что должен обеспечивать нормальный семейный доход.

Измерение количественных параметров представлений населения страны о том, что такое нормальная жизнь, проводится регулярно уже более 20 лет. Относительный разрыв между количественными оценками уровня бедности и уровня доходов, обеспечивающих нормальную жизнь, с годами сокращается (после периода разнонаправленных колебаний в первой половине 90-х гг., т.е. сразу после либерализации цен и в годы гиперинфляции). Со временем запросы людей становятся все более скромными, и это происходит на фоне фактического роста реальных денежных доходов населения страны.

Величина количественных оценок «нормального» дохода, конечно же, зависит от фактического уровня материального достатка — чем он выше, тем выше сообщаемые респондентами оценки «нормального» дохода. Однако эта зависимость, судя по данным, не является очень сильной. При фактических уровнях денежных доходов, различающихся более чем на порядок, оценки величины «нормального» дохода отличаются примерно в 1,5 раза. Например, в октябре 2010 г. представители нижних 10% в распределении по уровню среднедушевого денежного дохода полагали, что «нормальный» доход должен составлять 19 тыс. руб. в месяц на члена семьи, аналогичная оценка наиболее обеспеченных респондентов из верхнего дециля составила 32 тыс. руб.¹ Это и есть свидетельство того, что представления о статусном характере потребления слабо дифференцированы, нормативные модели потребления похожи, в то время как фактические уровни доходов существенно более различаются. Такая ситуация возникает прежде всего потому, что, действительно, сфера потребления в российской экономике сложилась таким образом, что массово доступные населению уровни денежных доходов не позволяют выходить за пределы удовлетворения текущих потребностей. Это проявляется и в том, что до сих пор практически реализуемый для большинства населения уровень личной

финансовой свободы ограничивается в лучшем случае приобретением предметов бытовой техники и домашнего оборудования. Более значимые покупки, а значит и удовлетворение соответствующих жизненно важных потребностей за счет личных усилий и средств (т.е. обретение статуса объекта рыночных отношений, и это прежде всего касается жилья), вообще недоступны для большинства, а только для наиболее обеспеченных — сопряжены с финансовыми ограничениями на текущее потребление.

В 2007 г., как теперь уже понятно, практически на пике положительной динамики материального благосостояния российских семей, в рамках программы Левада-Центра «Мониторинг социально-экономических перемен» был проведен более подробный анализ представлений населения о нормальном доходе². Полученные данные о месте «нормальной жизни» в рамках сегодняшней российской действительности весьма показательны. Прежде всего отметим, что из года в год неизменно у большинства респондентов субъективные оценки «нормального» дохода стабильно оказываются выше, чем их фактический денежный доход, т.е. «нормальный» доход — это практически всегда цель, к которой еще только хочется стремиться, а не уже достигнутый результат. «Нормальный» доход — это желаемый образец, количественно отражающий представления людей о том, что значит «жить нормально» в современной России, это реально существующая модель потребления, регулирующая фактическую потребительскую активность российских граждан, это образ ближайшего будущего, который будет реализован в случае роста денежных доходов.

В разных слоях общества представления о нормальной жизни принципиально по-разному соотносятся с тем, как живет большинство населения страны. В среднем данные показывают «среднюю температуру по больнице»: 42% считают, что *«жить нормально — это жить так, как большинство окружающих»* и те же 42% выбрали другое мнение — *«жить нормально — это жить лучше, чем большинство»* (см. табл. 1). В обоих случаях предлагаемая респондентам модель («как все» или «лучше, чем все») подразумевает соотношение мыслимого образца с преобладающим в обществе образом жизни и задает границу отсечения.

¹ Еще менее зависят от фактического денежного дохода оценки величины прожиточного минимума и уровня доходов, ниже которого начинается бедность: разрыв в мнениях 10% самых богатых и самых бедных респондентов составляет 1,4 раза для прожиточного минимума и 1,5 раза — для оценок бедности.

² Опрос проводился в марте 2007 г. по выборке, репрезентирующей мнения взрослого (старше 16 лет) городского и сельского населения России, N=2100.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МНЕНИЙ О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ «ЖИТЬ НОРМАЛЬНО», ПО ГРУППАМ ОПРОШЕННЫХ (% по строке)

	Доля группы (% по столбцу)	Жить нормально – это так же, как большин- ство окружающих	Жить нормально – это лучше большинства окружающих	Затруд- няюсь ответить
Всего	100%	42	42	16
К КАКОМУ СЛОЮ В ОБЩЕСТВЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ ВСЕГО СЕБЯ ОТНЕСЛИ?				
К низшему слою	13	46	38	16
К низшей части среднего слоя	25	47	38	15
К средней части среднего слоя	48	41	45	14
К высшей части среднего слоя	4	24	58	18
Затрудняюсь ответить	10	35	44	21
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС И РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА				
Москва и С.-Петербург	11	48	36	16
Городские региональные центры	27	39	44	18
Городские периферийные города	37	39	46	15
Села	26	48	39	14
ВОЗРАСТ				
До 24 лет	17	41	51	9
До 25–39 лет	27	35	49	16
До 40–54 лет	28	41	41	18
От 55 лет и старше	28	51	32	17
ОБРАЗОВАНИЕ				
Высшее и незаконченное высшее	16	31	48	21
Среднее профессиональное	54	40	44	16
Ниже среднего	30	51	36	13
ВОЗРАСТ И ОБРАЗОВАНИЕ				
До 39 лет, высшее	7	27	60	13
До 39 лет, не высшее	38	39	48	13
Старше 40, высшее	9	34	40	27
Старше 40, не высшее	47	48	36	16
СРЕДНЕДУШЕВОЙ ДОХОД				
Низкий (нижние 20% в распределе- нии по доходу)	27	48	39	14
Средний (средние 60% в распределе- нии по доходу)	45	41	42	17
Высокий (верхние 20% в распределе- нии по доходу)	18	33	54	13
К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ МОГЛИ БЫ ОТНЕСИ СЕБЯ?				
Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты	16	49	33	19
На продукты денег хватает, но по- купка одежды вызывает серьезные затруднения	33	49	34	17
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного поль- зования является для нас проблемой	37	36	51	13
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Но затруднительно приобретать действи- тельно дорогие вещи	14	38	49	13

Для одних сопоставление нормальной жизни с жизнью большинства одновременно означает признание собственной «исключенности снизу», т.е. является отражением чувства собственной неполноценности в текущий момент, когда еще нет возможности обеспечить своей семье такую жизнь, которой живет большинство и которая видится как «нормальная жизнь». Сторонники второго выбора, полагая, что «нормальная» жизнь – это та жизнь, которая должна быть лучше, чем у большинства окружающих, тем самым дают характеристику сегодняшней жизни большинства общества как *не нормальной* и хотят выбраться за ее пределы, одновременно понимая, что это возможно только в «исключительном» режиме. Это своего рода «исключенность сверху».

В этом разделении на группы присутствует еще один смысл. Выбирающие позицию «нормальная жизнь – жизнь большинства» имеют перед собой реальные модели образа и стиля жизни, который они готовы будут перенять в случае получения необходимых для этого денежных доходов. Образец «нормальной жизни» у сторонников представления о том, что нормальная жизнь – это лучше, чем у большинства, отталкивается от негативной посылки (не так, как большинство) и потенциально менее определен. Потребительским образцом для нижестоящих групп является образ и стиль жизни слоя, стоящего на ступеньку выше. Идеальный образец поведения сторонников определения нормальной жизни как жизни лучшей, чем у большинства, выведен за пределы рассматриваемой дихотомии. Каков он, рассмотрим позже, анализируя подробные описания нормального дохода, которые респонденты давали в ходе исследования.

При среднем равенстве групп населения, придерживающихся первой или второй позиции, указанные точки зрения по-разному распределены по социально-демографическим группам. Выбор зависит от ресурсной обеспеченности респондентов: молодые, образованные, лучше материально обеспеченные респонденты скорее склоняются в сторону второго определения – нормальная жизнь должна быть лучше, чем сейчас у большинства окружающих. Эта точка зрения преобладает среди молодых людей (в возрасте до 40 лет), имеющих высшее образование, городских жителей (за исключением столиц), высокообеспеченных. Любое сочетание этих отдельных видов человеческих ресурсов приводит к заметному увеличению группы сторонников определения нормальной

жизни как жизни «лучше других». Например, среди людей с высшим образованием или молодежи доля таких респондентов составляет не более половины, а в возрастной группе до 40 лет и с высшим образованием – уже 60%.

Пример мнений жителей столиц (в среднем наиболее обеспеченных как в плане личного материального достатка, так и в наличии современной потребительской инфраструктуры, информационного и культурного поля) позволяет уточнить характер процесса формирования представлений о нормальной жизни. В отличие от мнений остальных российских городских жителей, в среднем столичные респонденты чаще связывают представления о нормальной жизни с жизнью большинства. Это, во-первых, отражение более высокого уровня жизни в столицах у всех их жителей, здесь лучше всего видны различия между группами людей с разным уровнем достатка и они яснее обозначены, а ступенек, отделяющих один социальный слой от другого, – больше. И во-вторых, результат того, что Москва и Петербург стали символами богатства в России, и здесь наиболее очевидна труднодостижимость (или недостижимость) принципиально другого образа жизни, чем у *окружающего* и доступного в повседневном общении большинства.

Первое обстоятельство обеспечивает наличие зримых образцов стиля жизни людей, живущих «на одну ступеньку» лучше, и которые, в соответствии с регулирующим поведением людей чувством «завистнического соперничества»¹, представляются образцовым большинством. Второе обстоятельство указывает на существующие в современном устройстве российского общества ограничения вертикальной мобильности, становящейся все более очевидной для массовых слоев населения. Характер текущего экономического развития России таков, что, несмотря на рост уровня благосостояния массовых слоев населения страны в «нулевые» годы до кризиса, блокируется переход к более высоким стандартам потребления, необходимым для реализации либеральной модели удовлетворения личных потребностей семей за счет собственных средств. Эта блокировка обеспечивается недоступностью для широких слоев населения высоких заработков, пенсионной системой, которая все более превращается в систему социального обеспечения для бедных.

¹ «Завистническое соперничество есть процесс оценки людей в отношении их достоинства. Денежный успех, проверяемый завистническим сопоставлением себя с другими людьми, становится общепринятой целью всякого действия» (Веблен Т. Указ. соч. С. 81–82).

Вместо создания условий для стимулирования высокой трудовой активности, которая позволяла бы увеличивать личные денежные доходы широких слоев населения, происходит усиление системы государственного распределения минимальных социальных стандартов, а механизм административных барьеров и коррупции немедленно начинает брать свою «дань», как только возникают те или иные возможности заработков, превышающих достигнутый средний уровень.

Казалось бы, принципиальное различие определений «нормальной» жизни — так же, как большинство, или лучше — на самом деле не является таковым, когда речь заходит о более подробных характеристиках.

Во-первых, количественные оценки величины «нормального дохода», необходимого для такой жизни, различаются всего в 1,5 раза (тот же порядок различий, что и при сравнении оценок величины «нормального» дохода представителями верхнего и нижнего дециля в распределении по уровню среднедушевого семейного дохода!). В марте 2007 г. в среднем оценка величины нормального дохода составляла 15 тыс. руб. в месяц на члена семьи. Респонденты, считающие, что нормальная жизнь — это как у большинства, в среднем называли цифру в 12 тыс. руб., а те, кто считал, что нормальная жизнь — это лучше, чем у большинства, — 18 тыс. руб. Причем жители Москвы оценивали величину нормального дохода в 30 тыс. руб. в месяц на члена семьи.

Но более всего важны не количественные различия, выраженные достаточно слабо, а весьма значительное сходство структуры качественных представлений о сути «нормальной» жизни, того спектра потребностей, полное удовлетворение которых является признаком «нормальной» жизни. В ходе исследования респондентам предлагалось перечислить (в свободной форме, в ответе на «открытый» вопрос) виды расходов, которые должны покрываться «нормальным» доходом. И здесь важно, какие именно виды расходов выступают, по мнению респондентов, символами «нормальной жизни», какие потребности перечисляются. Не только различная важность необходимых, «физических» потребностей выживания, но и социальная функция потребления приводит к установлению иерархии видов потребительских расходов, которые наилучшим образом реализуют демонстративную функцию удостоверения социального достоинства потребителя.

Здесь вступает в силу требование «расточительства». Тот или иной вид потребительских

расходов наилучшим образом выполняет функцию демонстративного потребления только в том случае, если это расходование носит элемент излишества. «Чтобы приносить почет, оно (демонстративное расходование) должно быть расточительным»¹. Поэтому при перечислении видов потребительских расходов, которые присущи нормальному образу жизни, люди невольно в первую очередь перечисляют те их виды, которые являются «знаковыми», т.е. отличными от более скромного образа жизни, и, следовательно, позволяют реализовать демонстративную функцию расточительного потребления.

Вид расходов, а точнее — потребность в материальных благах и услугах, которая удовлетворяется за счет данного вида потребительских расходов и наилучшим образом отвечает требованию расточительного демонстративного потребления, зависит от достигнутого уровня достатка и сложившегося способа удовлетворения потребностей (только в рыночной форме или в форме натурального распределения; в последнем случае социальная функция демонстративного потребления порождает систему отношений дефицитарного типа, доступ к дефициту нарушает иерархию видов потребительских расходов, поскольку в этом случае сам доступ к дефициту «снимает» необходимость учитывать предметный характер демонстративного потребления, значимой становится преимущественно степень дефицитности).

Для обобщенного анализа все свободные высказывания респондентов на вопрос «*На какие семейные нужды должно хватать денег такой семье, как Ваша, для того, чтобы жить нормально*», были сгруппированы в полтора десятка видов потребительских расходов. Более половины (53%) респондентов указывали три-четыре вида расходов — символов «нормальной жизни», еще треть (34%) называли одно-два направления потребительских расходов (см. табл. 2).

Сторонники определения нормальной жизни «как у всех» и их оппоненты при описании того, что такое нормальная жизнь, пользуются примерно одинаковым набором потребительских расходов — символов. И те и другие чаще всего упоминают базовые потребности — питание и одежда. Также мало различимы по частоте упоминания расходы на медицинские услуги, приобретение бытовой техники, ремонт жилья.

¹ Веблен Т. Указ. соч. С. 130. Далее Веблен пишет: «Очевидно, для того, чтобы данный объект расходования попал в категорию демонстративного расточительства, он не должен быть исключительно расточительным» (с. 134).

Таблица 2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «НОРМАЛЬНОЙ» ЖИЗНИ. ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ВИДОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ (в % от числа опрошенных)

Виды потребительских расходов	Жить нормально – это так же, как большинство окружающих	Жить нормально – это лучше большинства окружающих
Питание	71	65
Одежда и обувь	57	54
Оплата жилищно-коммунальных услуг	40	29
Медицинские услуги, лекарства	27	25
Приобретение бытовой техники	17	19
Покупка автомобиля	5	10
Образование	15	24
Отдых и путешествия	20	36
Приобретение жилья	8	16
Ремонт жилья, покупка мебели	16	16
Поддержание здорового образа жизни	2	4
Досуг и развлечения	4	5
Транспортные услуги	3	2
Помощь другим	2	2

Значимые различия возникают только в частоте упоминания тех видов потребительских расходов, которые вообще редко назывались, но действительно позволяют отличить один образ жизни от другого. Более трети тех, кто определяет нормальную жизнь как лучшую, чем у большинства, говорят о необходимости наличия достаточных средств для полноценного отдыха и путешествий (среди их оппонентов – только каждый пятый). Первые вдвое чаще упоминают затраты на приобретение личного автомобиля и жилья, расходы по поддержанию здорового образа жизни (как правило, речь идет об оплате спортивных занятий). Однако все эти отличия скорее второстепенные, а по сути представления о нормальной жизни весьма унифицированы и сконцентрированы вокруг базовых человеческих потребностей, т.е. по-прежнему в первую очередь работают механизмы потребительских моделей бедных слоев населения.

Дополняют эту картину данные более позднего исследования, проведенного в 2010 г.¹, которое показало, что потребности в приобретении жилья мысленно выведены массовым потребителем за скобки нормальных потребностей. Это подтверждает сопоставление уровня «нормального» дохода и величины денежного дохода, при котором семья может себе позволить приобретение жилья. Оказалось, что в среднем люди полагают, что для приобретения жилья в кредит семейный доход должен быть

примерно в 3 раза выше, чем доход, который просто позволял бы жить нормально.

Типичные представления российского населения о «нормальной» жизни, его потребительские планы даже в своих ориентирах не выходят за пределы удовлетворения текущих семейных потребностей. Эти цифры наглядно подтверждают, что для большинства населения страны решение об обеспечении своей семьи жильем – это недоступная роскошь (а не демонстративное расточительство), и подобная жизненная стратегия реально не рассматривается, в том числе не может служить реальным инструментом подтверждения и закрепления своего социального статуса. Накопление семейных ресурсов для приобретения жилья заранее определяется как нереализуемая, а потому бессмысленная жизненная стратегия, не способствующая подтверждению социального статуса. Для подтверждения своего социального достоинства оказываются достаточными расходы на демонстративно расточительное питание, одежду и т.п.

Справедливости ради здесь следует отметить, что развитию спроса на жилье сейчас в России в гораздо большей степени препятствуют сложившаяся финансовая система, не обеспечивающая благоприятных условий для личных сбережений, а также характер экономического развития (речь идет в данном случае о высокой инфляции, дифференциации зарплат, неразвитости рынка жилья). Мы просто хотим указать еще на один тормозящий фактор.

¹ По данным опроса городского населения России (N=2200), проведенного по заказу Сбербанка РФ.

Затраты на питание и одежду оказываются на первом месте даже в группах населения с наиболее высоким сейчас потребительским статусом (могут без финансовых ограничений приобретать товары длительного пользования), не говоря уже просто о верхних децилях в распределении по уровню среднедушевых семейных доходов (см. табл. 3). Однако уже обсуждавшаяся смена символических значений расточительного потребительского расходования для демонстрации своего общественного статуса просматривается при сопоставлении представлений о нормальной жизни у людей, по-разному описывающих текущий финансовый статус своих семей. Частота упоминаний расходов на одежду достигает максимального значения в группе тех, кому сейчас вполне достаточно денег только на питание. Для них затраты на одежду, связанные с финансовыми трудностями, одновременно представляют собой элемент расточительности, т.е. именно одежда является наилучшим для них видом демонстративных расходов. Частота упоминания расходов на бытовую технику достигает своего максимума в следующей группе – тех, кому достаточно текущего дохода на питание и одежду. В этой же группе максимальная частота упоминания расходов на отдых и путешествия. Красиво одеться и съездить в отпуск отдохнуть – это для них и есть символ нормальной жизни. В еще более высокой потребительской группе (и последней массовой в современной России) демонстративную потребительскую роль бытовой техники начинает выполнять автомобиль,

а единовременные затраты на отдых и путешествия начинают замещаться постоянными расходами по поддержанию здорового образа жизни. В обоих случаях особенно заметно возрастает частота упоминаний именно этих видов расходов.

Одновременно отметим, что в наиболее обеспеченной группе российских потребителей менее всего просматривается какая-либо одна модель потребительских расходов. Почти две трети потребительских расходов отмечаются респондентами примерно с одинаковой частотой, в то время как в менее обеспеченных группах явно выделяются три-четыре позиции, которые чаще всего называются респондентами, мнения людей более консолидированы.

Среди наиболее обеспеченных массовых групп российских граждан модель «нормальной жизни» наименее четко определена, или, что более вероятно, здесь начинают складываться разные модели потребления, начинается свободный выбор образа и стиля жизни. А образцом поведения для них служит следующий, вышестоящий слой, который уже не является массовым и образ жизни которого может быть только реконструирован по телесериалам и слухам. Отсутствие зримых образцов существенно затрудняет реализацию демонстративной функции потребления, вносит элемент дезориентированности. В результате представители этой группы продолжают либо воспроизводить образцы потребления нижестоящих по уровню доходов групп, либо пытаются заимствовать доступные элементы стилей жизни высших групп, стоящих

Таблица 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «НОРМАЛЬНОЙ» ЖИЗНИ ПО ГРУППАМ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА (в % от числа опрошенных)

Виды потребительских расходов	Едва сводим концы с концами	На продукты хватает	Хватает на продукты и одежду	Можем без труда приобретать товары длительного пользования
Питание	84	67	63	53
Одежда и обувь	55	59	53	46
Оплата жилищно-коммунальных услуг	41	39	31	23
Медицинские услуги, лекарства	47	30	21	11
Приобретение бытовой техники	13	17	22	16
Покупка автомобиля	2	3	9	20
Образование	8	20	22	22
Отдых и путешествия	21	23	37	29
Приобретение жилья	7	7	14	21
Ремонт жилья, покупка мебели	22	15	12	15
Роддержанье здорового образа жизни	3	2	3	5
Досуг и развлечения	1	4	6	5
Транспортные услуги	3	3	3	2
Помощь другим	2	2	2	1

не на одну, а на несколько ступенек выше (или, точнее, следующая ступенька столь высока, что практически труднопреодолима) – «богатых людей из телевизора». А чаще – и то и другое.

Но в любом случае явно происходит неэффективное использование и без того скудных материальных ресурсов. Дело в том, что вырабатываемые любым иерархически организованным обществом стили жизни, модели потребления социальных слоев населения с разным уровнем дохода устроены таким образом, что на каждом этапе ориентируются на достигнутый обществом в целом средний уровень экономического и социального развития. Т. Веблен, рассматривая причины усиления роли демонстративного потребления, которое по мере социально-экономического развития становится более популярным свидетельством социального статуса и постепенно замещает демонстративную праздность (которая на более ранних этапах социально-экономического развития в первую очередь выполняла эту функцию), вводит в рассмотрение «инстинкт мастерства», определяя его как врожденный фактор, регулирующий человеческое поведение и удерживающий человека от неэффективных трат и тщетных усилий. Инстинкт мастерства «склоняет к резкому осуждению расточительных затрат времени и сил... как бы ни было расходование расточительным в действительности, оно должно иметь благовидное оправдание, что-нибудь вроде показной цели»¹. Это накладывает практические ограничения на виды потребительских расходов, которые наилучшим образом реализуют функцию демонстративного потребления. Демонстративное потребление должно быть одобрено обществом как способствующее его развитию. Современный мировой уровень социально-экономического развития выдвигает на первый план значимость человеческого капитала. Соответственно, потребительские расходы, способствующие наращиванию человеческого капитала (образование, культурное развитие, здравоохранение в широком смысле, т.е. с упором на проблематику здорового образа жизни), приобретают характер модных, т.е. наиболее пригодных для демонстративного расточительства, демонстративного потребления.

Структура текущих потребительских расходов российских семей. Отсутствие принципиальных отличий в моделях потребления между представителями наиболее и наименее благополучных (в смысле уровня материального до-

статка) массовых групп российского населения обнаруживается и при исследовании изменения структуры текущих потребительских расходов российских семей по мере роста денежных доходов. Статистические данные о потребительских затратах российских семей регулярно собираются в рамках бюджетных обследований Росстата РФ на основе достаточно кропотливого и подробного учета стоимости всех покупок, произведенных участвующей в обследовании семьей на протяжении многих недель. Исходные данные бюджетных обследований позволяют получить структуру потребительских расходов семей в весьма дробной номенклатуре (особенно по продуктам питания), которая даже в агрегированном виде публикуется в статистических бюллетенях в номенклатуре, насчитывающей несколько десятков позиций.

Начиная с 2009 г. в рамках исследовательской программы Левада-Центра «Вестник»² также собирается информация о структуре потребительских расходов. Однако применяемая в этих опросах методика принципиально отличается от методики бюджетных обследований, поскольку носит оценочный, субъективный характер. Описываемый далее анализ структуры потребительских расходов российских семей основан на сопоставлении результатов данных бюджетных обследований и результатов субъективных оценок.

В применяемой в Левада-Центре методике сбора информации о структуре расходов семейных бюджетов на текущие нужды респондентам предлагается дать примерную оценку доли (в процентах) своих семейных расходов на основные виды текущих потребительских затрат, которые сгруппированы примерно в полтора десятка направлений расходования семейных доходов на текущие нужды. Следовательно, объектом изучения в данном случае является не столько фактическая структура потребительских затрат семьи, а скорее сформировавшаяся у респондента субъективная модель этой структуры. Ее отличие от фактической структуры потребительских расходов, изучаемой бюджетными обследованиями, помимо ошибок и неточностей фиксации относительных размеров тех или иных затрат, позволит оценить степень различия (или сходства) субъективной значимости отдельных видов потребительских расхо-

¹ Т. Веблен. Указ. соч. С. 127.

² Программа исследований «Вестник» проводится при финансовой поддержке Фонда Форда, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и Института «Открытое общество» и включает 6 ежегодных репрезентативных опросов взрослого (старше 16 лет) городского и сельского населения России (N=1600).

дов по сравнению с объективно более точными данными бюджетных обследований. Схожесть субъективных представлений о структуре потребительских расходов групп населения с разным уровнем материального достатка будет являться подтверждением гипотезы об отсутствии существенных различий в субъективных моделях поведения этих групп.

Сравнение структуры потребительских расходов по данным бюджетных обследований и результатам опросов Левада-Центра трудно провести полностью, поскольку использовалась различная группировка видов расходов. Кроме того, публикуемая статистика бюджетных обследований Росстата РФ является продуктом двухступенчатой процедуры взвешивания индивидуальных данных, в результате которого повышается значимость высокодоходных групп респондентов (они традиционно недооцениваются в ходе выборочных исследований). Данные Левада-Центра не предусматривают такую процедуру взвешивания.

Однако частичное представление о степени соответствия полученных данных можно получить. Например, доля затрат на оплату жилья и коммунальных услуг, услуг связи в обоих случаях

оценивается на уровне примерно 14% от общей суммы текущих расходов, на предметы домашнего обихода – 5%. Затраты на общественный транспорт, по бюджетным данным, оцениваются в 2%, по данным Левада-Центра, – 3%, на одежду и обувь – 8 и 10% соответственно¹.

Более всего бросаются в глаза различия в оценке доли затрат на питание. Бюджетные обследования показывают, что на питание (включая алкогольные напитки и затраты на питание вне дома) в среднем тратится примерно 36% семейного бюджета, по данным Левада-Центра, – 46%. Различия значительные, но, по нашему мнению, не принципиальные, учитывая описанные выше существенные отличия в подходах к оценке и методах сбора информации о структуре потребительских расходов. Кроме того, как представляется – и это будет показано ниже, – такие отличия как раз и связаны со спецификой сложившихся субъективных моделей потребительского поведения.

Согласно данным Левада-Центра (см. табл. 4), структура потребительских расходов семей с очень разными субъективными представлениями о своем материальном положении оказывается тем не менее весьма похожей.

Таблица 4

СТРУКТУРА ТЕКУЩИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ – ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА (в % от общей суммы текущих расходов)

СРЕДНЕДУШЕВОЙ СЕМЕЙНЫЙ ДОХОД ПО УКРУПНЕННЫМ ГРУППАМ	Низкие доходы	Средние доходы	Высокие доходы				
				Мы едва сводим концы с концами	На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные трудности	Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднительна	Мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования.
Питание, включая алкогольные напитки и регулярное питание вне дома (во время работы, учебы)	49	49	38	58	51	45	37
Оплата жилья, коммунальных услуг, услуг связи	15	15	13	15	16	14	12
Повседневные непродовольственные расходы	6	5	5	3	5	6	6
Затраты на общественный транспорт	2	2	3	1	2	3	2
Текущие затраты на личный транспорт, включая оплату бензина	2	2	5	1	2	3	5
Приобретение одежды, обуви	8	8	11	4	6	9	11
Расходы на развлечения, отдых	0	1	5	0	1	2	5
Расходы на образование	4	3	2	1	2	4	2
Расходы на лечение, включая оплату лекарств	6	7	5	7	8	6	4
Расходы на бытовые услуги	0	1	2	0	1	1	2
Прочие расходы и сбережения	3	4	8	2	4	5	8

¹ См. статистический сборник: Социальное положение и уровень жизни населения России, 2010 // Росстат – М., 2010. С. 244–245.

Более точное представление о характере изменения структуры потребительских расходов по мере улучшения материального положения семей дает оценка коэффициентов эластичности затрат на удовлетворение тех или иных потребностей от денежного дохода. Коэффициент эластичности показывает, как будут меняться соответствующие затраты при увеличении денежного дохода семьи. Если коэффициенты эластичности близки к 1, это означает, что расходы растут в той же степени, что и доходы, т.е. доля таких расходов остается неизменной. Если коэффициент эластичности меньше 1, то доля этого вида потребительских расходов снижается, и, наоборот, при коэффициенте эластичности больше 1 по мере роста доходов потребители склонны тратить все возрастающую долю своих средств для удовлетворения данной потребности. В табл. 5 приводятся коэффициенты эластичности, рассчитанные по данным опросов Левада-Центра, проведенных в 2009–2010 гг.

Таблица 5
КОЭФФИЦИЕНТЫ ЭЛАСТИЧНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЕМЕЙНЫХ РАСХОДОВ ОТ ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА ПО ДАННЫМ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК ДОЛИ ЭТИХ РАСХОДОВ В СЕМЕЙНЫХ БЮДЖЕТАХ – ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА (в скобках указаны стандартные ошибки параметров)

	2009 г.	2010 г.
Питание, включая алкогольные напитки и регулярное питание вне дома (во время работы, учебы)	0,87 (0,03)	0,87 (0,05)
Оплата жилья, коммунальных услуг, услуг связи	0,83 (0,04)	0,95 (0,06)
Повседневные непродовольственные расходы	1,18 (0,04)	1,03 (0,09)
Затраты на общественный транспорт	1,11 (0,12)	1,32 (0,12)
Текущие затраты на личный транспорт, включая оплату бензина	1,69 (0,26)	1,64 (0,16)
Приобретение одежды, обуви	1,37 (0,07)	1,19 (0,11)
Расходы на развлечения, отдых	1,99 (0,20)	2,33 (0,25)
Расходы на образование	0,81 (0,17)	0,68 (0,15)
Расходы на лечение, включая оплату лекарств	0,84 (0,16)	0,76 (0,11)
Расходы на бытовые услуги	1,56 (0,25)	1,96 (0,31)

Расчеты коэффициентов эластичности по данным опросов Левада-Центра о структуре потребительских расходов показали, что более чем по половине видов потребительских расходов

коэффициенты эластичности близки к единице. В частности, речь идет о таких базовых расходах, как питание, жилищно-коммунальные услуги и связь, повседневные непродовольственные расходы, общественный транспорт, услуги образования и затраты на медицинскую помощь. Равенство единице коэффициентов эластичности от дохода как раз и подтверждает, что по мере роста денежных доходов не меняется субъективная значимость для семейных бюджетов этих видов потребительских расходов.

Полученные оценки эластичности от дохода отличаются от результатов аналогичных расчетов по данным бюджетных обследований Росстата РФ. Представляется, что имеющиеся различия как раз и связаны с принципиальными отличиями исходной информации. Используемые для наших расчетов данные Левада-Центра отражают не фактически учтенные в бюджетных обследованиях параметры потребительских расходов российских семей, а величины, полученные через призму субъективных оценок и сложившихся моделей потребления. Поэтому следует, очевидно, полагать, что полученные по данным Левада-Центра оценки коэффициентов эластичности отражают, помимо чисто статистических взаимосвязей потребительских расходов и личных денежных доходов, *изменение представлений* людей о различиях структур потребительских расходов, которые складываются *по мере изменения уровня денежных* доходов семей. Рассмотрим эти различия подробнее.

По данным Левада-Центра, эластичность расходов на питание (включая расходы на алкоголь и регулярные затраты на питание вне дома – во время работы, учебы и т.п.) составляет 0,9. В этом агрегате потребительских расходов затраты на питание дома (без алкогольных напитков) составляют 80–85% (по данным бюджетных обследований). Эластичность расходов на продовольственные товары (без алкогольных напитков) от дохода, рассчитанная по данным бюджетных обследований, составляет заметно меньшую величину – примерно 0,6¹.

Сравнение коэффициентов эластичности на оплату жилищно-коммунальных услуг и услуг связи, оцененных по данным опросов Левада-Центра и по данным бюджетных обследований, показывает аналогичное смещение: по данным Левада-Центра – коэффициент эластичности равен 0,8–0,9, по бюджетным обследованиям – коэффициент эластичности на ЖКУ равен 0,3,

¹ Суворов А., Соловьев А. Прогнозирование структуры расходов населения на товары и услуги // Проблемы прогнозирования. 2011. № 1.

на услуги связи (доля которых заметно ниже, чем ЖКУ) – 0,8.

Такие же различия в сторону завышения коэффициентов эластичности по данным опросов Левада-Центра по сравнению со статистикой бюджетных обследований наблюдаются по повседневным непродуктивным расходам, затратам на одежду и обувь.

Представляется, что эти расхождения носят не случайный характер. Они отражают и позволяют получить приблизительную количественную оценку влияния сформированных в головах людей моделей потребления на фактические потребительские расходы. Во всех описанных случаях (кроме покупки одежды и обуви, затрат на общественный транспорт, о чем ниже) результаты опросов показывают преувеличенное внимание людей к этим базовым потребительским расходам, фиксируют гораздо меньшее снижение доли затрат на питание, расходов на жилье, повседневных непродуктивных расходов, чем даже есть «на самом деле». Это обстоятельство как раз и показывает, что по мере повышения благосостояния, люди не стремятся перестроить структуру своих потребительских расходов, вернее, это изменение структуры происходит во многом «помимо» их сознания, что, очевидно, является тормозом изменений в моделях потребительского поведения. Проще говоря, следует предположить, что если бы процессы изменения структур потребительских расходов были более целенаправленными, если бы люди имели зримые, общественно признанные образцы потребительского поведения, «приличествующего» людям с более высоким уровнем материального достатка, стоящим «на ступеньку» выше них, то социальный, демонстративный аспект потребительского поведения был бы лучше, более явно и целенаправленно реализован.

Это означает, например, что при росте дохода семьи не продолжали бы наращивать расходы на питание пропорционально увеличению доходов, а переключились на другие виды потребительских расходов. В терминах оценок величины эластичности потребительских расходов от дохода это означало бы, что, например, эластичность затрат на продукты питания была бы ниже, чем 0,6 (как это наблюдается сейчас, согласно данным бюджетных обследований).

Гораздо более принципиальные различия в оценках величины эластичности на одежду и обувь весьма характерны для нынешнего этапа развития уровня жизни в нашей стране. Данные Левада-Центра в последние годы неизмен-

но показывают, что наиболее массовой группой потребителей (составляющей примерно половину населения) являются те, кто определяет свой потребительский статус как «*денег хватает на продукты и одежду, обувь, а вот уже покупка бытовой техники вызывает финансовые затруднения*». Этот слой потребителей стал наиболее массовым не так давно, примерно в последние пять лет перед кризисом. Для большинства это довольно новое состояние, у представителей этой группы еще сильно воздействие моделей потребления более бедных людей, для которых покупка одежды и обуви приводила к финансовым затруднениям, и поэтому именно эти расходы в основном и выполняли функцию демонстрации и закрепления социального статуса.

Столь значимое влияние «*сидящих в головах*» моделей потребления находит свое количественное выражение в том, что коэффициент эластичности этого вида затрат по данным Левада-Центра равен 1,2–1,4, т.е. люди субъективно уверены в том, что по мере роста доходов доля их затрат на одежду и обувь увеличивается. «Объективные» расчеты по данным бюджетных обследований *уже показывают*, что это не так – соответствующий коэффициент эластичности составляет 0,7, т.е. доля затрат снижается. Опять же можно предположить, что если бы субъективные представления людей о престижных моделях потребления были бы более адекватными достигнутому уровню денежных доходов, фактические затраты россиян на одежду и обувь были бы ниже, а страсть российских потребителей к покупкам одежды и обуви так не шокировала бы зарубежных исследователей.

Судя по полученным в Левада-Центре оценкам коэффициентов эластичности, сейчас наиболее динамично меняются субъективные представления российских жителей о расходах на организацию своего отдыха. При росте доходов на 1% расходы на отдых увеличиваются более чем вдвое (коэффициент эластичности превышает 2). Представляется, что и здесь нашла свое отражение российская специфика формирования моделей потребительского поведения в условиях дефицита социальной стратификации и разрывов в социальной структуре общества. Потребители, достигшие уровня полного удовлетворения потребностей в рамках известной им модели бедного потребления, в то же время, как правило, не имеют в своей обыденной жизни, в доступном социальном окружении образцов поведения более высоких статусных групп и поэтому вынуждены ориентироваться на «внешние» информационные источники.

И в первую очередь находят их «в телевизоре», в «картинках» о красивой и беззаботной, роскошной жизни «других». Дорогостоящий отдых («дорогостоящий» не обязательно в прямом смысле, а прежде всего относительно фактически достигнутого уровня материального достатка) в такой ситуации становится очередным потребительским символом, позволяющим реализовать демонстративную функцию потребления.

По нарастанию своей субъективной значимости расходы на отдых даже обогнали затраты на личный транспорт, один из традиционных статусных видов потребительских расходов. Оценки коэффициентов эластичности расходов на личный транспорт по данным Левада-Центра и по статистике бюджетов домашних хозяйств мало различаются. В данных Левада-Центра о расходах на личный транспорт речь идет только о текущих затратах, которые в основном связаны с оплатой бензина, а коэффициент эластичности оценивается на уровне примерно 1,6. По бюджетным обследованиям коэффициент эластичности расходов на бензин оценивается на уровне 1,4.

В отличие от обсуждавшихся статей потребительских расходов, субъективная значимость затрат на услуги образования и медицинскую помощь оказывается скорее заниженной. Соответствующие коэффициенты эластичности, оцененные по данным бюджетных обследований, как минимум равны единице или даже выше единицы, а по данным Левада-Центра составляют примерно 0,8. Несмотря на фактическое увеличение затрат на образование и медицинское обслуживание по мере роста семейных доходов, внимание потребителей к ним снижается. Это еще одно подтверждение известной по другим данным неготовности современного российского потребителя к реализации либеральных моделей организации образовательной системы и системы здравоохранения, предусматривающих расширение личного участия и ответственности семей в удовлетворении соответствующих потребностей.

В заключение — примеры воздействия моделей бедности.

Современные представления российских жителей о том, как должна быть устроена сфера личного потребления, система удовлетворения личных потребностей населения в товарах и услугах, как представляется, сформировались под влиянием нескольких факторов. Во-первых, ностальгия по советским

временам, по-прежнему широко распространенная в обществе, укоренила идиллический образ высокоэффективно функционирующей бесплатной социальной системы (здравоохранения, образования, жилья), обеспеченной государством и не требующей никаких затрат и усилий от конкретного человека. Во-вторых, низкий фактический уровень жизни массовых слоев населения, а также высокая дифференциация денежных семейных доходов обусловили массовое распространение негативного отношения к возможностям и преимуществам, предоставляемым людям, имеющим высокие доходы. И в-третьих — унаследованная культура бедности, характер которой описан выше.

Процесс изменений в потребительской культуре массовых слоев российского населения мог бы идти быстрее и безболезненнее, если бы не сложившийся характер дифференциации личных денежных доходов. При высоком уровне дифференциации денежных доходов, различие потребительских возможностей, которые обеспечивают эти разные уровни доходов, оказываются существенно меньшими. Грубо говоря, переход семьи из нижнего дециля в распределении по доходу на одну ступеньку выше, как правило, не позволяет перейти к новой модели потребления. Страна все больше делится на основную массу бедных людей и ограниченную часть обеспеченных, между которыми образуется разрыв, становящийся все более труднопреодолимым в результате сужающихся возможностей вертикальной мобильности.

По всем этим причинам — мифологизированное представление о прошлом опыте, текущая ограниченность денежных ресурсов семей, недостаток легитимности обеспеченности, богатства в глазах большинства населения, сохранение бедной культуры потребления — развитие иной модели, кроме государственной и преимущественно бесплатной системы социальной поддержки населения, изначально обречено на значительные трудности распространения и легитимации новых правил.

В 2007 г., на закате периода высокого экономического роста и наименее критичного отношения населения к социальной проблематике развития общества, Левада-Центр совместно с НИСП проводил исследование отношения населения к возможным направлениям реформирования системы здравоохранения, пытаясь выяснить, какая модель ее организации в наибольшей степени соответствует представлениям людей о справедливом устройстве предоставле-

ния медицинской помощи¹. Исследование показало, что во всех слоях населения преобладает идея равного и бесплатного обеспечения услуг здравоохранения, т.е. модели государственного здравоохранения, а практически любые факторы дифференциации доступа рассматриваются как несправедливые. Такое мнение преобладает и среди тех, кто по своему материальному статусу может себе позволить получение платных медицинских услуг и даже готов согласиться, что их платный характер обеспечивает более высокое качество. Оказалось, что «золотая мечта» лидеров потребительского рынка – наиболее обеспеченных граждан – это такая современная копия советской системы: пусть здравоохранение будет государственным, но и будет возможность легально доплачивать за «особое отношение». Эта такая реплика советской культуры потребления, необходимым элементом которой является дефицит. Дефицит порождается не только объективными обстоятельствами (невозможность балансирования спроса и предложения при отсутствии механизмов конкуренции и свободного ценообразования), но и вследствие необходимости внесения элементов дифференциации в потребительское поведение, которая необходима для удовлетворения потребностей в самоуважении и признании, поскольку в любом акте потребления, помимо собственно удовлетворения той или иной человеческой потребности (назовем ее физической/физиологической потребностью), реализуется еще и потребность в демонстрации и подтверждении своего социального статуса.

Соответственно, современные высокообеспеченные слои российского населения не готовы расстаться с унаследованной советской потребительской культурой государственной системы распределения и дефицита как способа статусного самоопределения, самоутверждения для избранных.

В сложившейся в России потребительской модели роль товарного дефицита стали выполнять денежные доходы, доступ к которым обеспечивается все по тем же унаследованным из советского прошлого каналам – «по знакомству», по сословному принципу, при консервации системы, в которой не существует общедоступных, социально признанных и очевидных для всех, легитимных каналов вертикальной мобильности, в конечном итоге законодательно закрепленных. Поэтому следует назвать сложившуюся в России потребительскую модель квазирыночной, т.е. рыночной по форме, но уравнилельно дефицитарной, распределительной по механизмам функционирования.

В сложившейся системе разрушительные последствия политики популизма, которую практикуют власти в последние годы, особенно велики, поскольку она как раз способствует закреплению унаследованных моделей уже в новой, квазирыночной форме, тем самым окончательно дискредитируя любые модели потребления, кроме государственно-распределительных. Как это уже произошло с представлениями о демократии, свободе слова, свободе выборов.

¹ См. Бондаренко Н., Красильникова М., Шишкин С. Представления населения о равенстве доступа к медицинскому обслуживанию// Вестник общественного мнения. 2007. №6. С. 36–44

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Сергей ПАШИН

Проблемы и перспективы судебной реформы в России*

Основные достижения судебной реформы.

Почти 20 лет тому назад Верховный Совет РСФСР постановлением от 24 октября 1991 г. одобрил концепцию судебной реформы с тем, чтобы судебная власть утвердилась в государственном механизме в качестве самостоятельной влиятельной силы, независимой при осуществлении правосудия от властей законодательной и исполнительной.

Особый упор в концепции 1991 г. делался на формировании самостоятельной судейской корпорации, призванной хранить и применять право в интересах людей и действующей без оглядки на пожелания корыстной бюрократии. Предполагалось создать плацдармы преобразований в институтах права и сознании практикующих юристов, в том числе: распространить судебную власть на правоотношения, которые в советское время либо вовсе отсутствовали, не признавались, либо подпадали под административное регулирование; ввести суд присяжных, судебный контроль за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу.

В постсоветской России, объявленной правовым государством, основанным на принципе разделения властей, были сделаны шаги по пути демократического преобразования судебной системы и даже передачи ей судебной власти. Речь идет не только об изменении законодательства, включая конституционные нормы, но и о значительном улучшении организационного, ресурсного обеспечения судебной деятельности.

К числу достижений судебной реформы следует, в частности, отнести:

— провозглашение на конституционном уровне верховенства и прямого действия международного права; ратификацию Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признание Россией юрисдикции Европейского Суда по правам человека (а юрисдикция комитета ООН по правам человека охватывает нашу страну как продолжателя СССР);

— создание Конституционного Суда Российской Федерации и системы арбитражных судов;

— значительное расширение круга дел, подведомственных суду;

— передачу пенитенциарной системы от органов внутренних дел в ведение Минюста России;

— введение суда с участием присяжных заседателей во всех субъектах Российской Федерации; признание за сторонами арбитражного процесса возможности по определенным спорам прибегнуть к коллегиальному разбирательству дела с участием арбитражных заседателей;

— вложение огромных средств в судебную систему, что позволило не только поднять размер заработной платы судей и персонала судов, но также развернуть капитальный ремонт и строительство судебных зданий.

Правительство Российской Федерации утвердило 20 ноября 2001 г. и 21 сентября 2006 г. Федеральные целевые программы развития судебной системы России, причем действие последней из них рассчитано до нынешнего 2011 г. Важно пробуждение политической воли президента Российской Федерации, который в распоряжении от 20 мая 2008 г. № 279-рп определил приоритетные направления подготовки предложений по совершенствованию

* Статья подготовлена с использованием системы «Консультант-Плюс».

законодательства о судебной системе. Однако нужно подчеркнуть, что в этих актах речь идет уже не о масштабной реформе, но лишь о «совершенствовании» существующего порядка, как если бы коренные преобразования успешно завершились.

Несомненным итогом преобразований стало создание нормативной основы независимости суда, а также действующей модели составительского правосудия в виде суда с участием присяжных заседателей. Надо подчеркнуть, что успехи очевиднее в сферах гражданского и арбитражного права, но преобразования не стали необратимыми в областях, оставленных на откуп наследникам советской карательной машины.

Противоречивые изменения. В последнее время появились важные нормативные акты, которые тем не менее на поверку демонстрируют противоречивость позиции властей относительно курса преобразований. Так, 22 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹, который вступил в действие с 1 июля 2010 г. Однако из перечня судебных актов, доступных для журналистов и интересующихся граждан, фактически изъяты постановления суда, принятые в порядке судебного контроля (в частности, принимаемые на открытых заседаниях постановления о заключении под стражу); приговоры публикуются без указания фамилий подсудимых, что затрудняет поиск информации. Под давлением Европейского Суда в нашей стране в мае 2010 г. были приняты и Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», и обширные поправки в Бюджетный, Налоговый, Уголовно-процессуальный, Арбитражный процессуальный, Гражданский процессуальный кодексы. Однако огромное разочарование людей вызвал тот факт, что компенсация за неисполнение судебных решений касается только взысканий по казенным обязательствам (а это очень небольшая доля от рассмотренных дел), но не по долгам перед обманутыми вкладчиками, например.

Своеобразная гуманизация затронула уголовное судопроизводство, но под ее покровом были втихомолку приняты акты совсем иной направленности. Так, после трагической гибели нескольких заключенных правительство России установило перечень болезней, носи-

тели которых не должны помещаться в СИЗО². Однако законодатель затруднил применение в соответствующем случае альтернативной меры пресечения в виде залога. Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ в редакции Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ: «...По уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее ста тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее пятисот тысяч рублей». Интересно, что поправка VIII к Конституции США не только не устанавливает минимальных размеров залога, но, напротив, запрещает требовать «чрезмерные залого».

27 июля 2010 г. ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» была дополнена пунктом 2.1. Согласно ему основаниями для включения организации или физического лица в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, являются постановления и другие акты следователя (например, задержание подозреваемого), но не приговор суда. Такое решение законодателя грубо противоречит требованиям презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ).

Узаконение медиации³ не коснулось деятельности посредников по уголовным делам, хотя соответствующие практики сложились в Москве, Перми, Нижнем Новгороде, Дзержинске и других городах России.

Проблемные области судебной реформы. Несмотря на принятые меры и очевидные достижения в сфере законодательного регулирования и обеспечения судебной деятельности, правосудие, как и в 1990-е гг., осталось ахиллесовой пятой российской государственности и бедой гражданского общества. Суды, к сожалению, по-прежнему – придаток «силовых структур». Эти узы были очевидны в советское время, их попытались ослабить в 1990-е гг., когда появилась на свет концепция судебной реформы, но они так и не были разорваны. Представители «правоохранительных» органов не только решающим образом влияют на назначение судей

¹ Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

² См.: Постановление правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

и продвижение их по карьерной лестнице, но и сами пополняют судейский корпус, сменив мундиры на мантии.

Самым очевидным следствием такой привязанности судов к силовым структурам выступает пресловутый обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве. Суды выработали при поддержке вышестоящих инстанций целый арсенал софизмов и прочих уловок, позволяющих спасти обвинение любой ценой. Вот цитата из приговора Хабаровского краевого суда от 25 июля 2008 г. по делу об организованном преступном сообществе по сбыту наркотиков: «Доводы стороны защиты об отсутствии доказательств принятия подсудимых в члены преступного сообщества, дачи ими клятвы верности преступной организации, сведений о посещении ими сходов сообщников не только не опровергают предъявленное им обвинение, а, напротив, подкрепляют его. Поскольку указанные обстоятельства свидетельствуют о конспиративности деятельности этой неформальной организации, члены которой всячески избегали документирования их преступной деятельности». Итак, участвовал в сходах и давал клятву — виновен, нет — тем более виновен. Верховный Суд Российской Федерации с приговором согласился.

Приговоры подчас просто копируются, включая грамматические ошибки, с обвинительных заключений¹. Это весьма распространенная противоправная технология.

За 19 лет судебной реформы доля оправдательных приговоров не вышла за пределы 1%; в 2009 г. оправдано 0,8% подсудимых². Каждый третий оправдательный приговор отменяется. По свидетельству первого заместителя председателя Верховного Суда РФ в отставке В. Радченко, уже после одобрения депутатами концепции судебной реформы 1991 г., за период с 1992 г. по 2007 г., было осуждено свыше 15 млн человек, из них более 5 млн — к лишению свободы; каждый четвертый взрослый мужчина судим³. Судьи дают санкции на заключение под стражу несколько чаще, чем это делали прокуроры до принятия нового УПК РФ 2001 г. (примерно 9/10 ходатайств следователей и дознавателей об аресте судьями удовлетворяется).

¹ Соковнин А. «Вы вообще читаете свои приговоры?» // Коммерсант. 2008. 12 февраля. .

² Рекордсменом по оправданиям оказался Южный федеральный округ — 1,06%, на последнем месте по данному показателю Сибирь — 0,68% (см.: Куликов В. Процент невиновных // Российская газета. 2010. 4 февраля).

³ Радченко В.И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. 2 сентября..

Интересно, что в последнее время количество обращений следователей за судейскими постановлениями о заключении под стражу обвиняемых (подозреваемых) сократилось, однако доля удовлетворенных ходатайств не изменилась.

Единство судов с силовыми структурами проступает на поверхности правового поля в самых неожиданных местах. В теории процесса (уголовного, гражданского, административного) провозглашено, что ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы; бремя доказывания лежит на стороне обвинения, и сторону защиты нельзя заставить обосновывать невиновность привлеченного к суду. В российской практике — по-другому. «Если в суд представлен только составленный протокол, — признается председатель Мосгорсуда Ольга Егорова, — то мы верим документу. Когда слово милиционера против слова водителя, мы верим милиционеру. ...Мы говорим: знаешь что, милый, если ты не виноват, то приходи сразу. Доказывай»⁴. Уполномоченный по правам человека В. Лукин вынужден был выступить с заявлением, в котором обрисовал ситуацию: есть судебные процедуры, которых «не коснулись общие преобразования, вызванные судебной реформой»; есть конституционные принципы правосудия, которые так и не затронули «менталитета значительных сегментов судейского корпуса»⁵.

Симбиоз судов с силовыми структурами дает любопытный побочный эффект: руководители первых перенимают методы вторых. Так, было официально подтверждено, что председатель арбитражного суда Костромской области «в октябре 2004 г. ... без соответствующего судебного решения установила в рабочих кабинетах судей [в подлинном документе приведены три фамилии пострадавших судей. — С.П.] скрытую видео- и звукозаписывающую аппаратуру, которая в течение года фиксировала все происходящее в этих кабинетах»⁶. Верховный Суд допускает в качестве доказательств по делам о дисциплинарных проступках судей записи телефонных переговоров, сделанные неустановленными лицами⁷. Таким образом, с точки зре-

⁴ Куликов В. Свобода по расчету // Российская газета. 2009. 26 августа.

⁵ Заявление уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2009. 21 октября.

⁶ Кассационное определение Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2006 г. № КА06-326 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2007. № 1(11).

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2006 г. № 71-Г06-11. Документ опубликован не был. Источник информации: Система «КонсультантПлюс».

ния требований к допустимости доказательств привлекаемым к дисциплинарной ответственности, например, за «странную мягкость ряда решений» судьям в гражданском процессе приходится хуже, нежели подсудимым, обвиняемым в убийстве и разбое по уголовным делам.

Смычка судов и «правоохранительных» органов оказывается главным фактором, не позволяющим сформироваться независимой судебной власти в России, несмотря на многократное увеличение количества подведомственных судов дел, значительное расширение юрисдикции судов. Необходимость делить судебную власть с представителями властей предержавших судьи компенсируют хлопотами о ведомственных интересах. Они определенно выдают собственное удобство при «отписывании» дел за непреходящую ценность. Независимый экспертно-правовой совет опросил в 2007–2009 г. 1402 судьи. По мнению респондентов, позитивное влияние на защиту прав человека оказали следующие нововведения: единоличное, без представителей народа, рассмотрение дел (85,9% респондентов); особый порядок судебного разбирательства, избавляющий от допроса свидетелей и настоящего исследования материалов дела (89,1%); возможность обойтись без оглашения описательно-мотивировочной части приговора (69,9%)¹. Комментарии излишни.

В декабре 2008 г. страна пережила трагедию: компетенция судов с участием присяжных была урезана. Как раз в это время, когда президент России еще не подписал одобренный парламентом закон, насущные вопросы судебной власти обсуждал VII Всероссийский съезд судей. В его принятом 4 декабря 2008 г. постановлении много ссылаются на Конституцию, говорится о чрезмерной загруженности судей, не забыты требования обеспечить судей жильем, а систему — дополнительными ассигнованиями, предлагается «значительное увеличение доплат за квалификационный класс»². Но нет в этом постановлении ни слова, пусть самого робкого, в защиту подлинно народного суда.

В области гражданского процесса самой глупейшей проблемой является неисполнение судебных решений (удается исполнить лишь око-

ло половины решений суда, и поставленная правительством задача довести этот показатель хотя бы до 80% сегодня не решена). Российское правосудие не обеспечивает эффективного восстановления в правах доверившихся ему людей и организаций. Специального разговора заслуживает нетерпимая ситуация по ряду категорий дел, вытекающих из гражданских и административных отношений, в частности: применение судами законодательства о выборах; рассмотрение исков должностных лиц к средствам массовой информации о защите чести и достоинства; состояние судебной защиты общественных объединений от чиновничьего произвола (в том числе при их регистрации, прекращении их деятельности, в налоговых спорах) и подрыва их деловой репутации.

В деятельности арбитражных судов беспокорство вызывают, с одной стороны, их сосредоточенность на подчас ложно понимаемых государственных интересах; с другой стороны, их коррумпированность, готовность оформлять своими решениями закулисные договоренности влиятельных лиц.

Квалифицированная юридическая помощь малодоступна российским гражданам, особенно неимущим. Так называемая «черная адвокатура» предает интересы доверителей в угоду органам уголовного преследования. Коррупция подпитывается деятельностью посредников во взяточничестве, с адвокатскими удостоверениями и без них, именуемых в юридической среде «почтальонами».

Изнанка судебной системы. Судебная система современной России управляется чуждыми интересам правосудия административно-командными методами. Нормы поведения и разрешения дел распространяются внутри судебной системы через неправовые источники: циркуляры, устные инструкции и «установки». Судейский корпус устроен по принципу вертикали, причем председатели судов соединяют в своих руках: рычаги воздействия на коллег и органы судейского сообщества; организационные и финансовые возможности; право распределения дел между судьями. Методы распределения благ среди судей во многом носят устаревший, социалистический характер, что еще более упрочивает зависимость судей от бюрократии. Конкурсный отбор кандидатов на судейские должности фиктивен, дисциплинарное преследование судей используется для удаления из системы свободомыслящих и независимых судей, особенно тех, кто позволяет себе обсуж-

¹ Аналитический обзор результатов Всероссийского мониторинга по проблемам судебной реформы в Российской Федерации. — М.: Р.Валент, 2009. С. 24–25.

² О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования: постановление VII Всероссийского съезда судей от 4 декабря 2008 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2009. № 1. С. 3–14.

ление председателей судов и заведенных ими порядков.

Квалификационные коллегии судей преследуют коллег за «необъяснимую мягкость» их приговоров и других решений; за отказ продлить срок содержания под стражей подозреваемым и обвиняемым — т.е. за справедливость и милосердие. Другой распространенный «проступок», влекущий суровое наказание, — это критика председателей судов. Квалификационные коллегии стремятся присвоить себе судебную власть, уклоняясь от соблюдения принципов правосудия. Так, 28 февраля 2008 г. Конституционный Суд РФ констатировал факты произвольного привлечения судей к дисциплинарной ответственности за вынесение решений, которые не были отменены вышестоящими судами, но почему-то объявлены квалификационными коллегиями незаконными, минуя надлежащий процессуальный порядок пересмотра судебных актов. Одновременно квалификационные коллегии судей, угождая председателям судов, прибегают к неправосудным методам собирания доказательств. Были, в том числе в столице, случаи незаконного вторжения органов судейского сообщества в частную жизнь судей, включая факты использования квалификационными коллегиями конфиденциальной медицинской информации. С благословения Верховного Суда Российской Федерации квалификационная коллегия в Калининграде обосновала решение о прекращении полномочий судьи Ш. ссылкой на «записи телефонных разговоров привлекаемого к ответственности судьи, сделанные неустановленным лицом».

Правовой нигилизм судей — членов квалификационных коллегий коренится не только в негативном опыте, накопленном за годы соискательства судейской мантии на скромном посту секретаря судебного заседания или оперуполномоченного, а затем — за время службы на должностях мирового и районного судьи, это не только результат профессиональной деформации («выгорания»). Высшее юридическое образование пока не перестроилось в духе доктрины естественного права и приоритета прав и свобод человека, оно продолжает транслировать неоинквизиционные догмы и навыки советских времен. Многие судьи получили высшее образование на вечерних и заочных отделениях вузов.

Силовые линии преобразований. Если отложить в сторону социально желательную риторику, которой в полной мере овладели судей-

ские начальники и их кураторы, то показателем истинных тенденций в развитии судебной системы может послужить, например, сравнение судьбы новых институтов российского процессуального права: суда присяжных и особого порядка судебного разбирательства. Первый чашет, второй — захватывает с каждым годом все большую долю дел.

Оценивая причины, приведшие судебную реформу к довольно неутешительным итогам, нужно выделить следующие силы, влияющие на ход преобразований.

Во-первых, основную роль, как представляется, играет современный политический режим. Установившая его элита готова улучшать ресурсное обеспечение судов и судей, величать их «судебной властью» при условии сохранения контроля за ключевыми решениями суда и возможности влиять на итоги судопроизводства.

Во-вторых, относительно самостоятельную роль играют силовые структуры, практикующие негласные методы работы, не чужающиеся пыток, фальсификации доказательств, запугивания свидетелей, имеющие собственные каналы влияния на судей.

В-третьих, судейское сообщество стремится оптимизировать свою «производственную» деятельность, отладить конвейер по отписыванию дел с максимальным удобством для себя и соответствующей скоростью.

В-четвертых, сказывается влияние международного сообщества и давление Европейского Суда по правам человека, который не только решениями по конкретным делам удовлетворяет запросы отдельных лиц, но и выносит «пилотные» решения, требуя от России устранить негативные судебные практики (например, волюнтаризм).

К сожалению, гражданское общество оказывает на ситуацию в судебной системе очень скромное влияние. Не исключено, впрочем, воздействие на систему правозащитных организаций через общественные советы, создаваемые при правоохранительных органах (в перспективе — и при судах), а также в результате инициатив клубов присяжных и подобных объединений.

Перспективы преобразований. Нельзя не отметить, что в России вот уже 20 лет реформа и контрреформа идут рука об руку. Высшими чиновниками судебной системы и руководителями исполнительной власти периодически овладевает искушение: объявить, что преобразования завершены, право восторжествовало,

судебная власть совпала с границами судебной системы.

Избегая затрагивать главный камень преткновения на пути судебной реформы, власти, полагаю, ограничатся полумерами.

Прежде всего, наступит время усложнения и дифференциации структур правоохраны и суда. Уже решен вопрос о создании Следственного комитета РФ, клонированного из СК при прокуратуре. Не исключено образование административных судов под крылом судов общей юрисдикции. В этих судах вскоре будет введена апелляция не только на уровне районных судов, но и выше. Однако расплачиваться за это придется, по меньшей мере, освобождением Верховного Суда РФ от рассмотрения промежуточных жалоб (иными словами, обвиняемый, взятый под стражу в областном и ему равном суде, утратит право жаловаться в Верховный Суд, в Москву). Не исключено, что будут поправки общие условия непосредственности и гласности процесса; вместо живых участников разбирательства суд станет общаться с «говорящими головами» на экранах мониторов.

Ожидается некоторая гуманизация положений УК РФ: декриминализация ряда деяний (в их числе – оскорбление, клевета, контрабанда); сведение к 2 месяцам лишения свободы нижних санкций нескольких десятков статей Особенной части УК (сразу же встанет вопрос о придании таким поправкам обратной силы и пропорциональном снижении наказаний осужденным, отбывающим наказание в колониях);

введение новых наказаний, альтернативных лишению свободы, – в частности, принудительных работ вне места жительства осужденного (аналог «химии» советских времен).

Вероятно, внеслужебная жизнь судей подвергнется мелочной регламентации, чему залог – проектируемый ныне Советом судей России Кодекс судейской этики. Ответственность судей будет ужесточена, что усилит их зависимость от начальства.

Самым тревожным симптомом выступает тенденция к созданию заслонов на пути обездоленных граждан в Страсбург, к правосудию Европейского Суда.

В этой связи актуальным представляется различие *реформации* и *деформации*. Не всякое преобразование можно считать реформой, т.е. возрождением или введением правового порядка.

Судебной системе, чтобы наделить ее судебной властью, необходимы энергичные преобразования извне. Их рецепт остается прежним: прозрачность системы, ее децентрализация; свежая кровь, т.е. замена кумовства и протекционизма при подборе кадров подлинно конкурсным отбором на судейские должности юристов, не связанных с силовыми структурами; качественное расширение участия народа в отправлении правосудия; изменение ведомственных показателей оценки деятельности судов и правоохранительных органов. Без этих шагов новые законы способны лишь припудрить застарелые язвы отечественного суда.

Борис ДУБИН

Дело ЮКОСа, общественное мнение, правовая культура россиян

По данным всероссийского опроса, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады в 2004 г., так называемое «дело ЮКОСа» вошло в десятку наиболее значительных событий предшествовавшего года – его отнесли к такому 20% опрошенных (8-е место по значимости). События, связанные с арестом, а затем судом и наказанием Михаила Ходорковского, ряда его сотрудников, с банкротством и фактическим уничтожением одной из наиболее успешных российских компаний 1990-х – начала 2000-х годов, а затем возбуждение против М. Ходорковского и П. Лебедева нового «дела» в 2009 г., стали знаковыми для экономического порядка и социально-политического режима, который был установлен в стране с приходом В.В. Путина на пост президента и закреплен на его втором президентском сроке. Собственно говоря, переход к этому второму сроку, новой фазе режима и оказался отмечен делом ЮКОСа (как до того вступление Путина в должность президента было предварено дагестанским конфликтом 1999 г. и второй чеченской войной, а преемственность между его президентством и премьерством обозначена августовской войной 2008 г. в Южной Осетии). Названное «дело» выступило одним из показателей продолжающегося по нынешний день кризиса российской власти – кризиса ее законности, эффективности и ответственности, ее осмысленной поддержки со стороны населения. Оно негативным образом повлияло на отношение к России в мировом общественном мнении¹.

¹ Об откликах российского социума на начальные фазы «дела» см.: Гудков Л., Дубин Б. Процесс. «Дело ЮКОСа» в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. 2005. № 4(78). С. 30–45. В дальнейшем данные опросов Левада-Центра об отношении россиян к делу ЮКОСа и судьбам его руководителей постоянно публиковались на сайте Центра, в ежегодниках «Общественное мнение» и др. См. также начальный краткий вариант настоящей статьи: Дубин Б. «Дело ЮКОСа» и общественное мнение России // gzt.ru, 8 декабря 2010 г. (<http://www.gzt.ru/opinion/column/-delo-yukosa-i-obschestvennoe-mnenie-rossii-/338332.html>). Этот материал лег затем в основу выступления автора на ежегодной конференции Левада-Центра в январе 2011 г.

Массовое отношение к судебному процессу 2004–2005 гг. В первые же месяцы после ареста руководителей и сотрудников компании точка зрения большинства населения страны на происходящее, можно сказать, сложилась. Она сводилась к следующему: суть «дела» для россиян состояла не в том, будто Ходорковский, Лебедев и другие нарушили закон, а в том, что определенные структуры во властных верхах решили их наказать, подорвать авторитет компании, нанести ей максимальный вред, скорее всего – довести до банкротства. Так, по данным июньского опроса 2004 г., половина россиян была уверена, что выступающими против ЮКОСа руководят исключительно корыстные мотивы. Практически столько же (48%) считали, что Ходорковский попал под суд, поскольку этого захотела власть. Поведение властей при этом расценивалось либо как чистый произвол, либо как видимость законности, за которой по существу скрывается то же «право сильного». Законными действия, предпринятые против Ходорковского и ЮКОСа, сочли в июле 2004 г. немногим более четверти россиян (27%), 32% затруднились с определенным ответом. Иными словами, группа оценивающих развязанную против ЮКОСа кампанию как произвол была на тогдшний момент в 1,5 раза больше той, которая видела в действиях власти законные меры, направленные на восстановление правопорядка.

При этом, вопреки давлению официальных инстанций и послушных им массмедиа, российское население по преимуществу не было настроено на уничтожение ЮКОСа, не испытывало к Ходорковскому, Лебедеву и другим ничего похожего на «классовую ненависть». Соответственно, преобладающая часть россиян, пусть с незначительным перевесом голосов (39 против 34% при 27% затруднившихся с ответом в июле 2004 г.), все же считала лучшим исходом на тот момент разумный финансовый компромисс и надеялась на освобождение М. Ходорковского.

Максимальное положительное отношение к Ходорковскому как бывшему главе ЮКОСа, более критичная оценка действий властей и вместе с тем более острое ожидание негативных последствий судебного процесса, всего «дела ЮКОСа» для страны и для отношения к ней в мире были характерны для нескольких групп населения:

- более молодых респондентов (особенно – самых молодых, до 24 лет),
- людей с высшим образованием, более высокими доходами и относительно высоким потребительским статусом,
- жителей крупнейших городов, и прежде всего Москвы.

Динамика оценок. Однако важно подчеркнуть, что никаких *собственных интересов и чувств* с делом ЮКОСа как конкретным делом со своим содержанием, участниками, их обстоятельствами, интересами и мотивами у большинства россиян связано не было. Добавим, что и ни малейшей пользы для себя от «национализации» богатейшей компании россияне не увидели.

Поэтому массовое отношение к событиям вокруг компании и ее руководителей постепенно банализировалось. Собственно правовая сторона дела не освещалась массмедиа сколько-нибудь внятно и систематично, те или иные авторитетные эксперты, влиятельные фигуры, ли-

деры общественного мнения не анализировали ее в публичном пространстве. Соответственно, доказательная база процесса, его нормативно-правовая обоснованность, процедурная корректность не интересовали население, которое к тому же мало разбиралось да и слабо хотело бы разобраться в этих аспектах происходившего. Иными словами, в форме оценок «дела», суда, обвинителей и обвиняемых здесь все больше начали выступать, с одной стороны, устойчивые, привычные для россиян стереотипы их отношения к успеху и богатству («олигархам»), с другой – к институтам социума, включая суд, и, наконец, к фигурам власти, с третьей.

Под противоречивым воздействием этих сил отношение большинства российского населения к судебному процессу и судьбам его фигурантов понемногу входило в привычные рамки подопечного сознания российских масс, для которого характерна установка на уравнительную справедливость и одобрение популистских действий власти, приоритет «государственных интересов» при всем недоверии зависимых от государства масс к этому же самому государству, стремление оправдать «право сильного», опять-таки при всей надежде на «разумный компромисс», а в еще большей степени – на то, что «все как-то обойдется» и т.п. Некоторый рост сочувствия к М. Ходорковскому в конце 2005 г., после вступления приговора в силу и снижения срока наказания до восьми лет, а за-

Таблица 1

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КОМУ ПОШЛИ НА ПОЛЬЗУ БАНКРОТСТВО И РАСПРОДАЖА ЮКОСА?* (в % от числа опрошенных)**

	2004 X	2004 XI	2007 X	2009 I	2009 III	2010 II
Всему населению	7	13	6	6	6	7
Группе бизнесменов, приближенных к власти, и самим чиновникам	69	67	53	59	66	63
Затруднились ответить	24	20	42	35	29	31

* В опросах 2004 г. вопрос задавался в формулировке «Как Вы думаете, кому пойдут на пользу...?»

** Здесь и далее N=1600

Таблица 2

СОЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ М. ХОДОРКОВСКОМУ? (в % от числа опрошенных)

	2004		2005			2006			2007		2008		2009			2011			
	IX	XII	V	IX	X	XII	I	III	V	XI	II	IV	IV	VII	I	III	VI	X	III
Определенно да	2	7	6	5	5	5	4	3	4	4	5	5	4	4	3	2	4	3	5
Скорее да	12	14	12	13	11	20	16	11	16	10	13	15	17	17	15	10	14	12	13
Скорее нет	35	30	27	33	25	33	28	32	34	30	30	28	32	28	30	29	29	28	28
Определенно нет	28	28	36	34	44	26	28	37	25	32	33	27	21	27	26	34	27	29	25
Затруднились ответить	23	22	20	15	15	16	24	17	21	24	19	26	27	25	26	25	26	28	29

тем в середине 2006 и 2007 гг. (в первый период его заключения) быстро спал. Напротив, установившаяся тогда конструкция преобладающего равнодушия и неопределенности сохранилась до последнего времени.

Рутинизация двусмысленности. Соответственно, важнейшим фактором, влиявшим на коллективные оценки «дела ЮКОСа» и судьбы руководителей компании, стало привычное двойственное отношение большинства россиян к власти при высоком одобрении воплощающего эту власть «первого лица», которое в таком качестве совпадает с ожиданиями большинства относительно российской власти, какой ее в символически идеализированном образе хочет видеть это самое большинство (суд над бывшими руководителями ЮКОСа — дело не только государственное, но и персонально «государство», и, как без объяснений, но вполне реально понимает и принимает большинство, приближаться к нему, уж не говоря о том, чтобы в него вмешиваться, попросту небезопасно). Кроме того, на массовых оценках не могло не сказаться и то, что альтернативных официальным источникам информации, более многосторонних критериев оценки, объективных подходов к пониманию ситуации со стороны независимых и авторитетных групп, «лидеров мнений» в сегодняшнем информационном пространстве России становилось все меньше (за исключением Интернета, но он по охвату аудитории и масштабу влияния равняется с телевидением, конечно, никак не может).

Характерно непроясненное отношение россиян к приговору, вынесенному судом по «первому» делу руководителей ЮКОСа. Значительная часть россиян явно уходила от необходимости однозначно ответить на вопрос, в какой мере суд и приговор был законным и справедливым. Треть опрошенных в декабре 2005 г. затруднилась дать на этот вопрос сколько-нибудь содержательный ответ. Большинство россиян чувствовали давление властей на суд, подгонку судебного приговора под заранее вынесенное «наверху» решение, однако то же самое большинство не умело и не захотело сопротивляться навязываемому властями приговору, общему обвинительному уклону этого процесса. Лишь 3% опрошенных в том же декабре 2005 г. твердо говорили о том, что приговор был «совершенно несправедливым», 29% считали его «вполне законным и справедливым». Остальные (а их более трети, 35% опрошенных, и это самая большая доля ответов) давали

уклончивые оценки, сводившиеся к тому, что, с одной стороны, признать приговор «справедливым» очень трудно, но, с другой стороны, какая-то «вина» за подсудимыми, скорее всего, есть. Отметим, что различия в мнениях опрошенных, принадлежащих разным социальным группам, в данном случае не слишком велики: это значит, что общее мнение при всей его неопределенности, двусмысленности установилось и возобладало. Наибольшие расхождения обнаруживаются лишь между двумя «полюсами» — предпринимателями, которые чаще считали суд и приговор несправедливыми, и пенсионерами, одобрительно встретившими государственные репрессии в отношении «олигархов».

Таблица 3
КАКАЯ ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЗБУЖДЕНИЯ СУДЕБНОГО ДЕЛА ПРОТИВ М. ХОДОРКОВСКОГО КАЖЕТСЯ ВАМ СЕЙЧАС НАИБОЛЕЕ ПРАВДОПОДОБНОЙ? (в % от числа опрошенных)

	2003 ноябрь	2004 август	2009 октябрь
Он нарушил закон	34	31	25
Власть хотела ограничить влияние М. Ходорковского в политике	20	25	14
Власть была недовольна действиями М. Ходорковского в нефтяной отрасли	14	23	16
Все вышеперечисленное	8	—*	8
Затруднились ответить	23	19	36

* Вариант ответа не задавался

Легко видеть, что за годы, проведенные М. Ходорковским и П. Лебедевым в заключении, среди россиян самым заметным образом выросла группа именно тех, кто затрудняется с определенными ответами по поводу «дела» бывших руководителей ЮКОСа. Так что к моменту второго суда над ними коллективный интерес россиян к судьбам М. Ходорковского и П. Лебедева, и без того, как отмечалось, не слишком выраженный, еще больше упал.

И дело тут, представляется, не в самих по себе фигурантах процесса, а в общем состоянии социальной массы в сегодняшней России. Две трети, а то и три четверти взрослого населения сейчас признают, что не могут повлиять на происходящее в стране и фактически не имеют никаких иных источников информации об этом, кроме полностью огосударствленных основных каналов телевидения.

Таблица 4

СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА НЫНЕШНИМ СУДЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ НАД М. ХОДОРКОВСКИМ И П. ЛЕБЕДЕВЫМ И ЕСЛИ ДА, КАКИЕ ЧУВСТВА ОН У ВАС ВЫЗЫВАЕТ? (в % от числа опрошенных)

Радость	1
Удовлетворение	4
Недоумение	5
Тревогу, беспокойство	3
Возмущение	3
Страх	0,5
Никаких особых чувств	15
Не слежу за этим процессом	64
Затруднились ответить	6

2009 г., октябрь

Треть россиян вообще не понимают, в чем теперь обвиняются бывшие руководители компании ЮКОС. Относительное большинство (около 30%) по-прежнему уверено в том, что за вновь возбужденным делом стоят прежде всего интересы тех, кто нажился на разорении компании. Но до половины опрошенных и даже несколько более вовсе не имеют мнения по этому поводу.

Как видим, мстительное озлобление против бывших «олигархов» среди россиян по-прежнему нисколько не преобладает. Значительная доля опрошенных осознает и признает, что судьбы подсудимых решают сегодня не судьи, а политические «верхи».

Таблица 6

ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ ДЛЯ РОССИИ В НЫНЕШНЕЙ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ: ЧТОБЫ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК М. ХОДОРКОВСКИЙ, НАХОДИЛИСЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ИЛИ ТРУДИЛИСЬ НА БЛАГО СТРАНЫ В БИЗНЕСЕ ИЛИ ПОЛИТИКЕ? (в % от числа опрошенных)

	2006 март	2008 октябрь	2009 январь	2009 март	2009 июль	2010 март
Находились в заключении	30	30	22	19	24	23
Трудились в бизнесе или политике	41	18	33	34	32	34
Затрудняюсь ответить	29	52	45	47	44	43

Таблица 8

СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ХОДОМ НОВОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД М. ХОДОРКОВСКИМ И П. ЛЕБЕДЕВЫМ? (в % от числа опрошенных)

	2010 май	2010 сентябрь	2010 ноябрь	2011 январь
Очень внимательно	2	2	2	1
Довольно внимательно	4	12	7	7
Без особого внимания	15	48	21	31
Совершенно не слежу	75	26	65	38
Затруднились ответить	4	11	5	5
Ничего не слышал об этом процессе	–	–	–	18

Таблица 5

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЧЬИХ ИНТЕРЕСОВ ВОЗБУЖДАЕТСЯ НОВОЕ ДЕЛО ПРОТИВ М. ХОДОРКОВСКОГО И П. ЛЕБЕДЕВА? (в % от числа опрошенных)

Чтобы защитить интересы российских граждан	5
Чтобы защитить интересы государства	15
Чтобы защитить интересы приближенных к власти лиц, нажившихся на разорении ЮКОСа	29
Затруднились ответить	51

2009 г., сентябрь

Таблица 7

ГДЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, РЕШАЕТСЯ СЕЙЧАС ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО И ПЛАТОНА ЛЕБЕДЕВА: В СУДЕ ИЛИ «В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ»? (в % от числа опрошенных)

	2009 июль	2010 сентябрь
В суде	24	19
В коридорах власти	34	42
Затрудняюсь ответить	42	39

И все же самую большую группу респондентов составляют сегодня те, кто не следит за новым процессом против Ходорковского и Лебедева и затрудняется ответить на принципиальные вопросы об их «деле».

При столь массовой неопределенности в ответах и оценках всего, что их напрямую не затрагивает, наибольшие затруднения у россиян вызывают вопросы о предполагаемом будущем бывших руководителей ЮКОСа, перспективах их освобождения и — в случае такого освобождения

дения – их гражданской судьбе, политическом влиянии и проч., т.е. вопросы, требующие хоть какой-то общей заинтересованности, правовых понятий, общегражданских представлений и действий. Такие обобщенные проблемы, затрагивающие всех, вызывают к решению (и требуют известной решительности), а ни того, ни другого у большинства россиян в нынешней ситуации нет. Можно сказать короче: в сегодняшней России нет *общества*, почему все чаще нет и *мнения*.

Таблица 9
УБЕЖДАЮТ ЛИ ВАС ДОВОДЫ ПРОКУРАТУРЫ В ВИНОВНОСТИ М. ХОДОРКОВСКОГО И П. ЛЕБЕДЕВА? (в % от числа опрошенных)

	2010 февраль	2010 сентябрь
Да	28	12
Нет	29	24
Затрудняюсь ответить	43	63

Таблица 10
ОКАЗЫВАЕТ ЛИ ВЛАСТЬ ДАВЛЕНИЕ НА СУДЕЙ В ДЕЛЕ М. ХОДОРКОВСКОГО И П. ЛЕБЕДЕВА С ЦЕЛЬЮ ВЫНЕСТИ ИМ НОВЫЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР? (в % от числа опрошенных)

	2009 март	2009 июнь	2009 октябрь	2010 март
Да	27	41	29	41
Нет	19	18	20	20
Затруднились ответить	54	42	51	39

Таблица 11
ЕСЛИ ДМИТРИЮ МЕДВЕДЕВУ БУДЕТ ПОДАНО ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО, ВЫ БЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЧТОБЫ ПРЕЗИДЕНТ УДОВЛЕТВОРИЛ ИЛИ ОТКЛОНИЛ ЕГО? (в % от числа опрошенных)

	2011 февраль
Я за то, чтобы Медведев удовлетворил такое прошение	25
Я за то, чтобы Медведев отклонил такое прошение	34
Затруднились ответить	41

Характерно, что, по оценкам почти двух пятых россиян (февраль-март 2010 г.), и гипотетическое осуждение подсудимых по «второму» делу ЮКОСа на новый срок, и столь же гипотетическое их досрочное освобождение не повлияло бы на нынешнее состояние общества в России. Еще две пятых в том же исследовании затруднились с ответом на этот главный вопрос.

В позитивных оценках нынешней роли Михаила Ходорковского и пожеланиях, чтобы он на свободе трудился на общее благо, сегодня по-прежнему заметно выделяются группы наиболее образованных и обеспеченных россиян, жители Москвы и крупнейших городов. Эти же группы, насколько можно судить, сильнее заботы в своей повседневной жизни произволом чиновной власти и сросшегося с ней крупного бизнеса – вероятно, они чаще, нежели жители сел и малых городов, с таким произволом сталкиваются. Но вместе с тем именно эти «продвинутые» по ресурсам и кругозору группы – свыше половины входящих в них образованных, обеспеченных и урбанизированных респондентов – чаще других не считали нужным в последние месяцы следить за тем, что происходило в зале Хамовнического районного суда города Москвы.

Неопределенность как социальное состояние. Однако со стороны большинства россиян в «деле ЮКОСа» не было не только, как уже говорилось в начале статьи, личного интереса, но и, что гораздо важнее, к нему не было общего – в смысле действительно объединяющего и в смысле достаточно обобщенного – отношения. Для последнего была бы необходима известная степень позитивной и реально практикуемой общности с другими людьми, их ориентациями, мотивами, ожиданиями – признание и сознание формального равенства граждан (а не привычного неравенства подданных), наличие разделяемых ценностей (а не уравнилельных привычек), осмысленной и конструктивной солидарности, взаимного доверия, чувства долга и, значит, понимания своей ответственности, признание авторитетности действующих в обществе институтов и т.п. Между тем, нынешний российский социум живет в состоянии крайней фрагментированности и раздробленности, взаимного недоверия и отчуждения, снижения заинтересованных контактов с кем бы то ни было, кроме самого узкого круга привычно «своих», причем, как правило, ближайших родственников – близких по крови, а не по выбору¹.

Фактически здесь нет основ для возникновения правосознания и работы права, а соответственно и для применения правовых категорий, поскольку не сложилось ни правовое сообщество, ни общий кодекс (признанный масштаб) универсалистских норм отношения и оценки себя и других. Напротив, оценки и отноше-

¹ См. об этом, в частности, статью: Дубин Б.В. Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. Том 13. № 1 (январь-февраль). С. 6–19.

ния для россиян в подавляющем большинстве случаев ситуативны и персонифицированы, а обобщенные принципы как раз и находятся (точнее, поддерживаются и сверху, и снизу!) в состоянии неопределенности или недоопределенности. Эта последняя характеристика, весьма значимая для жизнедеятельности отечественного социума, означает, что в нынешних российских условиях реально действуют не общие правила, неважно — писанные или устные, декларированные или принятые как данность, а (в статусе исключений) лишь «права лиц» — прежде всего, тех наверху, кому это положено по статусу, далее — тех, кто явочным порядком заявляет свои претензии на особое поведение (самозванство, блеф), и, наконец, всех тех, кто находится в пассивной позиции внизу, но надеется на благоволение первых и снисходительность вторых, опять-таки ссылаясь при этом на некий исключительный прецедент или какое-то особое «лицо» («Помните, вы мне уже один раз...» либо «Я от Ивана Ивановича» и т.п.)¹.

В качестве общего и «нормального» для всех по факту принимается именно такое состояние, фрагментированное и пассивно-выжидательное состояние. Напротив, источниками определенности действий, структурности взаимоотношений, нормативного контроля и т.п. выступают персонифицированные фигуры власти того или иного уровня, объема ресурсов, жесткости санкций. Они выступают своего рода символическими воплощениями или аллегориями особого порядка и полномочий, которых — фигур, порядка, полномочий — россияне предпочитают как раз избегать. Так в повседневной жизни наших соотечественников складывается неустойчивый, но тем не менее рекуррентно воспроизводимый баланс разных планов поведения и оценки — прежде всего, привычного и экстраординарного, баланс, который я сейчас аналитически реконструирую и описываю как состояние неопределенности.

Относительно всяких иных типов взаимодействия — или, по-другому, вне вполне прагматичных и расчетливых отношений с теми, кто может быть либо опасен, либо полезен, — обычный россиянин использует, с одной сто-

¹ Можно видеть в этом два плана привычной идентификации большинства россиян, их коллективного самопонимания и самопредставления — стигматический («маленький человек», «винтик», «кирпичик») и героический («особый человек», «особый путь»). Но и тот, и другой тип отношений предполагают дистанцированность от деятельного участия в общем и солидарности с любым реальным «Другим», — более того, перед нами стратегия последовательного исключения этого Другого (и вообще всего другого, т.е. потенции совершенствования, динамики, метаморфоз) именно как «другого», чуждого и чуждого.

роны, тактику дистанцирования («все они там хороши», «это их бандитские разборки», «чума на оба ваших дома»), а с другой — логику самооправдания. Эта последняя представляет собой следующее смысловое кольцо: где кончается мое, там начинается государственное (властное), я не могу на это влиять, поскольку это дело государства, а поскольку это дело государства, то я не имею не только возможности, но и прав на это влиять. Переворачивая знаменитый тезис короля-солнца, россиянин мог бы сказать, что «государство это не я».

Таким образом, было бы точнее говорить, что большинство россиян не просто не могут вынести суждение по тому или иному более общему поводу из-за недостаточной компетентности и тому подобных причин, но что они этого делать не хотят, оставляя власти возможность поступать так, как она поступает, но не желая об этом ничего знать, т.е. устраняя реальность, которая могла бы их обеспокоить, из ясной зоны сознания («мы ведь все равно не в силах ничего изменить»). Так, среди прочего, сформировалось в свое время отношение большинства российского населения ко второй чеченской войне, возможно, в ходе ее такое пассивно-отстраненное, но скрыто тревожное отношение и кристаллизовалось как массовое, — первая чеченская, по крайней мере, в ее начале воспринималась все же по-другому.

В других категориях здесь стоило бы говорить о нечистой совести, но при этом о стремлении снять с себя вину за происходящее: виноват не я — значит, я не виноват. Пассивно подчиняющееся обстоятельствам большинство россиян, «люди привычки», используют в подобной ситуации стратегию самоисключения, неприсутствия или алиби, стараясь стать как бы невидимыми. В этой же самой ситуации лица-носители силы и, соответственно, «права» (права сильного) предпочитают устранить из области видимого нежелательный источник беспокойства. Тогда допустимо видеть в деле ЮКОСа — своего рода нечистую совесть путинского режима, а Михаила Ходорковского считать тем, кем инициатор и во многом создатель этого режима мог бы стать, но не захотел. Стратегия действий (дистанцирование и самоисключение как вариант установки на особость и обособленность, воплощение того же комплекса экстраординарности, исключительности и исключенности из общего порядка) на обоих этих уровнях социума, вверху и внизу, одинакова; разнятся — соответственно различиям ресурсов — лишь тактики ее реализации.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

Анна КАЧКАЕВА

Лидеры России на телевизионном экране: феномен Путина и «ког» Медведева

Начало. 31 декабря 1999 г. Полдень. Страна готовится встретить новый 2000 г. Слова Ельцина «Я ухожу» стали финалом яркого телевизионного зрелища под названием «Россия 90-х». В то же время добровольная отставка Ельцина, вызвавшая прилив жалости к уходящему вождю, на глазах у миллионов смахнувшего скупую слезу и попросившего прощения, — блистательная кульминация другого спектакля, задуманного летом 1999 г. после прихода в правительство премьера Путина. Точнее пролога, с которого начался новый спектакль.

Поздний вечер 27 марта 2000-го. Путин в спортивной куртке стремительно проходит по коридору «Александр-хауса». Уже нет сомнений, что Путин избран вторым президентом России, хотя вокруг еще бушует прямой эфир, ньюсмейкеры нервно выясняют отношения с телеведущими. Однако на всем этом немыслимом через 10 лет плюрализме уже лежит отсвет путинского взгляда исподлобья и первого типичного лозунга — «Будем мочить в сортире». «Общих реверансов не будет», — сказал тогда новый президент России. И в ночь своей победы полетел в воющую Чечню.

Ночь 14 марта 2004 г. Три канала демонстрировали до трех ночи общение победителя с внимающей ему прессой. После прямой трансляции, по установившемуся уже ритуалу, встречу повторили в новостях, с утра разобрали на цитаты, а в репортажах назвали ночную пресс-конференцию дважды президента впечатляющей. Слова в превосходной степени — «оглушительная», «закономерная» — утверждали победу Путина в новостях на главных

каналах, в эфире которых корреспонденты в прямых включениях из Центризбиркома почти ликовали. В ночной победной эйфории Путин заледенел лишь однажды — ему явно не понравился вопрос журналиста ВВС о предвыборной кампании. Напомнив британцу русскую поговорку про «соломинку в чужом глазу», Владимир Путин, по сути, предпочел не отвечать.

Ночь 2 марта 2008-го. Они шли по брусчатке Красной площади с непокрытыми головами, под снегом и лучами софитов. Визуальная метафора — они энергично идут к цели и «навстречу будущему», а на самом деле — к эстраде. На сцене гремит концерт «Россия, вперед!» (кстати, это же название и у будущей программной статьи Дмитрия Медведева), и два главных человека страны — Путин и Медведев — под музыку популярной группы «Любэ» поднимаются к микрофонам. Минуты торжества нового властного тандема фиксируются на экране в эстетике клипа.

Между первой и четвертой картинкой — больше 10 лет. Даже из беглого описания этих знаковых кадров видно, как нащупывался образ «лидера нации» в 1999–2000 гг., как визуально и лексически фиксировалась формула «вертикали власти», «стабильности» и «суверенной демократии» в 2004–2005 гг.; как формировалась комбинация «двух звезд», сохраняющих преемственность «учителя и ученика» во властном тандеме 2008–2009 гг. В начале путинского правления один из главных кремлевских политтехнологов Глеб Павловский (глава Фонда эффективной политики) сформулировал главное отличие новой власти от старой, ельцинской. Она — новая власть — «очень четко понима-

ет разницу между реальностью и картинкой»¹. Именно в этот период российский политический класс окончательно вступил в «оформленное политико-журналистское поле»² в противовес реальной политике, когда можно говорить о переходе «демократии масс к демократии публик»³.

Вспоминая про события, мы чаще всего представляем не суть, не факт, не мысль, не набор сведений по поводу случившегося, мы вспоминаем образ события. В начале 2001 г., когда телевидение еще только вырабатывало формы телевизионного общения народа с Владимиром Путиным, программу назвали — «Разговор с президентом. Крупный план». Наспех смонтированное произведение, показанное в итоговой воскресной программе «Вести недели» на государственном канале РТР (сейчас — «Россия 1»), тогда запечатлело первые лыжные заезды президента перед камерой и нарезку кадров из пяти байкальских вечеров Путина, проведенных в беседах с ведущими учеными страны. Ученые, волнуясь, докладывали президенту о состоянии «отрасли». Но уже к концу 2001-го страну ошеломили масштабностью и технологическим совершенством принципиально нового формата многочасового сеанса связи президента со страной. «Прямая линия с президентом» стала ежегодной. Третий российский президент этот телевизионный формат не унаследовал. Спустя семь лет «Прямая линия с президентом» перетекла в премьерский формат. Он опять стал называться просто — «Разговор с В.В. Путиным. Продолжение». Школьники советских времен сразу же вспомнили программное стихотворение В. Маяковского 1929 г. «Разговор с товарищем Лениным».

«Разговор» 2009 г. выстроен уже совершенно по иным законам: многочасовой прямой эфир, полукруг амфитеатра Гостиного Двора, плавающая камера, демиург в центре. Ритуальность действия отсылает к античному театру. Совпадают не только цели (сообщить зрителям возвышенное настроение, отвлечь от грустных будней), но и методы. Эллины, приходившие на пьесу Еврипида, хорошо знали миф, по которому разыгрывалось представление. Зрители России тоже стали понимать, что для конкретного дозвонившегося, отобранного по драматургии сюжетной линии, может случиться «чудо». Вдо-

ва, офицер, пенсионерка, ребенок, крестьянка, молодая семья могут быть осчастливлены. Пенсией, елкой на площади, квартирой, нарядным платьем, газом, гражданством и прочими благами. Метафизика сначала «Прямой линии», а теперь и «Разговора» очевидна — он запечатлевает в сознании зрителей образ чудотворца. Стержнем магического восприятия власти и ее верховного носителя становится убеждение поданных, что все в стране зависит от первого лица государства, от сверхчеловека, который наделен колоссальной властью⁴ и в котором воплотилось «напряжение коллективной надежды»⁵.

Смысл происходящего далеко не всегда исчерпывается тем, что мы видим в кадре. Пространство за кадром принадлежит смысловой неопределенности экранного произведения. Значение кадра складывается из отношения того, что мы в данный момент видим на экране, к тому, что, по нашему мнению, осталось за его рамками. Прибегнув к аналогии с алгеброй, можно сказать: формула художественного смысла в кино и на телевидении представляет собой систему уравнений с несколькими неизвестными. Одним из таких неизвестных будет пространство за кадром⁶. Это пространство, как и «образ события», важно декодировать.

Постсоветская политическая культура и не во всем удачные реформы 90-х привели к власти Путина с его авторитарной программой, и телевидение в этой трансформации и легитимации нового политического порядка сыграло важнейшую роль.

Путин — «медиагерой» вертикали. Беспрецедентно грязная кампания в Думу 1999 г. была составной частью нового зрелища нового политического цикла, его финалом — досрочные президентские выборы. По сути дела, в декабре 1999 г. страна уже выбрала президента. Раскрутка «бесцветного политика» стала началом масштабного превращения второго президента России в «медиатизированного» политика, в носителя мифологического образа, который, в конце концов, станет стержнем идеологии «эпохи Путина». Образ нового президента будет помогать воспроизводить «советский миф». «Сильный национальный лидер» — «великая держава» — «патерналистское государство с ши-

¹ Цит. по: Тарошина С. Когда выпадет снег // <http://www.gazeta.ru/kolonka.shtml>

² Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра. М., 1997. С. 154–155.

³ Москвичи С. Век толп. М., 1998. С. 238.

⁴ Юнг К.Г. Диагностика диктаторов // Одайник В. Психология политики. М., 1996. С. 346.

⁵ Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. М., 2001. С. 384–385.

⁶ См. подробнее: Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин, 1994.

рочайшими полномочиями» — «порядок» для укрепления безопасности, ущемление свобод во имя «стабильности».

В середине июля 1999 г. в СМИ разразилась «информационная война», привычная для эпохи Ельцина. Она знаменовала начало новых времен политического противостояния. В сценарии той предвыборной кампании уже не было идеологической битвы «красных» и «белых», «коммунистов» и «демократов» — в политических верхах шла драка не только за финансовые трофеи, которые дает и защищает власть, но и за саму власть.

Внешне «две партии войны» были представлены двумя телеканалами: Б. Березовский (контролировал ОРТ, главный телеканал страны) против В. Гусинского (главный инструмент — телеканал НТВ). Кремль против «Газпрома», «Медиа-Моста» и столичного мэра Лужкова. ОРТ против НТВ. В июне 1999-го еще отсутствовал единый кандидат на Кремль, который устраивал бы всю политическую элиту. К началу июля в головах кремлевских технологов стал прорисовываться образ будущего наследника и схема будущей кампании¹.

Ставка на «новые имена» была беспроигрышной. После выборов 1996 г. Россия постоянно ждала своего героя. Причем на фоне всеобщей нелюбви, стыда и жалости к стареющему и нездоровому президенту страна жаждала найти молодого, уверенного, сильного хозяина².

В такой ситуации легко рождаются иллюзии. В ситуации нестабильности, каждое новое лицо власти — Лебедь, Немцов, Примаков,

Степашин — вызывали прилив симпатий и новые надежды. Новому персонажу готовы отдать свои голоса 15–20% разочарованных и одновременно влюбчивых граждан. Жизненный цикл популярности таких политических персонажей в России 90-х — примерно год. Технология «дискредитации» старого порядка («лихие 90-е») и новых противников (либералы/ демократы/ внешний враг), «административный ресурс», а также телевидение как главный канал по продвижению, для Владимира Путина и его окружения окажутся беспроигрышными.

В 1999 г. «новые имена», ограниченное время и проигравшие противники — факторы, которые учитывались и планировались. Но только их было недостаточно. Желательно, чтобы весь спектакль по раскрутке «новых персонажей» разворачивался на неординарном, стремительно меняющемся, даже кризисном социально-политическом фоне, где герои или герой могли бы проявить свою эффективность и действенность. Взрывы домов, начало чеченской операции кардинально изменили общественные настроения, произошла милитаризация массового сознания. Осенью 1999 г. грянули коррупционные скандалы³ с отмыванием денег, в которых были замешаны многие персонажи политической верхушки. Попадание этих событий в необходимый драматургический контекст сделало появление «героя» необратимым.

Любая кампания в СМИ развивается по законам драматического зрелища. В нем есть главный герой (протагонист) и злодей (антагонист), есть критические обстоятельства и осложнения, которые герой постоянно преодолевает. Так действие развивается. Наконец, есть финал — планируемый или непредсказуемый. Каждая предвыборная кампания — не что иное, как зрелище, спектакль. Рассмотрим, как тот — самый первый для Путина спектакль — ставили на телевидении.

¹ Тогда одним из конвенных доказательств было заявление Бориса Березовского. Весной 1999 г. было точно известно, что этот политический игрок ни в коем случае не станет поддерживать Лужкова с Примаковым. Еще в мае Березовский говорил о поддержке Александра Лебеда, а уже в двадцатых числах июня заявил, что не собирается поддерживать никого. Правда, тут же добавил, что в российской политике должны появиться новые имена. Через месяц премьером был назначен никому не известный «преемник». Спустя 10 лет дочь уже покойного президента Ельцина Татьяна Юмашева расскажет в своем блоге, как и из кого ее отец выбирал Путина.

² К 1999 г. все большее число россиян отвергало нестабильность начала 90-х вместе с некоторыми, хотя и не со всеми (число сторонников свободного выезда за границу неизменно превышало число противников), принесенными этими годами возможностями. Все большее количество людей были готовы удовольствоваться небольшим, но твердым заработком и уверенностью в завтрашнем дне, т.е. тем, что они имели в советское время. Одновременно падал и без того низкий рейтинг политических прав и свобод, дойдя в 1999 г. до 2%. В числе нововведений, пришедших с реформами, наиболее непопулярной была многопартийность. К 1999-му 50% опрошенных россиян считали, что она причинила больше вреда, чем принесла пользы. См. об этом подробнее: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993–2000. М., 2000. С. 440 и след.

³ Скандал вокруг «Мабетекс» разразился в январе 1999 г., когда по просьбе российской стороны швейцарский прокурор Карла дель Понте провела обыски в представительствах этой швейцарской фирмы. В частности, там были обнаружены кредитные карточки, выписанные на имена дочерей российского президента. Самые высокопоставленные российские чиновники во главе с Павлом Бородиным стали подозреваться в получении от компании «Мабетекс» огромных взяток в обмен на получение заказов на проведение ремонтных и восстановительных работ в государственных зданиях в Москве, включая Кремль. Но после «скандальной пленки развлечений с девушками человека, похожего на генпрокурора», показанной по государственному РТР, Юрий Скуратов, деятельность которого по расследованию этих дел поддерживалась Евгением Примаковым и мэром Москвы Юрием Лужковым, был отстранен от должности. Сам Скуратов позже заявлял, что именно глава ФСБ Владимир Путин тормозил расследование дел «семьи».

Для начала публика должна понять, кто главный герой. Для этого он всегда на экране. Председатель правительства — «нюсмейкер» по определению. За последние два месяца перед выборами 1999 г. из всех политических программ окончательно исчезла жизнь страны. Не было нормальных репортажей, если не считать репортажей из Чечни — да и то, как правило, с одной стороны. Из якобы аналитических программ исчезли даже эксперты. Ведущие превратились в бойцов и были сами себе аналитиками, социологами, политологами. Практически все информационные выпуски тех осенних месяцев начинались с того, что «герой» заявил, где и с кем встретился, куда отправился, как прокомментировал чье-то заявление, кого осудил, поздравил, поддержал. То же самое — и про политический блок «Единство», предка «Единой России». Три-четыре сюжета ежедневно, в каждом выпуске новостей первого и второго телеканалов так или иначе касались Путина и «Единства». Неважно, что беженцами всю жизнь занималась специальная миграционная служба, а не МЧС. Неважно, что министру Шойгу никто не давал полномочий на переговоры с президентом Чечни Масхадовым. Это все мелочи, на которые зритель не обращает внимания.

Главное, чтобы герой был органично вписан в ситуацию. Зритель навсегда запоминает крупные планы, которые телевидение будет тиражировать два месяца подряд: премьер в шлеме летчика, пилотирующего истребитель, премьер в пилотке морского офицера, министр, окруженный стариками, женщинами, детьми. «Образ» застревает в сознании лучше, чем слова. «Когда мы убираем картинку... из нашего сознания, мы начинаем мыслить», — заметил философ Мераб Мамардашвили. Можно сказать и наоборот — когда в наше сознание вставляют картинки, мы перестаем мыслить.

Образ государственника — современного, серьезного, мужественного, в меру жесткого патриота — интенсивно лепили всю осень, вплоть до начала ноября. Помимо появления в информационных выпусках Путин с завидным постоянством разъяснял суть государственной политики в эфире политических воскресных программ ОРТ и РТР. Двадцатиминутные интервью Путин давал попеременно то Доренко (ОРТ), то Сванидзе (РТР): 5 сентября 1999 г. — Доренко, 19 сентября — Сванидзе, 10 и 17 октября — Сванидзе, 31 октября — Доренко.

Кстати, до этого времени государственное ТВ не показывало варварские съемки, сделанные чеченскими боевиками: расстрелы и отре-

занные головы. Устрашающие кадры показали 19 сентября 1999 г. в эфире «Зеркала» (воскресенье, 20.00). Первый крупный план — тесак, занесенный над шеей солдата. Дальше — темный экран, за кадром — булькающий звук и предсмертные хрипы. Последний план — отрезанная голова. Съемка датирована 1996 г. По сути, зрителям впервые продемонстрировали агитационный ролик для тех, кто должен сражаться с террористами, для тех «пацанов, которые зубами вырвут у врага победу». Именно такими словами закончился этот жутковатый материал. Вслед за ним в программе «Зеркало» появился Владимир Путин, в белоснежной рубашке, пиджак — на спинке стула. Перед премьером лежали карта, указка, документы. Как перед полководцем накануне решающего сражения. Он объяснял, как будут действовать на Кавказе.

Вплоть до октября 1999 г. Путин — положительный герой всех без исключения политических программ. Его не касается «грязь», которая начинает выплескиваться в эфир со всех сторон. Путин осваивается в публичном пространстве, начинает импровизировать. В начале октября в политический обиход входит «сортирная» лексика. Один из имиджмейкеров Путина того периода убедил автора этой статьи в том, что фраза «мочить в сортире» принадлежит лично премьеру. Эти слова сделали образ премьера более народным. Рейтинг Путина значительно подрос, о чем не уставали напоминать с экрана. 10 октября «образ» премьера лепили в «деловых декорациях». В мизансцене «Воскресное чаепитие после важного совещания» участвовали Путин, И. Сергеев¹, Геращенко² и ведущий «Зеркала» Сванидзе. Сцена продумана до мелочей. Главный герой, конечно же, Путин. Но его эффектно оттеняют финансист и силовик. Рядом команда. Герой не одинок.

К началу ноября в государственных политических программах появляются принципиально новые персонажи, новые образы и мотивы. Воюющий генерал Шаманов в камуфляжной форме, по сути дела, публично присягает новому символу страны, за которым пойдет не только армия, но и общество. «Всем надоело, что Россия унижена, — чеканит генерал в студии “Зеркала” 7 ноября. — Мы пойдем за Путиным. И наступит завтра». Куда пойдем, какое завтра? Об этом Сванидзе генерала не спрашивает. Через час после эфира на РТР в программе Сергея Доренко на ОРТ вдруг показывают репортаж из Пакистана, где к власти пришли военные.

¹ Тогда и.о. министра обороны.

² В 1999 г. — глава Центробанка.

Причем корреспондент за кадром рассказывает, что переворот военных одобрило все население, переворот обошелся без крови и никто не был убит. Пакистанский эксклюзив — намеренно или нет, не важно — поддерживал ассоциативный ряд: если к власти приходят силовики, то это не страшно.

По мере того как рос рейтинг преемника, пространственных телевизионных интервью от Путина уже не требовалось. Нужны были «яркие мазки» и демонстрация деятельной вездесущности — облеты страны, поездка к соседям, смотрины ВПК, наезды в Чечню. С героем должны ассоциироваться понятия «действие», «движение», «энергия». Та же тактика использовалась и при «раскрутке» «Единства». С начала ноября министр по чрезвычайным ситуациям Шойгу — новый герой политических и информационных программ. Причем Шойгу в буквальном смысле раздваивался. До 18 часов Шойгу занимался исключительно взрывами, катастрофами и беженцами, а после 18 — только агитацией в пользу блока «Единство». Образ деятельного борца с несчастьями лепится просто, без излишеств. Шойгу — тоже вездесущ, мобилен, организован, немногословен. О нем, как и о Путине, рассказывают, употребляя только глаголы действия. Осмотрел, прилетел, решил, отправил. Дальше смысловой ряд дополняется легко: работает школа, открывается баня, налаживается жизнь. Эти хорошие дела ассоциируются исключительно с энергичным министром.

У каждой «воюющей» группировки в 1999 г. во время выборов в Думу, разумеется, были свои антигерои. Но «антигерои» из партии власти в основном не обладали политическим лицом, их трудно показывать, они за кулисами. Поэтому примаковско-лужковский блок боролся с коллективным антигероем — президентской администрацией — и в меньшей степени с детищем Кремля — блоком «Единство». Коллективный антигерой «кремлевского» предвыборного спектакля — блок «Отечество — вся Россия». Антагонисты героя Путина — Лужков и Примаков. «Отечество» хочет стать партией власти и этого нельзя допустить, считают в Кремле. «Единство» должно стать «партией нового президента» — и этого нужно добиться. Таковы главные сюжетные линии предвыборного спектакля конца XX века в России.

«Черный пиар» в отношении Лужкова и «Отечества» зрители и некоторые журналисты тогда трактовали как «борьбу за правду» или как «личное хамство» Сергея Доренко, работающего по заказу Березовского. И без всякой связи

с Кремлем. Это уже под занавес предвыборной вакханалии «всплывут» записи переговоров между Березовским, Невзоровым и Доренко. Все трое не без удовольствия признаются, с каким воодушевлением они разрабатывали сценарий телевизионной кампании.

В одном из интервью самый одаренный «делатель» антигероев Сергей Доренко признался: «Мне нравится Лужков. По моей оценке, он жуликоватый и очень непосредственный человек. Он лучше своего окружения. Думаю, что он давно уже ширма для братьев и братков. И думаю, он об этом знает. И он огорчен. Он несчастный человек. И одинокий человек. Быстро стареющий человек. Он очень хочет, чтобы его искренне любили. Хотя бы избиратели. Это если говорить о реальной личности. Виртуальная же личность Лужкова — это персонаж моих шоу. Он мне тоже нравится. Это Лужков такой, каким он себя представляет публике»¹.

Признание, которое лишний раз убеждает — политические режиссеры с «драйвом» (выражение Березовского) «рисовали карикатуры» (выражение Павловского) и разыгрывали сенсационное зрелище. Доренко, безусловно, сделал свое дело: умерил политические амбиции Лужкова и развеял миф о нем как о всемогущем отце сытого и процветающего города. Все следующие 10 лет после тех разоблачений Кремль предпочитал многочисленные московские безобразия использовать как политическую карту² и не предпринимать никаких действий.

«Антигерои» спектакля — не отъявленные злодеи, но персонажи колоритные. У Примакова и Лужкова за плечами жизнь, богатая разными событиями, которые можно интерпретировать как угодно, в том числе в карикатурном жанре. В этом смысле оба «антигероя» сделали режиссерам шоу подарок. После каждого информационного удара эти «царственные политические особы» вступали в перепалку с простыми работниками политической сцены, чем серьезно подрывали свой авторитет.

В кампании по продвижению Путина во власть на экран выплеснулась причудливая смесь съемок спецслужб, яростных комментариев, грубого монтажа, вранья, хамства, оскор-

¹ Доренко С. Лена Батурина разогналась и прыгнула на Лужкова // Огонек. 1999. № 52. Режим доступа — <http://www.ogoniok.com/archive/1999/4624/37-40-41/>

² Только в 2010 г. — в канун нового политического цикла — с Лужковым расстались, хотя комбинация с отставкой московского мэра публично выглядела странной и не совсем продуманной. Символом борьбы с коррупцией один из лидеров правящей партии так и не стал, а грубое шельмование стареющего тяжеловеса вызвало к уходящему Лужкову сочувствие даже у его постоянных оппонентов.

блений и непристойностей. Пропагандисты за просто обвиняли политических противников в воровстве, шантаже, убийствах, антиправительственном заговоре. Каждая история про «антигеров» была маленькой сенсацией, в которой, следуя заповеди одного из первых магнатов желтой прессы Херста, всегда содержались элементы примитивной человеческой природы — самосохранение, любовь и размножение, тщеславие. Пропагандисты рассказывали именно о том, что больше всего любит обыватель. О родственниках «сильных мира сего» — настоящих и мнимых. Об их «семьях» — в буквальном и в «сицилийском» (мафия) понимании этого слова. Об их собственности и о состояниях. Об альковных утехах. О жеребцах, домах, болезнях, карьерах, человеческих слабостях. Такова сенсация — бойкая, смешная, часто — наглая, облитая пикантным соусом, когда шоумены добиваются внимания публики при помощи преувеличения, потакания страстям и предрассудкам публики.

Самый яркий пример — сопоставление немого и болезненного Примакова с энергичным и молодежьим Путиным. Сопоставление не любовное, но запоминающееся. Обоих почти всегда показывают в движении. Примаков в кадре материалов ОРТ и РТР, как правило, медленно и с трудом передвигается, Путин — стремителен, даже порывист. В кадр уже тогда редко попадают охранники и обслуга премьера. Мы не видим, как Путин выходит из машины, зато видим, как легко он вскакивает на ступеньки, сбегает по трапу. Визуально вокруг Путина все время создается движения, вернее именно оно попадает в кадр: даже если он стоит, то вокруг него все время что-то происходит — жестикулируют люди, толпятся журналисты. Примакова чаще показывали то сидящим (в президиумах, на встречах с избирателями), то стоящим на трибуне. Визуально, да и психологически, стол или трибуна делят кадр пополам, воздвигая барьер между персонажем и публикой. Кадр статичен, в нем нет внутреннего движения. Остается ощущение, что герой не вместе с людьми, он над ними. Картинка подкрепляется словами: мудрость превращается в консерватизм и ретроградство, политический опыт в приспособленчество. В результате рождается сопоставление на смысловом уровне: Примаков — стар, Путин — молод. Примаков — по-стариковски рассудителен, Путин — «мочит» с плеча. За Примаковым — наследие прошлого, у Путина — все впереди.

Игра со словом и смыслом — в российской словесной традиции сведения счетов. Один из

самых куражистых монологов Доренко был построен на обыгрывании нелепой фразы «член семьи его жены». Дальше выстраивается смысловой и образный ряд: «человек, который отвечает только за свою жену, — пенсионер», «человек, который обсуждает жену, не мужчина», «такого мужчину в пору нарядить в женское платье». Кстати, Керенский, бежавший от большевиков, которого Доренко упоминал в этой связи, никогда в женское платье не переодевался. Это тоже старинный пропагандистский миф. Но для Доренко это несущественно. Он — творец современных мифов и зрелищ. История должна быть с продолжением и заканчиваться на самом интересном месте. Вот примеры: «поиски земли столичного мэра за границей», «сериал о тазобедренном суставе Примакова», «история мэрского жеребца», «история убийства американского бизнесмена». Но «антигерой» еще должен вызывать устойчивые ассоциации. «Юбилейный портрет “антигероя”» Примакова исполнен в программе П. Шеремета¹ в жанре библейского «жития». Юбиляру припомнили все: и родители-то его неизвестно кто, и профессия у него сомнительная. К тому же Примаков — удачливый современник всех политиков и начинающий журналист еще во времена Сталина. Вроде и нет ничего особенного в этом телепортрете, сдобренном цитатами из Примакова советского периода и хроникой тех времен. Но контекст, музыка, умело смонтированный видеоряд и соответствующий текст рождают образ. В данном случае неприятный образ старого беспринципного приспособленца. Человек смотрит на экран и не отдает себе отчета в том, почему ему неприятно. Но цель достигнута. Если из недели в неделю говорить, что политик — стар, немощен и несимпатичен, то он в итоге перестанет вызывать симпатии большинства. Это, в том числе и по объективным причинам, случилось с Ельциным. Такого же эффекта «отторжения» добивались в случае с Примаковым.

В «кровавом триллере о тазобедренном суставе Примакова» — пример классического способа подмены понятий: вторая операция, якобы предстоящая бывшему премьеру, из гипотетической превратилась в реальную. Логика простая: если один сустав заменили, значит, и второй придется менять. Доренко всерьез рассуждает о времени проведения хирургического вмешательства, а в финале делает вывод: «только став

¹ Журналист Павел Шеремет позже будет публично раскаиваться в том, что принимал участие в этой «информационной войне» и в результате уйдет с государственного телевидения на «вольные хлеба».

президентом, Примаков сможет спокойно лечиться следующие четыре года». Зритель, уже не раз испытывавший стыд за «загогулины» и «болезни» одного президента, вполне разумно решит: другой больной старик не нужен.

Еще один работающий набор ассоциаций: сравнение политического противника с самыми «темными» силами — коммунистами, фашистами, сектантами. В кампании 1999 г. повторялись следующие главные положения сюжетной линии противостояния «власти и антивласти». «Семья» Лужкова — это мафиозная семья. «Кремлевская семья» — это безответственная «камарилья». «Все, что делает Лужков для Москвы, — это показуха», «Примаков и Лужков “засвечены” в связях с Западом». «Путин — символ безопасности и порядка», «Путин — единственный реальный преемник Ельцина».

Детали, которые дополняют, уточняют, поддерживают масштабное телевизионное действие, иногда почти незаметны. Например, в репортаже из одного российского города совсем не на тему выборов в кадре, в качестве перебивки, постоянно мелькает тумба для афиш. Вся она обклеена плакатами «трех лидеров “Единства”» («Новости», ОРТ). Или — тема падения рейтингов Лужкова интерпретируется в соответствии с сезоном. Неумолимость падения столичного мэра эмоционально поддерживает видеоряд. Серый асфальт, смурное небо, опавшая листва. Так рождается телевизионное полотно под названием: «Лужков, уже падают листья!» (субботняя программа «Время», ОРТ).

Роль войны в формировании «образа» Путина — тема специального и отдельного разговора. Так же как и показ этой второй чеченской войны по телевидению, для которого официальная пропаганда обосновывала теорию «правды фактов и правды истины». По этой теории, «война» — это не война, поскольку она не объявлена, а всего лишь операция, «зачистка». Тысячи беженцев — не беженцы, а временно перемещенные. Показ трагедии народа — «информационная война против России». Для иллюстрации — всего лишь один пример. 12 декабря, 20.00, программа «Зеркало». Репортаж из Чечни. Корреспондент обращает внимание на дом из красного кирпича, который военные демонстрируют журналистам. Репортер, кстати, замечает, что таких дворцов, построенных на фоне убожества и нищеты, хватает и в Подмоскovie. В кадр попадает старик с белым флагом и по ходу дела выясняется, что дом принадлежит спортсмену — чеченцу, который выступает за сборную России по каратэ. Военные

несколько смущены. Через час, уже на Первом канале (ОРТ), в программе Доренко — тоже репортаж из Чечни. Показывают того же старика и тот же дом. Те же арки, окна и железные ворота, которые, так же как и в репортаже российского телевидения, пытаются открыть военные. В кадре рядом с домом тот же генерал Шаманов. Шаманов, показывая на особняк, возмущается: «Вот она — боль и слезы России. Здесь пенсии, не выплаченные старикам Чечни, здесь деньги, не доставшиеся детям». Какому же из репортажей верить? По-видимому, тому, который больше нравится. В зависимости от отношения к войне, Чечне и чеченцам.

«Ударим рейтингом по конкурентам. Тот самый Путинг» — такие издевательские заголовки появлялись в газетах того времени, обсуждающих ангажированность всяческих опросов. Сами по себе опросы не могут быть, разумеется, средством пропаганды. Но чрезмерное включение опросов в предвыборный сценарий и соответствующая интерпретация результатов — дополнительный механизм раскрутки. Осенние опросы 1999 г., показавшие, как после начала чеченской операции рванул вверх рейтинг Путина, позволили развязать в прессе кампании под лозунгом: «Путин — надежда нации». Комментарии результатов опросов на главных каналах ОРТ и РТР, поддерживающих Путина, с октября по декабрь 1999-го, с незначительными вариациями сводились к следующему: Путин — лучший, главный, первый; Лужков — худший, мелкий, суетливый, обидчивый. Все остальные персонажи, вроде бы участвовавшие в гонке, не удостоивались почти никаких комментариев. Евгений Киселев (НТВ) в начале ноября отказался от демонстрации результатов опросов, чтобы, как он сказал, не вводить людей в заблуждение. Но если бы результаты укладывались в сценарий антикремлевской группы, то, предполагаю, ими бы все-таки воспользовались.

С начала ноября в программах Доренко и Сванидзе стали обнародовать рейтинг ожидания нового президента. Это лишний раз подтверждало: выборы в Думу были не столько выборами парламента, сколько первым актом выборов президента. 20 ноября руководитель Фонда общественного мнения Александр Ослон с научной точки зрения объяснил феноменальный результат Путина (24%), произнеся магическую фразу: «Путин — политик, которого ждали». Под занавес первого акта Сванидзе обнародовал опрос ВЦИОМ конца декабря «Кто будет следующим президентом?». 52% называ-

ют Путина, Примаков и Зюганов получают по 5%, 32% — не знают. «Ненаучная» поддержка результатов социологических опросов осуществлялась с помощью интерактивных телефонных опросов. 10 октября 1999 г. в эфире «Итогов» (НТВ) был впервые публично задан вопрос: должен ли Ельцин передать полномочия Путину? Из 16 тысяч позвонивших 15 тысяч ответили утвердительно.

После массивной двухмесячной кампании и победы путинского «Единства» на выборах 26 декабря в программе «Зеркало» задают вопрос: «Какое событие года вы считаете наиболее ярким?» Варианты ответов: назначение Путина премьером, операция в Чечне, результаты выборов в Думу (оставим за скобками то, в каком смысле в этот перечень попала операция в Чечне и как вообще война может быть отнесена к ярким событиям). Большинство позвонивших — более 10 тысяч — считают самым ярким событием года назначение Путина. Сванидзе был готов к такому результату, в финале программы он провозглашает осанну будущему российскому президенту. «Просто фантастика, — восклицает Сванидзе. — Путин — это переломный момент в истории. Путина приняла нация, он оказался политиком, которого ждали. Путин очищает патриотизм как фамильное серебро от налипшей грязи, он олицетворяет сплав патриотической идеи и западных либеральных ценностей». Такой бурной телевизионной во всех смыслах кампании больше уже не будет, а молодые люди, которые 10 лет назад были детьми, с изумлением будут смотреть на экран — разве такое возможно?

Итак, именно с этой кампании начинается публичная деятельность Путина — «верховность одиночки», — который поступательно, на протяжении двух сроков своего президентства, будет «зачищать»¹ политическое поле от противников, оппонентов и «несогласных»². Будет

¹ События 1999–2000 гг. — взрывы домов, вторая чеченская война, «дело Бабицкого» — возвращают в информационное поле понятия «государственная пропаганда», «национальная идея», «наши — не наши». Накануне решающей битвы за НТВ кремлевский технолог Глеб Павловский провозгласил «крушение СМИ демократической республики и закат эры олигархов» (2000 г.). В этой фразе в утрированной форме выражена сущность изменений, которые произошли в сфере массовой информации после Ельцина. К весне 2001 г. двух главных медиаолигархов прежней эпохи В. Гусинского и Б. Березовского в стране уже не было, в последующие годы их постепенно выдавили на политическую и медийную периферию.

² Предвыборная кампания 2003–2004 гг. прошла по меркам 90-х гг. скучно, без неожиданностей для «партии власти». Даже скандал с ЮКОСом (2004) с последующими арестами, отъездами и судами над акционерами ничего принципиально не изменил в информационных сценариях. Лозунги «Россия — для русских» и «Отобрать и поделить»

ликвидировать многие сферы независимости: отмена выборов губернаторов, создание федеральных округов и централизация власти, реформа Совета федерации, изгнание оппозиции из Госдумы, которому, правда, способствовало реальное снижение популярности либеральных СПС и «Яблока» и реальная неподдержка населением идей многопартийности, ликвидация влияния политико-экономических кланов через СМИ и ограничение деятельности общественных организаций, финансируемых в том числе зарубежными донорами. Одну из главных ролей в этой «перекодировке» режима и политики сыграет уничтожение «телевизионного плюрализма»³. Путин, видимо, никогда не сомневался (или его в этом убедили), насколько могущественным оружием может быть телевидение в новейшей России. Он пришел к власти благодаря телевидению, и поэтому независимый, не контролируемый лояльными людьми канал, охватывающий около 70% российской территории, наверняка представлялся ему опасным.

«Убрав с дороги строптивых владельцев НТВ и ОРТ, Кремль стал проводить по пятницам еженедельные встречи с главами ведущих телевизионных каналов, на которых помощник Путина Владислав Сурков, кремлевский консультант Глеб Павловский и другие распределяли темы для новостей. Телевидение превратилось в инструмент политического управления, — рассказывал позже один из участников этих собраний. — Все подавалось прямолинейно и очевидно, как чистая пропаганда»⁴.

Один из ближайших помощников Путина рассказывал журналистам из американской газеты *The Washington Post*, авторам книги «Восход Кремля: Россия Владимира Путина и конец революции»: «Он смотрел на себя в телепрограммах, а потом разбирал все в деталях»⁵.

умело поддерживались, когда надо — микшировались. Массивная информационная кампания, проведенная основными каналами (лидеры «Единой России» — по совместительству чиновники и министры — каждый день мелькали на экранах, перемещаясь со стадионов в детские дома и другие социальные объекты), привела к тому, что 12% телезрителей признали «партию власти» лучшей в дебатах, хотя «Единая Россия» в них не участвовала. Президентская кампания была еще более предсказуемой.

³ В сентябре 2004 г. на встрече с западными экспертами и политологами Путин произнес знаковую фразу для следующих четырех лет: «Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, обязана сопротивляться». Цит. по: Злобин поговорил с Путиным // Газета. 2004. 8 сентября.

⁴ *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution*. Цит. по: <http://lenta.ru/articles/2005/06/10/intrigues/>

⁵ *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution*. Цит. по: <http://lenta.ru/articles/2005/06/10/intrigues/>

Путин знал и видел, что такое «информационные войны» и «войны компроматов», а в некоторых из них ему, как сподвижнику Собчака в Петербурге и главе ФСБ при Ельцине, судя по всему, пришлось участвовать. Он не верил в реальность телевизионной картинке и, скорее всего, был убежден, что телевидение — это технология, а журналисты отрабатывают заказы. О том, как был возмущен президент телевидением в самом начале своего пребывания в должности, рассказывал Сергей Доренко, помогавший до этого Путину прийти к власти.

Путин воспринял как личное оскорбление передачи российского телевидения, жестко критиковавшие медлительность властей и ложные официальные заявления в связи с гибелью подводной лодки «Курск», затонувшей в Баренцевом море в августе 2000 г. Возбешенный Путин лично позвонил на телевидение по поводу репортажа и обвинил журналистов в том, что они сфабриковали материал. «Вы наняли каких-то шлюх... чтобы дискредитировать меня», — кричал Путин, вспоминает Сергей Доренко, в то время постоянный ведущий Первого канала. Доренко был ошеломлен¹. «Эти женщины были женами офицеров, — рассказывает он, — но Путин был убежден, что никакой правды, никакой реальности на свете не существует». Надо полагать, Путину на всю жизнь запомнилась встреча с родственниками членов погибшего экипажа, организованная через шесть дней после того, как затонул «Курск».

В случае с трагедиями на Дубровке («Норд-Ост») и в Беслане реакция Путина была похожей. С пострадавшими и их родственниками в контакт не вступать, публичного сострадания — минимум, реакция — с опозданием (обращение через 12 часов или даже через сутки), убежденность, что истерику провоцируют журналисты, «зарабатывая рейтинг и деньги» на трагедии.

Почти 10 лет — вплоть до встречи с протестующими рабочими в Пикалево (город-завод в Ленинградской области) в 2009 г., к которым премьер прилетел после двух президентских сроков уже в новой должности, — Путин не встречался ни с какими разъяренными женами, потерявшими детей матерями и другими возмущенными гражданами.

Телевизионные форматы. За 10 лет менялась ритуализация образа верховного лица. Появились новые форматы, в общественный обиход

¹ Цит. по: Мельников А. Путин должен извиниться перед военно-морским флотом России. 11.12.2004 // http://www.yabloko.ru/Publ/2004/2004_12/041214_melnikov.html

были введены новые телевизионные обряды и обновлены прежние, советские. Теперь набор государственных символических зрелищ выглядит так: трансляция главных богослужений во время празднования Рождества и Пасхи (с участием президента и «ближайшего окружения»), церемония инаугурации, празднование Дня Победы и «прямые линии» связи с народом. Рассмотрим их подробнее.

Ритуализация и религиозные праздники. Особую роль в становлении образа новой светской власти в России играет церковь. Ельцин не возражал против упрочения роли церкви в обществе, но сам глубоко верующим не был. Но именно первого президента России хоронили уже по церковному обряду — отпевали, как некогда русских царей. Для Владимира Путина — не будем касаться глубоко личного вопроса веры — православие, а точнее, связанные с ним канон и ритуальность, — один из важных способов подчеркнуть его легитимность, связь политического курса с почвенной, исконной традицией.

«Вера предполагает подавление критического мышления. Вера абсолютна. Нельзя верить наполовину²». Там, где есть боги и абсолютная вера, непременно появляется религия. Мифологическая и религиозная — «родственные системы мировоззрения³», они обе «живут самоутверждением личности⁴». Упорядоченность, зрелищность, таинство — все эти характеристики церковного обряда помогают и формированию образа новой власти, вписанной в этот канон. В нее надо верить. Несмотря на то что у части народа⁵ по отношению к держащим свечи бывшим коммунистам и советским офицерам наблюдается ироническое отношение (их называют «подсвечниками»), Рождество и Пасха, трансляции которых специально готовятся под телевизионную картинку, — стали частью образа государственной власти.

Самая эффектная картинка первых дней наступившего нового 2004 г.: маленькая провинциальная церквушка в рождественскую ночь, она освещена сбоку, сзади и сверху, нарядная, как на рождественской открытке; сияет и искрится снег. В кадре ни души. Эффектный план: одинокий прихожанин с известной всей стране

² Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. С. 147.

³ Лесков Л. Кого будут жечь на костре лженауки // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Article/lesk_kogo.php

⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // <http://lib.rus.ec/b/133519/read#t2>

⁵ Около 70% населения называют себя православными, хотя регулярно исполняют обряды около 5%.

походкой идет по дороге к храму. На крыльце его встречает батюшка, и вдруг невидимый в ночи народ, отогнанный от церкви за оцепление, чтобы не мешать проходу, кричит здравницу этому одиночке. Тот оборачивается на возглас всенародной любви, с улыбкой машет рукой и проходит в храм. На этом фоне соперники президента на грядущих выборах — охранник, гробовщик, предприниматель, аграрий, лидер «Родины» и либеральная женщина — выглядят экранными пигмеями.

Во времена Путина восстановленный еще при Ельцине храм Христа Спасителя, главный патриарший собор, во время трансляции главных богослужений (особенно пасхальных) становится важным местом для особо приближенных к российской власти. В разное время рядом с президентом во время службы стояли глава РЖД Якунин, премьер Фрадков, вице-премьеры Иванов и Медведев. Присутствие московского мэра Москвы в этой компании объясняется тем, что храм восстановили при Лужкове, и он никогда не рассматривался премьерником. Когда президентом стал Дмитрий Медведев, никаких светских начальников рядом не стало, на переднем плане поставили детей. Этот знак можно прочесть и как грядущий символ обновления, но еще надо иметь в виду, что бывший вице-премьер курировал национальные проекты, в том числе вопрос демографии, а первый год его президентства совпал с объявленным годом семьи. Дети в кадре превратились в буквальную метафору. В 2010 г. во время рождественской и пасхальной службы на традиционном для показа месте стояли — Медведев с женой Светланой и Путин. Странная троица.

Когда-то у некоторых советских граждан и иностранных наблюдателей была привычка по расположению членов ЦК партии на мавзолее во время парадов и демонстраций угадывать хитросплетения кремлевской политики. Так и во времена Владимира Путина, когда публичной конкурентной борьбы не стало, по присутствию персон на богослужении, а также на Параде Победы 9 Мая — главном светском государственном празднике, единственном оставшемся с советских времен, — гадают о политических раскладах.

Пастыри в дни испытаний обращаются к народу. До Путина пастырское слово не использовали в мирской предвыборной суете. Но в день избрания Путина на второй срок, 15 марта 2004 г., патриарх Алексий с экрана, по сути, призвал голосовать за президента.

Инаугурация. «Чин коронации» по-русски еще называют и по-другому — «венчание на царство». Торжественное вручение царю символов его власти, сопровождаемое таинством миропомазания и другими церковными обрядами, означало его мистическое венчание с государством. Обрядом венчания называется в России и заключение таинства брака в церкви. Еще русский философ Н. Бердяев писал: «У русского народа есть дар покорности...Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колосом государственности, его покоряет сила». «Русская безгосударственность — не завоевание себе свободы, а отдание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа»¹.

В актуальной и поныне для понимания российской ментальности статье «“Договор”» и “вручение себя” как архетипические модели культуры»² Ю. Лотман еще в 1981 г. писал: «В основе религиозного акта лежит не обмен, а безоговорочное вручение себя во власть. Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи...Поэтому средствами коммуникации являются в этом случае не знаки, а символы, природа которых исключает возможность отчуждения выражения от содержания, и, следовательно, обмана или толкования... следовательно, отношения этого типа имеют характер не договора, а безусловного дара»³.

Инаугурация — новый для России ритуал, сделанный для телевидения и телевидением поставленный. Все рассчитано и учтено. Трансляция начинается с часов на Спасской башне, которые отсчитывают минуты до начала торжества. Камеры с вертолетов и машин показывают проезд президентского кортежа по пустынной кремлевской набережной, по брусчатке очищенной от людей Красной площади, въезд в Спасские ворота, подъезд к дворцу. Распахиваются позолоченные двери и по дворцовой лестнице, застеленной красной дорожкой, глава российского государства проходит под сводами сияющих кремлевских залов. Вот здесь его встречает избранный народ, представители всех ветвей власти, патриарх, глава конституционного суда. Президент клянется на Конституции,

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 139.

² Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 345–355.

³ Там же. С. 347.

одиноко выходит на Красное/ Царское крыльцо (это его историческое название) внутренней соборной площади и принимает парад кремлевского конного полка — до Путина курсантов на лошадях в церемонии не было (кстати, именно эта царская традиция — одна из ключевых сцен в фильме 1998 г. Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»). Уже без камер в одном из соборов Кремля сразу после светского торжества проходит церковная служба, на которой присутствуют президент с супругой (при инаугурации Медведева на Царское крыльцо Медведев вышел вместе с Путиным).

Инаугурация — зрелище символическое и ритуальное, но прежде всего телевизионное. С проездами, с уникальными съемками с высоты птичьего полета, проходами, золотом куполов и крестов, стуком копыт по многовековой брусчатке средневекового Кремля. В этой церемонии переплетаются знаки и символы российской истории и византийской традиции коронаций со знаками и символами другой, англо-саксонской и американской политической культуры. Здесь осколки монархии — от коней до колоколов; советской идеологии — от тружеников села в рядах Кремлевского полка и лучших представителей российского народа в Кремле (это слова комментария за кадром), советский гимн и клятва на Конституции (хотя с точки зрения идеи «власть от бога» клятва на тексте, который может меняться, — символически бессмысленна).

Тем не менее ритуал инаугурации отточили и зафиксировали как телевизионный канон именно при Владимире Путине. В этом ритуале на подсознательном уровне заложен код монаршества, сакральности верховной власти. Такому восприятию способствуют исторические декорации — соборы, дворец, Царское крыльцо. Избранность и высоту положения подчеркивает одиночество — президент как бы над всеми, без чад, домочадцев. Соратники небольшой группой появляются за спиной президента чуть позже (во время второй инаугурации Путина все обратили внимание на то, что Наи́на Ельцина была на церемонии, а Борис Ельцин нет). Подданные — это масса в залах дворца и миллионы зрителей, которые наблюдают за величием съемки. Город, на фоне которого разворачивается спектакль, как будто зачищен от людей. Зато мельтешение и суэта толпы, обязательная, например, при проезде в аналогичной ситуации американского президента, не мешает величю съемки в случае с президентом российским. Но было бы слишком упрощенным

считать, что Путин возвратил только символы царской власти. Помпезный внешне и эклектичный по сути ритуал не затрагивал существа ценностно-мировоззренческой картины народа, но визуально поддерживал анестезирующий миф о российско-советской империи.

День Победы. К государственным ритуалам — несущим почти религиозную функцию — помимо чисто церковных праздников и церемонии инаугурации относится еще и День Победы: традиционный парад, на который при Путине вернулась военная техника. Телевизионная минута молчания, которую 45 лет назад тоже специально придумали как телевизионный формат, всегда называли «молитвой по павшим». На первый взгляд в имперских ритуалах воспроизводятся постулаты архаической «теории официальной народности»¹, согласно которой русский народ глубоко религиозен, предан престолу, православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России, а народность — это понимание необходимости придерживаться собственных традиций и отвергать иностранное влияние. Но это был бы слишком упрощенный взгляд на вещи. Потому что, если к этому добавить советский миф о «великой державе» и неукоренившиеся, часто имитационные, но уже привычные за минувшие 20 лет процедуры и символы западных демократий (на высших торжествах всегда главы двух палат парламента, лидеры партий, судьи конституционного суда, известные бизнесмены), то это дает представление о том, как сложно закладывается основа для новой российской идентичности.

«Прямые линии» и экранный образ народа. Для общения с народом для Владимира Путина был придуман особый формат, в которой максимально воплотился «вечный миф» о справедливом царе, мудром отце и заступнике, естественным образом совпавший с историческим и национальным своеобразием способа взаимодействия большинства с социально значимой информацией. Жанр пресс-конференции превратился в ежегодный и обязательный ри-

¹ Лозунг «самодержавие, православие, народность». Основные принципы теории были изложены графом Сергеем Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в докладе царю Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения». Идеи Уварова были своеобразной попыткой идеологического обоснования правительственного курса Николая I начала 1830-х гг. после восстания декабристов 1825 г.

туал¹, который по мысли самой власти должен был свидетельствовать об ее открытости, а народ в этом формате стал коллективным образом самого себя, превратившись в специально отобранных статистов, ожидающих очереди задать вопросы.

Формат все эти годы не менялся, увеличивалась длительность общения президента с народом — с двух часов в самом начале почти до четырех в конце — и степень экранной свободы самого главного героя — Владимира Путина. К концу президентства Путина слова в выверенном зрелище были уже не важны. Важны чувства. Президент — мудрый пастырь и добрый отец, народ — почтительный и благодарный ребенок. Или. Президент — демонстрирующий уверенность и силу мужчина, а народ (у Бердяева — Россия) — ждущая ласки женщина, которая все время ищет себе мужа.

Ежегодно, в объявленный день в полдень Первый канал и канал «Россия 1» (а после своего появления и круглосуточный информационный «Россия 24»), государственные радиостанции «Маяк», «Радио России» прерывали свои передачи, прекращали транслировать рекламу и включали студию в Кремле. Передвижные станции и телекамеры работали в семи часовых поясах, многоканальный телефон бесплатно связывал Москву со всей страной, сотни операторов специального операционного центра, смонтированного в «Останкино», за несколько дней до «линии» принимали звонки российских граждан — от 2,5 млн во время шестой по счету линии. Через пару лет после первой линии к этой технологической мощи добавили еще и возможность послать SMS и вопросы онлайн по Интернету.

Всекие неожиданности в этом прямом эфире исключены, только в первый раз камеры зафиксировали попытку прорваться к микрофону, а на третий год — пару сорвавшихся звонков, ожививших эфир. На экране ни одного существенного сбоя, идеальный сигнал, объемная картинка. Правда, иногда красиво подсвеченные сумерки в сибирской деревне не помогали поверить в то, что деревенская улица может оставаться такой пустынной, когда телевидение приехало.

Для уникального с точки зрения телевидения проекта работают сотни человек — приблизительно по 60 на каждой точке включения — режиссеры, операторы, администраторы,

корреспонденты, а еще — операторы связи и дополнительно — милиционеры, пожарные и врачи. За несколько дней до передачи во всех городах и селах (не меньше 10 во время каждой линии), откуда планировались «прямые включения», разворачивали передвижные телевизионные станции, проводились технические тракты — т.е. репетиции, когда отрабатывается качество включения и его хронометраж, а также быстрое и правильное задавание вопросов. Площадка, откуда город «включается», охранялась милицией и ОМОНОм.

На экране всегда заметно, как люди читают или вспоминают заранее подготовленные вопросы. На жизнь граждане жалуются в меру (проблемы с пенсиями, пособиями, жильем, тарифами ЖКХ и пр.). Неприятных вопросов главе государства почти не задают, перед камерами ведут себя прилично. Даже стеснительно. Многие волнуются. Чаще просят от имени всех — от бюджетников, от пенсионеров, от инвалидов, от пострадавших во время аварии, от матерей-одиночек. Каждый четвертый вопрос — личный (в основном тоже связан с социальными проблемами). В Интернете личных вопросов в 5–6 раз меньше — больше общественных. Никто из 50–60 человек, задававших вопросы на каждой из линий, практически ничего не уточнял и не спрашивал.

Через пару лет Владимир Путин освоился в этом телевизионном формате окончательно. К третьей по счету линии президент, как опытный правитель, понял, в каком месте следует сделать вид, что смутился, в каком — улыбнуться (когда речь заходит о щенках); он, конечно, готов был к экспромтам (однажды пытался выбрать себе собеседника, иногда что-то переспросить), но люди в кадре, независимо от возраста, становятся деревянными и смущенными.

С экрана на себя самого смотрел терпеливый, робеющий, почтительный народ. В допетровской Руси тоже существовала традиция связи царя с народом, когда можно было миновать боярскую думу, кремлевскую челядь и проч. Раз в год из-за кремлевской стены на крепкой пеньковой веревке вниз, к народу, спускался деревянный ящик для челобитных. В век информационных технологий этот ящик успешно заменили телевидением, а прямые линии стали дополнительной возможностью замера общественных настроений.

Сложившийся в России при Путине режим коренным образом отличается от предыдущих — царского и коммунистического — именно тем,

¹ Первая линия вышла в эфир — 18.12.2001, вторая — 19.12.2002, третья — 18.12.2003, четвертая — 27.09.2005, пятая — 25.10.2006, шестая — 18.10.2007.

что он в гораздо большей степени соответствует политическому идеалу и политической культуре большинства россиян. Режим Путина менее идеологичен. В том числе потому, что идеологии, по сути, нет. Но, в отличие от убежденных противников монархии и «большевиков», принципиально иной идеологии сегодня нет даже среди оппозиционных групп¹.

Известные российские мыслители Иван Ильин и Александр Солженицын, которых совершенно не случайно власти популяризировали в минувшее десятилетие, десятки лет назад предупреждали, что выход из тоталитаризма, убивающего всякую инициативу, возможен только через авторитаризм, дающий некоторые ограниченные свободы².

Тем любопытнее, как имитируется «империя без монархии», тиражируется «советский» миф о патерналистском и социальном государстве и на их основе — с помощью архетипических ритуалов и обрядов, благодаря устойчивым стереотипам, которые телевидение приспособливает для новой реальности, — возникают надыдеологические конструкции «суверенной демократии» и «консервативной модернизации».

В этом случае мы имеем дело с «вечными мифами», сила которых в том, что они способны возвращаться в другом обличье. Развитие «вечных мифов», связанных с архетипами, может быть не бурным, но они устойчивы и их жизнь продолжительна, воздействие на аудиторию значительно сильнее, потому что их цель не персональное восприятие, они направлены на другой, «более глубокий слой»³ психики — коллективное бессознательное.

Путин и Медведев — перекодировка информационного поля. К концу «нулевых» в электоральные группы активных избирателей вливается поколение, которое уже, по сути, не знает, что такое СССР и советское телевидение. Оно, с одной стороны, живет в пространстве советского мифа, а с другой — в новой реальности рекламы, шоу и инфотеймента. С одной стороны, преемник Путина должен был осуществить внешнюю преемственность символической бюрократической власти, с другой — соответствовать изменившемуся информационному и культурному фону.

¹ Lukin A. The political ideal and political regime in post-Soviet Russia // *Rro et Contra*. 2008. № 4 (42). Июль–август. P. 102.

² Например, см.: Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. М., 1993.

³ Джонсон Р. Сновидения и фантазии. Анализ и использование // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Johnson

В эфир при Путине вернулись практически исчезнувшие в 90-е протокольные съемки встреч главы государства с министрами, губернаторами и прочими должностными лицами. Стало традицией, как и в советские времена, открывать выпуски государственных новостей информацией о том, с кем, где и по какому поводу встретился президент. Иногда хронометраж отчетов «с паркета» занимал до трети выпуска, а репортажи о какой-нибудь очередной выволочке (когда Путин отпускает свои хамоватые, а иногда и просто оскорбительные слова и фразы) могли длиться до 6–8 минут.

Абсолютно табуированная тема для телевидения — частная жизнь Путина. Его домашние. Первую леди — Людмилу Путину — технологи и телевизионщики так и не смогли приспособить к экрану, дочери мелькнули однажды — на лыжном склоне. В общем, тот образ верховного одиночки, бойца, «хищника» (именно с таким животным обычно сравнивают Путина студенты гуманитарных вузов, среди которых проводят опросы исследователи массовых коммуникаций), который почти 10 лет культивировал на экране Путин, не требовал домашних красок и сцен чаепития в кругу семьи.

Перед новым политическим циклом, в 2007 г., образ властителя попытались вписать в гламурные декорации изменившейся информационной реальности, тяготеющей к развлекательности. На экране и в популярных изданиях появился полуобнаженный Владимир Владимирович. Мужественно-гламурное фото полураздетого президента в очках, с крестиком на шее, с ножом на боку, с удочкой — почти фаллическим символом — наперевес годится для тату и для перенесения на футболки и болванки матрешек. Но такого обновленного Путина так и не решились сделать массовым — фото активно обсуждали в Интернете и разместили на прокремлевских молодежных сайтах. Но совместить эротику с патриотизмом не получилось. Видимо, стал очевидным эстетический диссонанс разных культурных кодов: «супермен» — это другая система и мифов, и стереотипов, поэтому в «торсе и мышцах» Путина замаячила некоторая комичность и снижение его сакрального образа.

В апреле 2008 г., уже после избрания президентом Медведева, в эфир национальных каналов, безусловно, не просочилось эхо международного резонанса, связанного со скандальной публикацией «Московского корреспондента» (газета была закрыта), в которой Владимира Путина «поженили» с гимнасткой Алиной Ка-

баевой. Владимир Путин уже давно не отвечает на вопросы о Чечне, зато в Италии, где он находился с официальным визитом, ему пришлось опровергать слухи о своей личной жизни. Но «желтый» скандал любопытен не сам по себе. Мужская ветреность в истеблишменте всего мира уже не порок. Он любопытен опять же в смысле новых представлений о политической элите в России и ее экранных образах. Человеческие слабости и глянцево-подробности личной жизни западных лидеров противоречат вполне устоявшемуся и в целом архаичному образу властителя и собирателя великой российской державы. Пока Путин оставался президентом, никакого смягчения образа невозможно было представить.

После прихода в Кремль Медведева экранный образ Путина лишился некоторой агрессивности. Как премьер, он стал по долгу службы больше бывать в регионах, встречаться с людьми, в том числе и после трагедий и катастроф. Удивившая многих на Западе реакция Путина на гибель президента Польши, его проявленное перед камерами человеческое участие к премьеру Туску — не только естественное сострадание, но и признак постепенной эволюции манеры и образа в сторону большей доверительности, которая свойственна не политическому лидеру, не главе государства, а «отцу нации». Наконец, и сам премьер, и его команда, видимо, понимают, что как медийный игрок Путин в ситуации тандема более опытен. Он всегда может выдвигаться на первый план или чуть отойти в тень, если понадобится. Возможно, в этом кроется одна из причин, почему Путин (особенно после того, как стал премьером) все-таки играет в двух регистрах — он и руководитель, и личность, и он не устает показывать, что он личность. Медведев же чаще — функция, из-за неуменья выстраивать разное медийное поведение Медведев везде воспринимается одинаково.

2008. Очевидно, что при всей необходимости перекодировки информационного поля, ключевые «формулы» успеха Путина учитываются в последующих «политических» кампаниях и с его участием, и с участием преемника. На экране всякий раз будет возникать набор из формульных персонажей политической сцены: герой, антигерой/антигерои, соратники, народ. Причем если с «социальными масками»¹ героя

¹ Под «социальной маской» в статье понимается тип экранного персонажа, который своими взглядами и поведением претендует на выражение общественного мнения, мировоззрения и социально-психологических установок определенной части аудитории.

и его соратников никакой особенной трансформации за следующие восемь лет не произойдет, то «маски» антигероев будут размываться, приобретать черты абстрактного «зла» — о персоналиях антигероев можно догадываться по контексту. В прошлом — это «лихие 90-е». В сфере внешней политики — «цветные революции», «Запад», «шпионы». В сфере внутренней политики — «предатели», «проходимцы».

При отсутствии четкой дихотомии и в ситуации угадывания политических «кодов» довольно трудно говорить о законченной формульности. Но в главных телевизионных ритуалах, придуманных при Путине и для Путина, именно этот элемент, присущий формульной литературе, создает ощущение порядка, устраняет неопределенность, работает с традиционными стереотипами и подчеркивает ориентацию на отвлечение за счет зрелищности.

Образ лидера. Он сильный и властный, но при этом «свой парень», понятный большинству. «Дворовый пацан» из послевоенных дворов. Этот парень всегда «за наших» и «своих» не сдает, он готов дать сдачи тем, кто «чужой». Из дворового защитника этот образ постепенно трансформируется в образ «державника», вернувшего советский гимн и велевшего стране «подниматься с колен» (второй срок). В этот момент Путин конвертирует свой рейтинг в статус. Следующий этап (в период передачи власти и перемещения на пост премьера) — превращение образа «правителя» в «верховного арбитра», «национального лидера», независимо от должности. Пробы премьера в «недержавном публичном регистре» — путешественник, водитель, защитник животных, участник научной экспедиции, байкер, колумнист, любитель музыки и проч. — это, с одной стороны, констатация внутреннего желания успеть получить новые ощущения. Об адреналине Путин, кстати, заявляет сам в колонке для модного журнала «Русский пионер»², который редактирует летописец его десятилетия Андрей Колесников. С другой — это подтверждение того, что премьер с большим или меньшим успехом способен освоиться с разными публичными ролями, которые могут пригодиться при выборе стратегии следующего политического цикла.

У Дмитрия Медведева этапы «наращивания» образа вроде бы похожи: социальный вице-премьер, ученик (лексика университетского доцента) — преемник — президент в тандеме, с которым связано эмоциональное ожи-

² См.: «Русский пионер». 2010. № 17.

дание перемен. Ключевые понятия, на речевом уровне связанные с Медведевым, — «оттепель», «свобода», «модернизация», «перезагрузка» — отвлеченные, почти акварельные. Образность не выражена, признаков действия за этими словами не возникает. Эти слова и связанные с ними ассоциации никак не дают «младшему» партнеру выйти из тени «старшего». Попытки переключиться в жесткий регистр Путина (жесткие заявления и воинственный облик весной 2011 г.) не добавляют новых красок образу третьего президента и опять выглядят «калькой».

Противники. Противники курса Путина (и внутренние, и внешние) отрабатываются в информационном поле тоже по стандартной схеме. Как правило, сначала шельмуются, к ним приклеивают пропагандистские ярлыки, в результате их нейтрализуют информационной блокадой¹. Во всяком случае — из эфира национальных каналов либеральная оппозиция исчезает сразу же после своего поражения на выборах 2003 г. В этот период из эфира обновленного НТВ уже удалены все остатки бывшего «свободомыслия», к 2004 г. были закрыты последние программы, напоминавшие о прежнем НТВ 90-х гг., — «Свобода слова», «Намедни», сатирическая «Тушите свет».

«Источник силы мифа заключается еще и в том, что психологи назвали бы “амбивалентностью”. Он потворствует двум противоположным тенденциям сознания: тенденции к очернительству и тенденции к приукрашиванию»². Реальный человек или проблема, попадая в поле действия мифа, упрощается до абстрактных понятий: свой — чужой, Восток — Запад, добро — зло.

Сторонники Путина, как правило, действующие чиновники: министр МЧС во время всех кампаний минувшего десятилетия — персонаж неизменный (на это время телевидение вспоминает, что он еще и партийный функционер). Ни один из петербургских «силовиков», которые к середине «нулевых» меняют почти всех ельцин-

ских выдвиженцев на всех ключевых политических постах, не может сравниться с умением экранных героев 90-х существовать в публичном пространстве. В кампании 2003—2004 гг. бывший оппонент Лужков яростно агитирует за «Единую Россию» и Путина.

С середины второго срока Путина в главных политических программах 2006—2007 гг. («Вести недели», «Время») опять привычный набор из материалов об активности новых назначенцев — С. Иванова (министр обороны, вице-премьер), Д. Медведева (вице-премьер, курирующий «национальные проекты» в социальной сфере). Медведева отправили в школы и регионы, Иванова — заботиться о жилье для офицеров. Иногда на авансцене мелькают персонажи, которых тоже пробуют на роль: бывший губернатор Собянин, технический премьер Зубков. Но все они исчезают из информационного поля практически навсегда, как только в них пропадает нужда. Эта же участь ждет и очень активного вице-преьера Иванова, как только выбор будет сделан не в его пользу.

13 июня 2006 г. самого вице-преьера Дмитрия Медведева, который уже год курирует «национальные проекты», пробуют в новом жанре видеоконференции. Владимир Путин рядом. Из развернутых фрагментов трансляции, которые похожи на отчеты и рапорты (в новостях — до 10 минут!), становится ясно: для того чтобы обсудить реализацию национальных проектов, совершенно не обязательно разгонять министров правительства по городам, селекторное совещание можно было провести и в Москве. Это означает, что суть обсуждения была не так уж и важна. Важнее было зрелище. Т.е. это еще не прямая линия со страной, еще не ежегодное общение с журналистами — это возможная обкатка формата с использованием новых технологий. Под присмотром опытного, но доброжелательного учителя, который, как профессиональный модератор, вовремя одергивает слишком говорливого министра или в нужный момент обращается к аудитории с вопросом, с достоинством выслушивает очередную благодарность в свой адрес и держит паузу, когда в разговор должен вступить лучший ученик. Дмитрий Медведев с экзаменом справился.

Парный выход учителя и ученика к ликующей толпе поклонников в выборную ночь 2008 г. был их звездным триумфом. Шоу «Две звезды», запущенное на Первом канале как раз в год выборов, когда еще страна гадала на премьера, словно поддерживало новый политический контекст. Экранный образ Дмитрия

¹ 2004—2006 гг. сопровождаются специальными телевизионными проектами (специальным образом смонтированные, часто сфабрикованные по картинке, с передергиванием фактов) — «шпионскими скандалами», в которых якобы фигурируют правозащитники или «симпатизирующие» «оранжевым» на Украине и участникам «революции роз» в Грузии. «Свои — чужие», «наши — не наши», «враги — друзья», «предатели — патриоты». Таковы отчетливые, фиксируемые и насаждаемые гостелевидением идеологические формулы «эпохи Путина».

² Льюис К. Похороны великого мифа // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Lewis/Poh_VM.php

Медведева весь февраль 2008 г. лепили по счастливому лекалу Владимира Путина: Медведев и очки, Медведев и лыжи, Медведев и фанатки, Медведев и стадион, Медведев и сторонники, Медведев и военные, Медведев и патриарх, Медведев и экономический форум, Медведев и КВН, Медведев и родильные дома.

Экранного Медведева одновременно старались сделать и созидательным, и заматеревшим. Брутальная лексика «двора» ученику, в отличие от учителя, несвойственна. Поэтому прорывавшееся смущение (особенно в улыбке) ретушировали. Пастельных красок оставили минимум (мелькнул вальс с почтенной дамой). Победную энергию движения Владимир Путин зримо передавал своему наследнику. Все время подстраховывал, вводил в курс, представлял соседям, устраивал смотрины. Но переменчивая народная любовь все-таки окончательно к Медведеву не переметнулась. Владимир Путин на прощание напомнил о себе почти пятичасовой пресс-конференцией, продемонстрировал такую публичную форму, до которой преемник так и не дорастет.

В апреле 2008-го, когда проходил съезд «Единой России», на котором выступали уже президент Медведев и премьер Путин, в его освещении появились любопытные акценты — каналы определялись, кто в тандеме главный. Сначала разделились новости. Не в смысле оценки происходившего, а в порядке представления героев политической сцены. На НТВ начинали отчет о съезде с Медведева, на «России» — с Путина. На Первом — «плюралистично»: с общего прохода обоих, а потом синхрон Медведева. Программа «Время» заострила внимание на молодых лицах бизнесменов. Именно они и еще с десяток мелькнувших на форуме лиц непрокремлевских интеллектуалов и беспартийных эффектно оттеняли единство партийного съезда. Если же внимательно посмотреть на публику в большом президиуме, на фоне которой выступали и Медведев, и Путин, то становилось очевидным — над картинкой подумали: в рядах чередовались офицеры в форме, хорошенькие женщины, в основном блондинки, мужчины в дорогих костюмах. Всем им, кстати, было не больше сорока. Глеб Павловский в обширном материале воскресного «Времени» настаивал на том, что «Единая Россия» должна стать фабрикой по производству новой элиты, а политическую однокнопочность следует отключить. Но это едва угадываемое разнообразие на экране не утвердилось. И два первых лица — два новых символа — так бесконечно и сменяют друг друга

в новостях и итоговых программах. Фабрика по производству новых политических звезд не работала.

Даже поколенческую тему — а значит, и риторическую, и сценарную новизну политической драматургии — ни сам Медведев, ни окружение Путина, обеспечивающее победу преемнику, отработать так и не смогли. Телевизионный «код» в 2008 г. так и не сменился. Хотя прежние певцы режима на этом уже начали настаивать. «Медведев вырастает в новое лидерство, он притаился... Многие надеялись на конфликт учителя и ученика». Эти туманные фразы — из последней программы Глеба Павловского «Реальная политика», которая 19 апреля 2008 г. после сотого выпуска на НТВ закончила свою эфирную жизнь и попрощалась со зрителями. Причем напоследок безголовый, но действующий президент Путин (был такой мультяшный персонаж в этом проекте) голову обрел и передал нечто сакральное вновь избранному президенту. В результате этой передачи мультяшный герой Медведева остался без головы. Суть репризы можно разгадывать и сегодня.

Образ «тандема» почти три года удерживался в системе координат: «учитель — ученик», «старший — младший». Этот патриархальный расклад поддерживали телевизионным уравниванием первых лиц в информационном поле (подсчет минут эфира, отводимого Медведеву и Путину, превратился не только в забаву для экспертов, но и стал предметом учета и анализа в статистике компании «Медialogия»). Демонстрируемый и подчеркиваемый баланс «минуток» помогал не создавать публичной конфронтации. «Разводка» участников тандема на работу с разными публиками — «либеральную» (Медведев) и «консервативную» (Путин) — поддерживала статус-кво тандема, но не решала проблему (в том числе и сценарную) следующего политического цикла. Не став полноценными партнерами, участники тандема никак не могут стать и полноценными противниками: «лидер-отец» находится в разных конкурентных (прежде всего, смысловых) полях с «гаджет-мальчиком».

У третьего президента России Дмитрия Медведева поиск «образа» занял почти весь его президентский срок. Ничего удивительного в этом нет. Образ «профессорского сына» и «университетского преподавателя», технократа, модернизатора, инноватора с трудом вписывается в традиционную для большинства россиян «картину мира». Молодой образованный мужчина из большого города, не чуждый европей-

скому стилю жизни, — это пока не очень понятный электоральному большинству (почти 80% россиян по-прежнему никогда не были за границей) страны тип и образ. Но тип «гаджет-мальчика» (фотография, Интернет, твиттер) — сколько бы по этому поводу ни иронизировали — обращен в новую коммуникационную реальность (сетевая культура и рождение нового типа интерактивной публичности). В 2012 г. образ «гаджет-мальчика» — не настоящий конкурент «лидеру-отцу», но этот образ может работать через поколение, он уже понятен тем, кому сегодня от 16 до 20.

Смех в телевизионной кодировке. Есть сила, которая совершает попытку разрушить мифы, окутавшие аудиторию. Или эта попытка оказывается неудачной, или на месте обломков старого появляется новый миф: эта сила — юмор. Он принимает разные формы: от эстрадного выступления до сатирической анимации. Кукольная и компьютерная анимация — одна из сильнейших форм сатиры на российском телевидении.

Масочное зрелище, когда под образом анимационного героя кроется реальный прототип, восходит к эстетике карнавала и комедии дель арте. Эта эстетика используется и в других телевизионных жанрах «не просто ради развлечения, а исходя из известного принципа синкретизма телевидения, имеющего в своей основе самые глубокие фольклорные и мифологические корни. Сочетание прямо обращенного к публике публицистического текста с образным, пародийным, масочным зрелищем дает большой эффект воздействия. Помогает и смех»¹. С расцветом или угасанием «кукольных» сатирических программ пересекаются и циклы политической «оттепели», и циклы телевизионных перемен.

Программа «Мульт личности» (Первый канал) появилась в России в 2009-м, а 1 января 2010 г. 3D-шные Путин и Медведев — новоявленные персонажи «Мульта личности» — исполнили комические куплеты, вызвав изумление иностранной прессы.

Это случилось сразу же после самого короткого в новейшей истории России новогоднего поздравления президента стране. Через 10 лет после знаменитых сатирических «Кукол» (НТВ) — символа изменившихся отношений власти и общества в 90-е. После безголового «первого лица» в «Реальной политике» Глеба Павловского в «нулевые». Тот безликий пер-

сонаж стал символом усиления власти, ее сакральности, избранности, как в архаических обществах, когда жрец был невидим. Не случайно, что кукольный тандем затанцевал после знакового и нового, с точки зрения формата, интервью президента троим телевизионным начальникам (руководители Первого, ВГТРК, НТВ), в котором раздвигались границы не столько возможных ответов, сколько границы возможных вопросов. Единодушное ожидание перемен, отчего-то связанное именно с этой программой, ощущалось за месяц до премьеры — коллеги из серьезных западных агентств и изданий просили прокомментировать ее появление в эфире. Коллег можно понять. Презентация власти в России — это всегда проблема. Слишком часто, за исключением, может быть, 90-х гг., публичное предъяснение власти было лишь ее демонстративно декоративным фасадом.

Генеральный директор Первого Константин Эрнст объяснил автору этой статьи, что «если бы он не предполагал, что два первых лица появятся в “Мульте личности”, он бы программу не запускал». К появлению программы, очевидно, готовили и главных персонажей. Художникам наверняка не сразу удалось ухватить характерные ужимки реальных героев, чтобы ожившие карикатуры не были злыми и обидными: во времена НТВ «кукла» Путина поплатилась за «крошку Цахеса» из Гофмана.

Главное в этой мультистории — очевидная разрешенность происходящего. И видимо, неизбежная смена телевизионного кода. Неизбежность не столько политическая, сколько эстетическая.

Монументально-парадный цикл опять направляется «низким» зрелищем — карнавальным дуракавалянием, микширующим тяжелую рутинность политической реальности. До настоящей сатиры еще далеко. Первый канал — не прежнее НТВ. К политическим куплетам нужно сегодня приучать и массы общественности, и реальных Путина с Медведевым. Тексты стишков скорее милые, чем смешные. Кстати, интонационно «мульти личности» Путина и Медведева родом скорее из 60-х, чем из 90-х.

Анимационному дуэту президента и премьеры создатели его выдали гармошку и бубен. В новогоднюю ночь парочка подпрыгивала и приседала, подбадривая друг друга. Владимир Владимирович выделял коленца, в такт хлопывал бубном то по колену, то по ноге, то по собственному задку. Его пластику и манеру говорить рисовальщики уловили точнее, чем ми-

¹ Мясникова М.А. Фольклорно-мифологические основы телевидения // <http://proceedings.usu.ru>

мику и характер Дмитрия Анатольевича, образ которого выглядит плосковатым на фоне партнера. Мультмарионетки вполне могут сыграть в «рыжего» и «белого» клоунов, включиться в миниатюры с себе подобными. Рисованные Путин и Медведев могут друг друга подкалывать, мутузить и даже шарахнуть партнера по дуэту бубном по голове. Традиционная раешная забава обязана смешить, немного щекотать нервы пикантным политическим зубоскальством и морочить голову публике — пусть гадают до 2012-го, кто король, а кто шут.

Разрешенный юмор наметил смену «телевизионного кода», но очевидное желание перемен зафиксировал другой сатирический, но не кукольный, а актерский проект — цикл «Поэт и гражданин», недолго выходявший на канале «Дождь» (спутник и интернет-вещание) весной 2011-го.

Гул языка: официальная риторика Путина и Медведева. Э. Кассирер основным приемом мифа называет изменение функций языка. Не менее важны и два других приема — конструирование обрядов и — пророчествование¹. Если говорить о ритуализации через телевизионные зрелища и специальных форматах для главных лиц политического театра, то для российской политической сцены чрезвычайно показательными и эффективными оказываются как раз конструирование/режиссура обрядов и изменение функций языка. Сниженная лексика — «сопли жевать», «мухи отдельно, котлеты отдельно» — становится лексикой правящего слоя, впервые вводя в легитимный публичный оборот телевизионной нормы язык двора и даже зоны.

Выражения Медведева не дотягивают до политических острот Путина². По данным компании «Медиаалогия», подготовленным по заказу «Независимой газеты», за два года президентства Медведева его афоризмы прозвучали в прессе более 400 раз³. Правда, изобретенные Медведевым фразы по стилю все же несколько отличаются от путинских. Они, в отличие от словечек его предшественника, не носят столь открытого жаргонного характера. Иногда они перекликаются. Отвечая на вопрос о преследовании террористов, Путин заявил в 1999-м:

«Мы будем преследовать террористов всюду. Если в туалете поймаем, то и в сортире их замочим». Медведевская версия этого крылатого выражения: «Действовать по всей поляне». На встрече с руководителем ФСБ 8 января 2010-го, рассуждая о том, какая должна быть политика на Северном Кавказе, он заявил: «Нужно методично действовать по всей поляне, если где-то появился след, значит, нужно искать их и уничтожать».

Однажды на заседании комиссии по модернизации глава государства осадил руководителя госкорпорации «Ростехнологии» Сергея Чемезова, попытавшегося возразить президенту: «У меня не реплики, а приговор. Реплики у вас, а все, что я говорю, — в граните отливается». В свое время Путин подобным образом призвал к порядку нового министра образования и науки Андрея Фурсенко: «Сюда нужно смотреть и слушать, что я говорю».

По поводу отношения к бизнесу лидеры страны в своих крылатых выражениях несколько разошлись. «Перестаньте кошмарить бизнес», — потребовал Медведев летом 2008 г. на совещании по развитию малого и среднего бизнеса в Смоленской области. Путин в свое время относился к бизнесменам менее бережно: «Вор должен сидеть в тюрьме» (публичные отношения первых лиц к «делу ЮКОСа» вообще требует отдельного разговора).

В оценке своего мироощущения на высших постах в государстве Путин и Медведев, судя по всему, не слишком далеки друг от друга, хотя интонационно и тексты Путина выразительнее из-за ироничной, даже чуть глумливой манеры. Так, в 2007 г. на большой пресс-конференции Путин заявил, что он «абсолютный и чистый демократ». «Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая, — интриговал публику глава государства, — в том, что я такой один. Других таких в мире просто нет. Посмотрим, что творится в Северной Америке. Ужас один. Пытки. Бездомные. Гуантанамо. Содержание под стражей без суда и следствия. Посмотрите, что происходит в Европе. Жестокое обращение с демонстрантами, применение резиновых пуль, слезоточивого газа. То в одной столице, то в другой убийство демонстрантов на улице. Я про постсоветское пространство вообще уже не говорю». «После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем», — посетовал Путин. Медведев, рассказывая о своих ощущениях на президентском посту, заметил: «Вы знаете, скажу так. У меня нет ощущения, что я превратился в человека, который подсел на публичность, как

¹ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 42.

² В граните отлитые // Независимая газета. 2010. 10 марта.

³ Использован обзор СМИ с 1 января 2000 г. по 9 марта 2010 г. Данные подготовлены на базе информационно-аналитической системы «Медиаалогия» специально для «Независимой газеты».

на наркотик. Есть же такой тип политиков, которых принято называть political animal (“политическое животное”). В себе я пока этого явно не почувствовал. Хотя я и Медведев, но в этом смысле животным я пока не стал. Это точно».

Необходимость устойчивости политической системы Путин и Медведев оценили по-разному. Медведев в своем первом Послании Федеральному собранию пришел к выводу, что в России слишком сильный госаппарат: «Государственный аппарат у нас — это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ». Путин, напротив, на заседании последнего Госсовета попытался оградить от нападок политическую систему, созданную им за последние 10 лет: «Политическая система не должна дрожать, как жидкий студень, при каждом к ней прикосновении».

Самым дерзким высказыванием Путина до сих пор считается его ответ на вопрос журналиста на пресс-конференции в Брюсселе в 2002 г. о войне в Чечне: «Если вы хотите совсем уж стать исламским радикалом и пойти на то, чтобы сделать себе обрезание, то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому “вопросу”, и я рекомендую сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло».

Из недавних высказываний первых лиц складывается впечатление, что они несколько по-разному оценивают использование силовых методов. Отвечая на вопрос жителя Пикалева о том, почему никто не понес уголовной ответственности за остановку предприятий в этом моногороде, Путин, немного смутившись, заметил, что вина не уголовная, а хозяйственная и нужно не арестовывать, а заставлять работать, решать проблемы, наладить производственный процесс. При этом он изрек афоризм, способный составить конкуренцию цитатам бывшего премьера Виктора Черномырдина: «Если всех пересажаем, кто работать будет?». А вот Медведев, говоря о борьбе с коррупцией, был непримирим. Он заявил: «Одними посадками проблему не решить, но сажать надо». Самой большой популярностью пользовались фирменные фразы Путина, произнесенные им в последний год своего президентства. В начале 2008 г. на большой пресс-конференции Путин отпустил ряд искрометных заявлений по поводу внешней политики. Он, в частности, посоветовал Западу не учить Россию демократии: «Пусть жену свою

учат щи варить!» Осенью этого же года, уже будучи премьером, он объяснил, как должны работать министры: «Каждый должен мотыжить, как святой Франциск, свой участок, бум-бум, ежедневно».

Очевиднее становится разница в позициях, если оценивать концептуальные высказывания — например, исторические оценки обоими лидерами советского прошлого. В мае 2010 г. Медведев дал интервью «Известиям» и сказал, что «Сталину нет прощения, СССР и после войны был тоталитарным, диктаторским, экономически неэффективным государством». Оценка отличается от путинской. В период своей второй избирательной кампании второй президент России назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». В декабре 2009 г. в ходе телевизионного общения с народом премьер Путин говорил о Сталине несколько минут, сам выбрав вопрос. Предложив разделять сталинскую эпоху на «позитив» и «негатив» и анализировать их в совокупности, премьер не скупился на разного рода «но». «Индустриализация действительно состоялась», — говорил о народном хозяйстве Путин, признав, что, «правда, крестьянства не осталось, и мы все прекрасно помним проблемы, особенно в завершающий период, с сельским хозяйством». С меньшей двойственностью премьер говорил о войне: «Даже если мы будем возвращаться к потерям, вы знаете, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовывал и стоял во главе этой Победы, потому что, если бы мы проиграли эту войну, последствия для нашей страны были бы гораздо более катастрофическими». При этом Путин обмолвился, что «весь тот позитив, который, безусловно, был, тем не менее достигнут неприемлемой ценой. Репрессии тем не менее имели место быть. Это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан».

Вообще «миф о Сталине», очевидно, рассматривался идеологами «суверенной демократии» как одна из возможностей освежить и приспособить «советский миф» о великом вожде к нуждам новой эпохи: «эффективный менеджмент», поднимающий страну с колен, ради великих целей может пренебречь свободами и людьми, а народ ради этого может примириться с некоторыми трудностями. Программы, фильмы, проект «Имя России» (аналог «Великих британцев») продемонстрировали, что консенсуса по одному из самых трагических и кровавых эпизодов советской истории в обществе нет, более того, сторонников не путинского «порядка», а «сталинского» еще так много, что

предавать окончательной анафеме вождя еще не решились.

Но, с другой стороны, уже невозможно было игнорировать и иные общественные настроения, однозначно маркирующие «эпоху Сталина» как тоталитарную. Поэтому разница в подходах Медведева и Путина к сталинской эпохе есть, но это вряд ли это борьба идей и оценок (к принципиальной политической оценке Сталина ни власть, ни общество не готовы). Скорее всего, это именно разница «стилистическая», связанная с работой на разные аудитории и общественные запросы. Путин работает на более возрастную, массовую, менее образованную и относительно консервативную часть общества (аудитория национальных госканалов). Медведев — на более молодую, образованную, взыскательную.

Шоу продолжается. Праздник Победы 2010 г. стал бенефисом Дмитрия Медведева. Так много на экране его не было еще никогда. Владимир Путин на этот раз ушел в тень. Президент не стеснялся улыбаться, как мальчишка рассматривал самолеты и с детским восторгом наблюдал за феерическим салютом, который по-настоящему выигрышно смотрелся только по телевизору. Появился даже новый формат — президент с супругой на фоне салюта. Эта картинка не раздражала. Реакции президента были эмоционально понятны, Медведев был в плотном кольце людей, в основном ветеранов войны. На экране был уже не путинский клон.

Медведев вроде бы начал играть в разных медийных регистрах, стал выходить за рамки реального персонажа и подрастать для экранного образа и, возможно, подготовки к 2012 г. Медведев уже неплохо чувствует себя в любимых путинских жанрах — он умеет отчитывать под телекамеры «своих бояр», но и способен к проявлению живых реакций — сложить дом из «Лего» вместе со школьниками. Арсенал приемов российско-советских правителей для обработки массового сознания, в сущности, меняется слабо. Большинство жаждет не новизны, а лишь подтверждения известных ему стереотипов. В этом смысле и возвращение Путина в 2012-м, в чуть обновленном образе, например «просвещенного реформатора и более человеческого человека» (такие цари в России и генсеки в СССР тоже были), может рассматриваться как возможный сценарий.

Медведев, похоже, в мае 2010-го попытался сделать свой внутренний выбор. В его словах и поступках начала мая стала сквозить не только

политическая целесообразность, но и личное отношение к происходящему. Не случайно президент именно накануне праздника Победы позволил себе резко высказаться о сталинизме, нарушая привычный ритуал и не боясь раздражить ветеранов. Он разрушил еще один канон — бережно ограждать великие победы от любого негатива. В день победных торжеств произошел взрыв на шахте в Кузбассе. И хотя ТВ традицию сохранило, стараясь не упоминать о трагедии на шахте «Распадская», Медведев лично занялся этой ситуацией прямо 9 Мая (как и взрывами в московском метро, а еще ранее — пожаром в ночном клубе в Перми, тем самым отменяя путинскую традицию выжидать и публично не реагировать сразу). Разумеется, от ритуалов никуда не денешься. Подняться на сцену во время концерта на Красной площади, пройтись по подиуму, произнести духоподъемные слова — от подобных эффектных приемов президенту пока трудно отказаться. Но он уже позволяет себе замахиваться на святое, т.е. слегка подкалывать премьера. Свою любимую игрушку — Сколково — он в прямом эфире противопоставляет любимой игрушке Путина: это вам не подготовка к Олимпиаде-2014 — все нужно сделать быстро и твердо. Этот едва угадываемый зазор в словах и интонациях участников тандема год будет усиливаться, дойдя к весне 2011 г. к почти публичной конфронтации и даже до изменения равновесия в эфире: Медведев по количеству времени в новостях стал обгонять своего партнера, а в марте 2011-го в связи с событиями в Ливии высказывания Путина про «крестовые походы» были впервые изъяты из вечерних репортажей основных выпусков федеральных каналов.

Глеб Павловский, который в метафорической форме на протяжении 10 лет объявлял о смене политических кодов, весной 2010 г. пишет о возможной заявке на будущую власть: «Модернизация заявлена как приоритет, пришедший на смену приснопамятной “вертикали” власти»¹. Модернизационный манифест — статья Медведева с символическим названием «Россия, вперед!»², опубликованная в Интернете осенью 2009 г. Подчеркнем, что данные рейтинга самого Путина на втором году его перво-

¹ Павловский Г. А поговорить? // Слон.ру, 7.05.2010 режим доступа // www.slon.ru/blogs/pavlovsky/post/370193/

² У лозунга статьи может быть две трактовки: Россия ушла назад и нужно, чтобы она модернизировалась, или Россия стоит на месте и ее движение нужно подстегнуть, указав путь. Всплывают вечные российские метафоры — дорога, тройка коней, оглобли, кнут ямщика. Как у Гоголя в «Мервых душах»: «Русь, куда мчишься ты... Не дает ответа».

го президентства (весной 2002 г.) были сильно ниже медведевских. При этом майский опрос (2010 г.) Левада-Центра показывает: 66% россиян уверены, что Медведев действует под контролем Путина и его окружения, причем 39% граждан полагают, что после выборов 2012 г. на пост президента страны вернется Владимир Путин (весной 2011 г. рейтинги обоих упали до исторического минимума).

Павловский продолжает: «Нам нужна открытость. Как только что сказал сам президент: нужна “не гласность, а свобода слова”¹. Неприятно будет, конечно, выслушивать дерзости с телеэкрана, но без этого неприятностей станет еще больше. Вот свежий пример. Подлая имитация гласности, на наших глазах устроенная московской мэрией вокруг генплана Москвы, завершилась негласным принятием того самого, палаческого для столицы документа. Вот пример, как аппарат надувает и граждан, и президента-модернизатора. Терпеть такое свинство дальше невозможно, какие уж тут будут инновации? Если Медведев всерьез хочет инновационного будущего, без открытого конфликта с этой разбойной братией, со всеми вытекающими последствиями, никак не обойтись... Приоритеты “вертикали власти” и “стабильности” сработали: страна стабильна, политический класс консолидирован. Недавние теракты в Москве не истеризовали, не пошатнули страну. Теперь надо дать ход новым людям, которые хотят работать и разговаривать человеческим языком, по-русски. На рабочем месте и в прямом эфире».

Для нас этот комментарий интересен прежде всего тем, что даже в нем уже есть намек на ближайшее шоу, в котором могут поучаствовать уже «новые лица», но и, как и 11 лет назад, главным антигероем мог бы выступить мэр Москвы Лужков. Теперь уже не выступит (отставка в 2010-го не сделает его экранным «антигером» 2012-го), правда, и «новые лица» так и не появились. Это означает, что выборы-2012, видимо, вновь должны развиваться по законам привычного телевизионного шоу. Но для того, чтобы шоу хорошо смотрелось, опять нужно будет поддерживать иллюзию развития политического процесса. Политическому актору в этом политическом шоу будет важно вновь обеспечить только аншлаг публики и элементы напряженного действия (с этим очевидная проблема), хотя складывается впечатление, что от-

работанная схема спектакля в новом политическом цикле может и не сработать.

Пожарный рубеж. Очевидный рубеж в образах тандема окончательно обозначился после летних пожаров 2010 г. С точки зрения телевидения это была первая и последняя попытка наглядно продемонстрировать их эффективное партнерское взаимодействие. Видимо, кому-то в верхах «за кадром» показалось недостаточным, что президент и премьер озабочены драматическими событиями в новостях по очереди, причем один преимущественно в действии, а другой – все больше за столом с компьютером. И, судя по всему, их производственный союз (президент – на трубке, премьер – на пожаре) решили синхронизировать на экране. И вот президент и премьер, как два самодеятельных актера, 9 минут в эфире главного канала страны разыгрывали постановку на тему «Сплоченный тандем все держит под контролем».

В кадре резиденция президента. Дмитрий Медведев за столом на фоне российского триколора. Держит телефонную трубку верховной связи. Говорит: «Да, Владимир Владимирович. Привет, еще раз. Да, ну что, как дела там?» Владимир Путин, как всегда, в идеально подходящей к цвету глаз голубой рубашке, на фоне берез в Нижегородской области. В руках какой-то специальный спутниковый телефон. Отвечает: «Ситуация тяжелая...»² Переключения из кабинета под Москвой в березовую рощу под Нижним и обратно только усиливали комический эффект, несмотря на весь трагизм и чрезвычайность ситуации. Медведев хмурил бровки, тербил пальцами край стола. Путин чуть переминался с ноги на ногу, рука с телефоном на отлете, словно честь отдает. Держал паузу, дожидаясь реплики Медведева. Финал должен был умиротворять. В кадре Дмитрий Медведев по-прежнему с трубкой на фоне триколора: «Договорились. Ладно, тогда будем на связи, Владимир Владимирович, и успехов тогда. До связи. Счастливо». Владимир Путин: «Договорились, Дмитрий Анатольевич».

До осени 2010 г. и тот и другой делали вид, что остаются потенциальными участниками выборов. В публичном поле они действовали максимально синхронно. После пожаров привычная экранная связь тандема стала синхронно-конкурентной. Автомобильными пробегами, по сути, был дан старт новому этапу в сценарии экранной «тандемократии» – конкуренции событий с участием первых лиц

¹ Одно из самых цитируемых выражений Медведева: «Свобода лучше, чем несвобода».

² Репортаж программы «Время», 30 июля 2010. Электрон. доступ // <http://www.1tv.ru/news/social/158583>

в установлении «повестки дня» (о реальной конкуренции команд или разногласиях между самими первыми лицами эксперты по-прежнему гадают).

Премьер провел автопробег на «Ладе Калине» по Дальнему Востоку — президент ответил автопробегом по России и Украине на автомобиле «Победа». Путин пообщался с народом в ходе прямой линии — Медведев дал интервью главам трех федеральных телеканалов. Президент провел заседание комиссии по модернизации — премьер собрал такую же комиссию на правительственном уровне. Эта визуальная конкуренция не казалась смысловым противостоянием. Более того, экран иногда картинно демонстрировал тандемное единство. В начале октября 2010-го, после отставки Лужкова, в момент обсуждения кандидатуры нового мэра Москвы и разговоров в экспертной среде о разном отношении Путина и Медведева к скандалу с «политически тяжеловесом» прошлых эпох, стране продемонстрировали ритуальное закусывание двух первых лиц хлебом и молоком: в голубой гостиной, с голубым фарфором, молоком с ярмарки и ломтями черного хлеба на столе (опять набор патриархальной символики).

Но эти примирительно-дружелюбные постановки уже были фоном утверждающегося нового кода — Медведев и Путин стали все очевиднее работать на разные аудитории. Президент с «айпадом» работает с продвинутыми пользователями: поэтому заявляет, что закон не может ущемлять организаторов протестных митингов, ругает милицию за бездействие на Манежной площади, произносит запрещенные фамилии оппозиционеров в эфире и признает, что у Немцова и Каспарова есть свой электорат. Путин (без твиттера, блога и даже, по его собственному признанию, без мобильного телефона) со среднестатистической российской массовкой: с фанатами встретился, участников митингов предложил «отоварить по башке», несистемную оппозицию заподозрил в том, что если дать им власть — «всю страну распродадут».

К концу 2010 г. дело дошло до публичных споров. Этот новый этап «перекодировки» образов можно описывать в категориях не столько ритуала (стилизованное символическое действие), сколько сериала (в основе — художественная идея, часто сквозная). Этот сериал перетекает из привычного формата сиюминутных новостей (принял, встретился, выступил, приехал) в дрящую новость. Сквозным сюжетом (объезд страны с заботой о народе, природе и конкретном зверье — от китов до барсов)

пронизан документальный сериал с участием Владимира Путина. Менее сюжетно выражен твиттер-сериал Дмитрия Медведева, но тем не менее сетевая активность президента становится отличительной чертой его нового образа.

Над всеми сценариями событий с участием первых лиц (Путина в больше степени) все чаще начинают витать образы и тени литературных классиков («птица-тройка», антилопа гну, персонажи Гоголя, Ильфа и Петрова), а «война образов» лучше всего раскрывается через понятие лотмановского понятия «семиосфера», внутри пространства которой «оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации». В этом пространстве, как известно, очень важно понятие границы («область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культуры»). Нам важна мысль Лотмана о том, что «семиосфера нуждается в “неорганизованном” внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Античность конструирует себе “варваров”, а “сознание” — “подсознание”»¹. В современной российской политической культуре ни государственные символы, ни праздники, ни экранные ритуалы (в том числе и экранные образы участников тандема) настолько внутренне не организованы в смысле идеологии и идентификации, что нет и дезорганизации внешней. Т.е. она, конечно, есть («русский национализм», к примеру), но она никак не выражена на телеэкране (идеология и эстетика «нашизма» вряд ли всерьез может считаться альтернативой или замещающей).

С претендующими на формирование «дезорганизирующей» силы внутри семиосферы (рок-музыканты, журналисты, молодые писатели, блогеры, режиссеры, юмористы «Комедиклаб») участники тандема стали активно встречать под «телекамеры» с осени 2010 г. История с «Юрой-музыкантом», когда Путин позволил себе не узнать Шевчука, а Медведев позже, наоборот, подчеркнул, что знает его, вывела в публичное поле традиционный для российской культурной традиции спор о художнике и власти, об интеллигенции и власти. И безусловно, оживила политический процесс.

Частушки, анекдоты, эпиграммы всегда дезавуировали образ режима. Вал самодельных и профессиональных роликов-пародий (от ТНТ

¹ Лотман о семиосфере. См. подробнее: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>

и СТС, например), размещенных в Сети, в основе которых либо официальная картинка тележизни тандема, либо скетчи популярных молодежных шоу, пришлось как раз на зиму-весну 2011 г. Проект (тоже, кстати, сериал) под названием «Поэт и гражданин» (еженедельно артист Ефремов читает злободневные стилизации Дмитрия Быкова под русскую стихотворную классику, видео размещал канал «Дождь», текстовую версию – журнал «Власть») родился весной 2011 г. и точно попал в ожидание нового политического кода – общего недовольства режимом. Пятый выпуск «Поэта и гражданина» на тему перепалки тандема по Ливии и по мотивам стихотворения Евтушенко в телеверсии на «Дожде» не вышел (решение владельца), во «Власти» вышел несколько раз переписанный текст. Самоцензура и согласование как отличительная черта российской медиасферы – предмет для отдельного разговора, но фрагмент текста оригинала дает представление о том, что раздражает в тандеме интеллектуалов и на что могли (но у нас не было возможности это проверить) обидеться члены тандема:

*Поверить в то, что это вождь,
Не согласится даже «Дождь».
Кому-кому, а нам известно,
Хоть пять корон себе надень:
Коль наша тень меняет место,
То мы отбрасываем тень.
И пусть порой он смотрит злобно
И даже пыжится, как царь, –
Тень ляжет так, как мне удобно,
И мы подружимся, как встарь.*

(Эта финальная строчка осталась и после правки.)

Ливийский рубеж. Бомбардировки Ливии весной 2011-го развели тандем. Впервые в публичном пространстве. Премьер назвал решение Совбеза ООН «ущербным» и употребил выражение «крестовый поход» – именно так накануне Каддафи назвал действия союзников. Президент возмутился и заявил: «Ни в коем случае нельзя использовать выражения, которые, по сути, ведут к столкновению цивилизаций... Об этом должны помнить все».

Медведев не просто сменил тон, он всем своим видом подчеркнул серьезность произнесенного. Глава государства стоял под камерами на фоне высоких сосен – такой план раздвигает пространство кадра и визуально дает зрителю ощущение свободы. Одежда цвета хаки, курточка с гербом и надписью «главнокомандующий ВС РФ». Президент спокоен и уверен в себе.

Четко расставляет акценты. По поводу «крестовых походов» – крайняя степень раздражения. Почти угроза.

Что это было? Ожидаемое многими начавшееся противостояние? Но так трактовались по меньшей мере уже три заочных перепалки между Путиным и Медведевым последнего времени: по поводу внесистемной оппозиции, дела Ходорковского и Лебедева, раскрытия теракта в Домодедово. Ливия, конечно, тема знаковая. Она, по сути, про вектор развития и про то, с кем Россия. Тогда никого конфликта нет: партнеры сыграли в «западника» и «охранителя», в «прогрессиста» и «стабилизатора» (по предложенному ИНСОРОм партийному делению). Эти роли ими давно освоены. Но политолог Глеб Павловский говорит, что заявление Путина – это ошибка Путина. И это любопытно. Раньше, выходит, Путин публичных ошибок не делал, а «игра в четыре руки» получалась хорошо. Телевизионная картинка на протяжении этого медиатизированного десятилетия стала косвенным признаком каких-то перемен. В последнее время – а этого не было почти три года – премьер Путин стал появляться вместе с членами своего кабинета на совещаниях у президента Медведева. Сидит, кстати, в отличие от министров, не по-школярски придвинувшись к столу, а откинувшись от него. Ничего не записывает. Сидит, смотрит на того, кто во главе стола, слушает.

После заявления по Ливии впервые за многие годы Путина изъяли из вечернего эфира федеральных каналов. Как будто днем премьер не выступал. Как будто это выступление днем не крутили эти же каналы. В информационном прайм-тайме царил только Медведев. Часть зрителей вряд ли даже поняла, кого именно распекает президент.

Выходит, что Путин не только ошибся, но и понес серьезное наказание – его секвестировали из информационного потока. Но далеко идущие выводы из этой истории делать рано. В конце концов, Ливия такая тема, что, может, сам Путин понял, что перебрал с личным мнением и нехорошо так грубо заступать на территорию Дмитрия Анатольевича. Нежелательный резонанс смикшировали нежелательным и привычным способом – просто не показали. Несмотря на то, что господин Медведев совсем недавно упрекал телевизионных начальников в «драматическом разрыве» повестки дня между телеэфиром и Интернетом.

Осенью 2010 г. – зимой 2011-го именно В. Путина (возможно, как более опытного игро-

ка) продолжают пробовать в разных регистрах. Образ Путина начинает дрейфовать от образа «благородного отца» в сторону «героя любовника». Ему предлагают попробовать себя в роли гламурного секс-символа (раздевшиеся в честь премьеры девушки-студентки — война «календарей»; вечеринка «Путин-пати» в клубе «Рай» в том же контексте «хочу Путина»). Путин — как патрон и символ будущих спортивных свершений. Опосредованно на образ Путина работает даже видеолегенда (во время национального голосования на Первом канале показывали мультисторию персонажей, претендующих стать олимпийскими символами), придуманная для любимого зверя Путина — барса, ставшего одним из трех олимпийских талисманов: она использует тему мужественного одиночки, спасающего свой народ от страшной лавины и стилизована под восточную сказку, в которой, кстати, есть мотив об учителе и ученике.

Владимира Путина под Рождество даже попытались вписать в приветствуемое мировой элитой и привычное для мировой светской тусовки мероприятие: премьер спел вместе с мировыми звездами кино и шоу-бизнеса на благотворительном концерте в помощь больным детям. С организаторами и помощью детям случился скандал, и символическое утепление образа Путина — так необходимое для внешнего обращения за пределами России — не случилось.

Все эти плохо увязанные одна с другой публичные акции с неочевидным телевизионным эффектом, свидетельствуют об отсутствии единого сценария информационной кампании не только для верховной пары, но и для каждого отдельно. Некоторые эксперты полагают, что Путина «подставляет» грубая в политических коммуникациях «партия третьего срока», а команды членов тандема уже с трудом договариваются. Все это не исключает, что и эти «мне-

ния» — тоже часть предвыборных спекуляций.

Закончится ли в 2012 г. время властного тандема для одного из нынешних партнеров? На этот вопрос ответ по-прежнему знают только двое. Решения — как и для кого именно — может не быть до самого конца, и так необходимая интрига будет сохраняться. Но весна 2011 г. дает повод предположить, что выдвинуться могут оба, поскольку никакой иной убедительной драматургии — в том числе зрелищной — не просматривается. «Тандем» как экранный образ не укрепил «вертикаль» (слово это, кстати, постепенно стало исчезать из употребления) и, разумеется, разрушил даже магию «имитационных ритуалов», которые пытались выстроить под Путина в его президентство.

У режиссеров грядущих выборов ограниченный набор возможностей и персонажей: нет полноценной идеи, на серьезных «антигероев» нет времени, на серьезных «героев» — ни времени, ни желания. Принципиальная примета новой реальности — появление раздробленной, но уже оформившейся протестной культуры на границах привычной семиосферы.

Парадокс «несогласных», объединивший таких разных Лимонова, Каспарова, Рыжкова, Немцова, Касьянова и сочувствующую интеллигенцию — от Улицкой и Шевчука до Быкова, — лишь подтверждает старое дореволюционное и советское правило. В «мировоззренческое подполье» (ныне оно, конечно, условно — представителей оппозиции не пускают лишь на федеральные каналы) недовольных режимом объединяются люди разных идеологических позиций. Поэтому главное, что, видимо, предстоит сделать сценаристам выборов 2012-го, это вновь сконструировать образ обновляющейся России. «Без вертикали» и с элементами политической конкуренции. Лица вряд ли имеют значения — «образ» подгонят.

Лев ГУДКОВ
Алексей ЛЕВИНСОН

Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя*

В марте 1991-го, через год с небольшим после смерти А.Д. Сахарова и за несколько месяцев до конца СССР, ВЦИОМ, тогда еще — «Всесоюзный» центр изучения общественного мнения, провел социологическое исследование «Образ А.Д. Сахарова в общественном мнении»¹. Известность Сахарова на тот момент достигла максимума: о нем знали 95% городского населения СССР². Как писал Ю.А. Левада, «"социологический" портрет человека, особенно человека такого масштаба личности и силы воздействия на общественное сознание и воображение, — это автопортрет общества с его пристрастиями и иллюзиями»³. *Что и как* выделяет общественное мнение в потоке событий и оценке людей соответствующей эпохи, проясняет характер ценностей и нравов этого общества.

Важнейшим моментом кристаллизации образа Сахарова и сохранения его в дальнейшем в качестве образца морального авторитета на долгие годы (включая даже то время, когда сам Съезд стал восприниматься как малозначимый эпизод давней истории) оказались события 4 июня 1989 г. — яростное сопротивление депутатов I Съезда народных депутатов СССР выступлению А.Д. Сахарова по поводу признания войны в Афганистане «преступной». Как показали первые опросы ВЦИОМ, абсолютное большинство населения СССР выступало против этой войны и надеялось на ее быстрее завершение (не сказать, что требовало таково-

го). Массовые настроения, начавшие тогда выплескиваться в публичное пространство, резко контрастировали с настроениями номенклатуры, представленной большей частью депутатов. «Впервые кумир прогрессивной интеллигенции, моральный лидер горстки диссидентов был признан как выразитель мнения *большинства*. Руководству страны пришлось считаться с этим и фактически принять позицию Сахарова в отношении афганской войны»⁴.

Опрос 1991 г. зафиксировал контекст формирования легенды о Сахарове:

56% слышали выступления Сахарова на съездах народных депутатов;

55% заявили о том, что им близки общественно-политические взгляды Сахарова;

54% согласны с тем, что Сахаров обладал высокими нравственными качествами;

52% полагали, что Сахаров занялся политической и правозащитной деятельностью из чувства ответственности за происходящее в стране.

В последующие годы в исследованиях нашего Центра много раз так или иначе затрагивались различные аспекты отношения к Сахарову, памяти о нем, россиянам задавались вопросы о его влиянии на постсоветское общество, важнейших событиях того времени, которые связаны с именем Сахарова, о поддержке его взглядов. В мае 2010 г. тот же исследовательский коллектив, называющийся теперь Аналитическим центром Юрия Левады, провел общероссийский репрезентативный опрос с целью выяснить, что сохранилось в массовой памяти о Сахарове, для кого этот образ остается значимым символом перемен⁵. Кроме того, в том же году были проведены несколько фокус-групп с тем, чтобы расширить и детализировать коллективные представления о нем, полученные в ходе массовых опросов.

Сегодня А.Д. Сахаров известен прежде всего как правозащитник. Именно эта сторона его жизни акцентируется в ответах 60% россиян

* Данная статья представляет собой предварительный вариант текста, подготовленного для книги «Сахаровский сборник» (М., РГГУ, 2011, составитель А.П. Бабенышев), выход которой ожидается к юбилею А.А. Сахарова в мае этого года.

¹ Человек и легенда. Образ А.Д. Сахарова в общественном мнении. М.: Дата, 1991. 32 стр. Опрос проводился среди городского населения различных регионов страны — России, Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, Казахстана. Общее число опрошенных составляло 2000 человек. Текст брошюры написан в основном Ю. Левадой.

² Следует сделать поправку на тогдашние возможности и ресурсы нашего центра — это был всесоюзный опрос, но лишь *городского* населения; полная выборка, конечно, дала бы существенно более низкие цифры известности, но в любом случае не ниже 80% всей выборки.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Общероссийский опрос населения старше 18 лет, число опрошенных — 1600 человек.

(май 2010 г., N=1600), и именно она получает самую высокую оценку населения, оказывается доминантой отношения к нему. 77% из тех, кто помнит о нем или для кого это имя остается значимым, относятся к его деятельности с уважением и благодарностью; отрицательно оценивает его малозначимое меньшинство, менее 4%; гораздо больше тех, кто равнодушен к его жизни и деятельности, таких индифферентных – 19%).

Но для начала рассмотрим данные первого нашего опроса¹.

Диагноз стране. Ключевым моментом деятельности Сахарова, по мнению тогдашней публики, были его выступления против афганской войны. Они произвели громадное впечатление на общество, поскольку в них как в фокусе собрались и преломились основные темы коммунистического режима и будущего страны: война, государственное насилие и репрессии, ответственность властей за развязывание войны, террора и положение дел в стране.

Его открытая моральная и гражданская позиция по этим вопросам была высоко оценена гражданами. В ходе трех опросов, проведенных в декабре 1989 г. (незадолго до смерти Сахарова и вскоре после нее), явно прослеживалась склонность наибольшей группы отвечающих на вопросы к солидарности с Сахаровым, особенно заметная после неожиданной кончины академика. Число его противников или оппонентов заметно уменьшилось (табл. 1).

Таблица 1
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА?

Вариант ответа	Начало декабря	Середина декабря	Конец декабря
Вполне одобряю	43	45	58
Не вполне одобряю	12	11	7
Не одобряю	10	8	2
Затруднились ответить	35	36	33
Выборка по России N=...	800	1600	1300

Общесоюзный репрезентативный опрос, 1989 г.

Даже те, кто не был готов полностью солидаризироваться с взглядами Сахарова по другим вопросам, разделяли его общие оценки полити-

¹ Материалы самых ранних опросов об отношении к А.Д. Сахарову опубликованы А.П. Бабеншиевым в «Сахаровском сборнике», изданном в 1981 г. и переведенном на 6 языков (на русском – в Нью-Йорке).

ки советского государства. В предельно сжатой форме это общее понимание можно выразить таким образом: афганская война, развязанная старцами из Политбюро ЦК КПСС, является аморальным и безответственным предприятием, подлежащим безусловному осуждению; такие вещи возможны только в репрессивном обществе, где нет политических свобод, а права человека систематически нарушаются; выход из этого состояния предполагает проведение последовательных и всесторонних реформ – от политического устройства до экономики и судебной системы, что невозможно без постепенного сближения с западными демократическими странами, без политики конвергенции. 71% опрошенных в 1991 г. были согласны с тем, что введение советских войск в Афганистан явилось *государственным преступлением*²; 64% заявили о том, что в СССР имеются политические заключенные³; 63% считали, что Советскому Союзу следует в будущем идти по пути развитых стран Запада.

Однако подобным оценкам общественного мнения предшествовал ряд событий, определивший некоторый набор условий для агиографической стереотипизации жизни или образа А.Д. Сахарова как «человека легенды», как «героя, противостоящего злым силам», несправедливой власти, страдальца и победителя. Далекое не всякий правозащитник и диссидент, отбывший срок в советских лагерях, мог стать такой фигурой, получившей столь важное признание в качестве морального авторитета в обществе и тем самым оказавшей сильнейшее влияние на общество того времени. Для этого он предварительно должен был получить двойное признание: во-первых, со стороны независимых от политической власти источников авторитета (научных кругов, мировой общественности, правозащитников, интеллигенции), а во-вторых, от самой власти. Кроме того, такая фигура должна быть свободна от подозрений в честолюбии, эгоизме, личных амбициях и тому подобных корыстных мотивах деятельности, в которых циничное общество, прошедшее через семьдесят лет тоталитаризма,

² Дополнительным подтверждением значимости сахаровских выступлений по этому поводу является то, что вывод войск из Афганистана стал одним из важнейших событий этих лет, резко повысивших доверие к Горбачеву и усиливших веру в возможность политических перемен.

³ Сегодня даже трудно представить себе, что можно было говорить иначе, но в то время пробить стену государственного лицемерия, лжи и пропаганды казалось невероятно трудным. Видимо, это стало возможным только в сочетании нескольких тематических линий – несправедливой афганской войны, нежелания отвечать за нее, страха за детей, желания освободиться от страха перед репрессиями, надежды на изменения к лучшему в стране и т. п.

литарного режима и идеологической пропаганды, готово подозревать любого, кто осмелится выделиться из серой массы и тем более – противостоять большинству. Стало быть, прежде чем такой человек в глазах большинства станет «праведником», его биография «должна» включать свидетельства не просто конфронтации с властью, но и годы преследований, клеветы, шельмования, лишения прежних привилегий и благ, раздаваемых властью своим «ученым» и «заслуженным деятелям».

Первая фаза известности Сахарова после многих лет «секретного существования» и работы в закрытой области науки связана с официальной кампанией дискредитации, развязанной в советских СМИ, после того как он стал в конце 1960-х гг. одним из активных участников правозащитной и миротворческой деятельности, открыто заявившим о себе как о стороннике мирного сосуществования государств с разными политическими системами, ядерного разоружения, критиком советского тоталитаризма. Присуждение Сахарову Нобелевской премии мира в 1975 г. резко расширило зону его известности, поскольку этот факт нельзя было скрыть от населения (можно было лишь девальвировать его заказными комментариями), а ссылка в Горький в 1980-м повысила статус выступлений академика и тем самым превратила его в символ демократического движения в СССР, придала ему гораздо более общее значение лидера ненасильственного, нравственного и правового движения за перемены.

Именно с этого времени пропаганда сделала имя Сахарова известным в стране, хотя массового понимания сути его выступлений в 1970-х – первой половине 1980-х гг. ждать не приходилось. За пределами довольно узкого круга людей – слушателей зарубежного радио, читателей самиздата, участников сетевых каналов общения и обмена неформальной информацией, по которым поступали сведения и интерпретации его действий, оценки его позиции и выступлений, о нем мало кто знал. Объем этого слоя можно очень приблизительно оценивать исходя из расчетов мощности каналов самиздата в конце 1970-х – начале 1980-х гг. примерно в 5–7%, максимум (включая аудиторию зарубежных «голосов») – 10% взрослого населения СССР. Данные опросов, полученных уже после смерти А.Д. Сахарова, дают другую, идеализированную картину его известности. Даже учитывая, что эти сведения получены от опрошенных жителей городов, все равно приходится признать их сильно за-

вышенными (эффект «спирали присоединения к мнениям предполагаемого большинства»), особенно принимая во внимание, что это был не российский, а союзный опрос. Так обычно бывает в случаях ретроспективной оценки влияния «великого человека», его массового и эмоционального признания. Но сам рост осведомленности о нем отражается в них более или менее правдоподобно (табл. 2). Вместе с тем, уже сам факт ретроспективного преувеличения известности Сахарова говорит о значимости его выступлений в переломные, кризисные годы «перестройки».

Таблица 2
КОГДА ВЫ ВПЕРВЫЕ УЗНАЛИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Д. САХАРОВА? (в % к числу опрошенных)

Не знают такого	18
Услышали о нем в...	
1950-х гг.	0,6
1960-х гг.	5
1970-х гг.	18
1980-х гг.	25
1989 г.	17
1990 г.	10
Не помнят	7

Март 1991, N=2100

Следует учитывать, что рост известности и признания авторитета Сахарова происходил не вопреки официозу, а скорее даже благодаря ему. Установки, спускаемые сверху, из ЦК КПСС, шли во все главные редакции Союза, начиная от АПН и ТАСС и кончая районной многотиражкой. Злобная травля, шельмование академика и клевета на него резко выделяли его имя в ряду всех прочих, придавая ему особый статус и значение. Даже ссылка в Горький и изоляция там Сахарова не останавливали процесс расширения зоны известности. По данным опроса марта 1991 г., 47% опрошенных давно знали о его семилетней ссылке в Горьком (еще 21% узнали об этом только после его возвращения). К этому моменту значительная часть общества (хотя и она, конечно, не превышала 15–20%) уже не просто не доверяла СМИ, а воспринимала подачу официальной информации с обратным знаком. Важен был сам факт травли, указывающий на то, что человек, ставший ее объектом, поступает и действует не просто «порядочно», «правильно» и «хорошо», но делает то, на что не решается основная масса «обычных» людей. Даже внутренний акт такого альтернативного уважения, пусть даже выражаемого не публич-

но, а для себя (среди своих), оказывался крайне значимым для укрепления групповой идентичности. Оно снимало с человека тяжесть вынужденного конформизма, хотя, как показывает дальнейший постсоветский опыт политического и социального развития, не устраняло проблемы двоемыслия, а скорее, напротив, укрепляло формы социального приспособления. Такой механизм «разгрузки» от угнетающего сознания собственного бездействия, нерешительности, оппортунизма, присущего абсолютному большинству советской интеллигенции, а именно она была основной аудиторией сахаровских обращений, оборачивался переносом на Сахарова преувеличенного почитания его как героя, как святого или отчасти как юродивого. В полной мере это выразилось уже к началу перестройки, которая для многих, собственно, и началась только тогда, когда Сахарова вернули из ссылки, или в которую многие тогда «поверили».

Главным источником информации о Сахарове для опрошенных были прежде всего советские СМИ (об этом в 1991 г. сказали 67% от числа тех, кому это имя что-то говорило) или зарубежное радио (слышали «по голосам» еще 11%). Кроме того, 14% ответили, что узнали о Сахарове «от друзей и знакомых». Все другие источники назвали 2%. 6% затруднились сказать, откуда они впервые услышали о Сахарове.

Верили ли люди в брежневские годы газетным статьям о Сахарове? Трудно сказать. Данные опроса здесь мало помогают. Основная масса респондентов ничего внятного в данном случае сказать не может. «Не помнят» таких публикаций 27% опрошенных, еще 31% затруднились ответить на подобные вопросы (правда, среди последних — много молодых людей, которые были просто не способны что-то сказать по этому поводу, т. к. на эти годы пришлось их раннее детство и юность). 30% опрошенных считают, что «большинство верило им» (тем самым на невнятное социальное «большинство» проецируется собственное интеллектуальное, психологическое и моральное состояние коллективного оппортунизма этих респондентов: никаких аргументов в пользу подобных соображений привести невозможно, но апелляция к большинству позволяет отчасти дистанцироваться от латентной негативной посылки: «брежневская пропаганда — явная клевета или сознательная дезинформация»). Всего 12% полагают, что «большинство не верило» антисахаровской газетной кампании и пропаганде.

Задним числом (напомним, что речь идет об опросе 1991 г.) респонденты явно преувели-

чивают позитивное отношение к Сахарову, когда утверждают, что во время травли академика окружавшие их люди — в своем узком кругу — высказывали симпатии к Сахарову (таких оказывается 29%, а о том, что кто-то среди их знакомых выразил их публично, заявили 0,6%). Но почти половина (47%) об этом ничего не может сказать (а это для нас является более важной характеристикой «молчаливого большинства», нежели мнения о том, что оно тогда думало), еще четверть (24%) утверждают, что «такого» (т. е. одобрения деятельности Сахарова) не было, никто из их знакомых ни «на людях», ни «среди своих» подобным образом не высказывался. Эти данные на первый взгляд противоречат уже высказанным соображениям о широкой известности Сахарова и его последующему признанию. Проблема здесь несколько более сложная. Известность, несомненно, была, понимание сути происходящей травли тоже, но в силу общего, среднего конформизма не возникало личного отношения к человеку, подвергнувшемуся шельмованию, и к самому факту грязной кампании. Эти обстоятельства укладывались на разные «полочки» сознания. Только когда ситуация в СМИ изменилась, когда стало «можно» говорить о Сахарове в других тонах, проявились и другое понимание, и другое отношение.

Важно подчеркнуть, что мнения о моральной или человеческой, гуманитарной стороне травли Сахарова весьма зыбки, не очень выражены и слабо артикулированы. В той атмосфере всеобщего сожаления после его смерти, выражения сочувствия к его единомышленникам и уважения к Сахарову только 50% опрошенных называют действия советских властей «незаконными и неоправданными». Другая половина респондентов, даже спустя несколько лет после возвращения Сахарова из ссылки и выхода его на общесоюзную арену, не в состоянии дать действиям власти какую-либо оценку, склоняясь к бессодержательному «такова жизнь», «не могу ничего сказать об этом» (табл. 3; впрочем, и наши сентенции по этому поводу — очень субъективны и отражают наш взгляд на положение того времени; оценки — «стакан наполовину пуст» или «наполовину полон» — выносятся с учетом личных ожиданий и представлений о возможностях общественного развития). Характерно, что очень немногие поэтому даже в 1991 г. решались назвать взгляды Сахарова «антисоветскими» (всего 9%), большинство (66%) возражало против такой их характеристики (25% постарались уйти от ответа, укрывшись в удобном «затрудняюсь ответить»).

В ответах опрошенных нет ни особого стремления к оправданию советского агитпропа, прессы и КГБ, преследовавших Сахарова, ни особого желания осудить и наказать этих людей. Готовы защищать их или, по крайней мере, настроены против их наказания 18%. 3% опрошенных считают, что преследовавших Сахарова «нужно простить». Еще 17% полагают, что «достаточно назвать их имена», чтобы их отметило общественное мнение. Затруднился ответить или ушел от ответа в силу индифферентности отношения к этим проблемам или нежелания, страха ввязываться в обсуждение подобных «щекотливых» вопросов каждый пятый опрошенный (20%). Однако 40% настаивали на наказании, в том числе – 25% считали, что речь должна идти об административных мерах или санкциях (освобождении таких людей от занимаемых ими постов, лишении персональных пенсий), а 15% – о привлечении их к суду. Но эти благие пожелания никак не выразились в практических действиях, следствия чего мы можем наблюдать и сегодня: многие из руководителей тогдашнего КГБ ныне являются высокопоставленными чиновниками, членами правительства и т. п.

Таблица 3
ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ДЕЙСТВИЯХ БРЕЖНЕВСКОГО РУКОВОДСТВА СТРАНЫ В ОТНОШЕНИИ САХАРОВА? (в % к числу ответивших)

Это были совершенно неоправданные и незаконные действия	50
Может быть, эти действия были не совсем правильными, но такова реальность политической борьбы	11
Это были вполне законные и правильные действия + считаю, что с ним вообще слишком мягко обходились	1
Ничего не знаю об этом	19
Затрудняюсь ответить	19

Структура известности. Стремительный рост авторитетности Сахарова обусловлен сочетанием нескольких смысловых линий. Несомненной принадлежностью к советской элите, с одной стороны, причем важно, что эта элита – как бы неидеологическая, это самая «чистая наука», физика; с другой стороны, причастность к этой специальности имеет абсолютно очевидное, в том числе и для массы обывателей, прикладное применение: создание ядерного оружия, без которого не мыслится обретение статуса «великой державы», что опять-таки чрезвычайно высоко ценится массовым сознанием. К тому же для общественного мнения научные заслуги Саха-

рова не подлежат сомнению. Для всех очевидно, что он не номенклатурный начальник, не научный администратор какой-то отрасли ВПК, представленный в АН СССР, а действительно самостоятельный ученый, крупнейший в своей области, заслуги которого были подтверждены наградами и академическими званиями задолго до того, как он оказался в рядах оппозиции. Дополнительным фактором признания его заслуг («объективным свидетельством его достижений») оказывается независимое от советской власти присуждение ему Нобелевской премии. И то, и другое обстоятельство снимает с его «опозиционности», противостояния власти налет «корысти», личной заинтересованности, индивидуальной ущербности, статуса неудачника в жизни, что постоянно подчеркивала советская пропаганда, когда говорила о правозащитниках (отщепенцы, предатели, мелкие честолюбцы и т. п.)¹.

«Давно», по их словам, знали, что Сахаров был одним из создателей водородной бомбы, 38% опрошенных; что он еще в начале 1960-х гг. выступил против испытаний и распространения ядерного оружия – 22%; что стоял у истоков правозащитного движения – 21%; что выступил уже в 1979 г. против введения войск в Афганистан – 26% (март 1991-го).

Таблица 4
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ САХАРОВ ЗАНЯЛСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ?

Вариант ответа	В % к числу опрошенных	В % к числу ответивших
Из сострадания к людям, попавшим в беду	13	16
Из чувства ответственности за то, что происходит в стране	44	54
Из честолюбия, жажды прославиться	0,3	0,4
Чтобы искупить свою вину за создание водородной бомбы	4	5
Он занялся политикой, потому что исчерпал себя как ученый	2	2
Затрудняюсь ответить	18	22
Нет ответа	18	–

Март 1991 г.

¹ Этот момент принципиально отличает его от политиков новейшего времени, не могущих освободиться от подозрений и обвинений в том, что они «разворовали» страну, в коррупции, в корыстных мотивах деятельности. Защищаться от подобных подозрений или клеветы, не имея доступа к СМИ, чрезвычайно сложно, как показывает опыт недавних выступлений В. Путина по ТВ (прямая линия 16.12.2010). По отношению к А. Д. Сахарову этого сделать было никак нельзя.

Как видно из табл. 4, такие попытки обвинения или дискредитации Сахарова как ученого не работали. Чистота его моральных помыслов и мотивов действия в общественном мнении оставались вне подозрения. (Поэтому пропагандисты пытались переложить ответственность за его поведение на жену или близких академика, представить его как человека, сбитого с толку окружением.)

Таблица 5

КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СОЗДАЛ САХАРОВУ ВСЕМИРНУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ? (в % к числу ответивших; не ответили – 18%)

Он сам своими трудами и выступлениями	68
Те, кто его преследовал	5
Газеты, радио, телевидение	7
Западные спецслужбы	2
Жена Сахарова	0,5
Горбачев	1
Затрудняюсь ответить	15

Март 1991 г.

Таблица 6

ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНОЙ ЗАСЛУГОЙ САХАРОВА ПЕРЕД СОВЕТСКИМ ОБЩЕСТВОМ? (в % к числу ответивших, не ответили – 18%)

Участие в создании водородной бомбы	10
Участие в борьбе за запрещение ядерного оружия	22
Участие в правозащитном движении	25
Инициативы политических реформ в советском обществе	19
Другое	0,4
Затрудняюсь ответить	23

Март 1991 г.

Таким образом, сочетание давности признания заслуг Сахарова и экстраординарности его действий и выступлений (с точки зрения большинства населения страны) указывали на несомненные нравственные мотивы поведения, что в аморальном советском обществе воспринималось как нечто экстраординарное, неизвестное абсолютному большинству людей. Осознание этой необычности принимало форму либо полного отрицания смысла его действий («Чего ему еще надо? С жиру бесится...»), либо признания ненормальности этого феномена (дескать, человек не от мира сего, юродивый, святой т. п.), что, собственно, и стало условием его бесспорного авторитета и уважения в обществе. Причем в общественном мнении того времени укрепился образ Сахарова как одинокого борца

(так считали 9% всех опрошенных), поддерживаемого немногочисленными единомышленниками (28%). Остальные либо затруднились ответить (32%) на вопрос, кто был рядом с Сахаровым или кто поддерживал его в его борьбе против брежневского режима, либо считали, что таких людей было «много» (13%).

Последующие опросы общественного мнения лишь подтверждают такую характеристику его личности и авторитета.

Таблица 7

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, КТО ТАКОЙ АКАДЕМИК САХАРОВ, ЧЕМ ОН ЗАНИМАЛСЯ, ЧЕМ ИЗВЕСТЕН В РОССИИ?*

Вариант ответа	1997	2010
Знаменитый физик / физик-ядерщик	47	44
Один из создателей советской водородной бомбы	28	29
Лауреат Нобелевской премии мира	20	–
Боролся за политические реформы в советском обществе	17	–
Правозащитник, диссидент	14	18
Выступал против ввода советских войск в Афганистана	–	13
Стал академиком в 30 с лишним лет	14	–
Участник борьбы за запрещение испытания ядерного оружия	13	9
Лидер демократических сил в конце 80-х гг.	9	–
Политик, депутат Съезда Советов, один из лидеров демократической межрегиональной депутатской группы	8	11
Антисоветчик, выступавший с клеветой на советский строй	4	–
Один из советников Горбачева	3	–
Отец перестройки / демократических преобразований в СССР	3	–
Не знаю точно, чем занимался	16	6
Не знаю, кто такой Сахаров	11	24

* В таблице сведены результаты двух опросов, содержащих разный набор вариантов ответа. Поэтому их нельзя сравнивать буквально, но сам ранг частоты тех или иных вариантов ответа остается значим и должен приниматься во внимание.

В марте 1991 г. 19% не знали, что академик – Нобелевский лауреат. Среди оставшихся тоже не было уверенности в том, какого рода сторона его профессиональной или общественной деятельности получила такую высокую оценку Нобелевского комитета. 34% опрошенных попросту не знали этого; мнения других относительно того, за что Сахарову присуждена самая престижная в мире премия, существенно разо-

шлись: 24% полагали, что за открытия в области физики, 4% — за деятельность в сфере борьбы за ядерное разоружение, 20% — за деятельность в защиту прав человека. Иначе говоря, его известность носила всеобщий и не очень определенный или конкретизированный характер доверия, складывавшегося из разных источников. Важно было, что тон тогда задавали наиболее образованные и реформистски настроенные слои и группы советского общества, влияние которых старались нейтрализовать консервативные, еще цензурируемые СМИ и партийная пропаганда. Лишь 6% читали текст предложенной Сахаровым Конституции СССР, 33% — слышали о нем, но сами не читали, 61% — ничего не знали об этом. 28% читали некоторые общественно-политические статьи академика (многие его работы такого рода — лишь 1%).

Мнения об успешности или результативности деятельности Сахарова и его выступлений также были довольно противоречивыми: считали, что он добился многого, 15%, что были некоторые успехи — 35%, мало чего добился или даже ничего не достиг — 29%, затруднились ответить — 21%. Аналогичное понимание сахаровского влияния отразилось и в том, сколько у него, по мнению опрошенных, оказалось последователей: отдельные люди — так считали 18%, сотни и тысячи людей — 27%, десятки и сотни тысяч — 7%, миллионы — 6%, десятки миллионов — 3% (затруднились ответить — 39%).

Такое распределение мнений сохраняется и в дальнейшем, а это значит, что оно постоянно воспроизводится (в каждом молодом поколении), что есть социальные, информационные каналы, поддерживающие сложившийся в начале 1990-х образ Сахарова, что эта легенда функционально значима. Стало быть, отношение к Сахарову уже не зависит от конкретного состава людей, слушающих о нем, вспоминающих его или рассказывающих о нем другим, приводящих его в качестве примера общественной позиции или образца для авторитетного суждения.

Это отношение к нему закрепилось и возвысилось до значения мирового образца. В общероссийском репрезентативном опросе, проведенном в марте 1994 г. (N=1800), 69% респондентов заявили о том, что они весьма позитивно оценивают его деятельность и Сахарова как человека (нейтральные оценки дали 22%, отрицательные — всего 5% и 4% затруднились сказать что-то в этом отношении). 62% опрошенных охарактеризовали роль Сахарова в мировой истории (N=3000) как «значительную» и «положительную» (оценили ее как «незначительную» — лишь 11%, отрицательные высказы-

вания характерны для совсем небольшого числа респондентов — 3%). Правда, уже 25% опрошенных затруднились ответить на вопрос такого рода. Примерно столько же (а именно 61%) позитивно оценили в 1995 г. роль, которую сыграл Сахаров за годы «перестройки» («незначительной» ее назвали 7%, «отрицательной» — 5%; остальные — 26% — затруднились ответить).

Детали уходят, но установка, ценностное отношение сохраняются.

В 1998 г. 76% не смогли объяснить или не знали, что означало в СССР слово «диссидент» (в сумме лишь 6–8% сказали: это те, кто выступал против власти, строя, правительства; около 3–4% считали, что это «инакомыслящие», несогласные с властью, недовольные; около 2% — «оппозиция», «противники советской власти»; 3% дали в общей сложности ответы — «предатели, враги народа, изменники Родины», «перебежчики», «шпионы»; еще 2% — «болтуны», желающие эмигрировать и т. п.). Несколько позже, в 2000 г., уже мало кто помнил о том, кто был лидером Межрегиональной депутатской группы в 1989 г. (затруднились с ответом, не смогли никого назвать уже 83%). Собака в этом контексте назвали 10%, Ельцина — 8%, Сахарова — 6%.

Характер образа (структура его черт, наиболее важных для общественного или коллективного сознания) кристаллизовался вскоре после смерти академика и далее практически не менялся в памяти тех, для кого его имя остается значимым. Это все тот же ореол героической личности, «один в поле воин», решившийся отстаивать свои взгляды и позиции невзирая на окружение.

Таблица 8
КАКИЕ ЧЕРТЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРИСУЩИ САХАРОВУ?

Вариант ответа	1997	2010
Мужество	36	35
Справедливость	25	28
Дальновидность	23	30
Независимость	19	20
Решительность	18	29
Ответственность	15	21
Отзывчивость	7	7
Ранимость	6	6
Наивность	5	6
Беспомощность	5	6
Расчетливость	5	9
Самовлюбленность	1	2
Озлобленность	2	1
Отрыв от реальной жизни	7	7
Затруднились ответить + нет ответа	33	21

N=1600

Таблица 9

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ, ВСПОМИНАЯ О САХАРОВЕ, А КАКИЕ ЧУВСТВА ПРОЯВЛЯЮТСЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ У ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ?*

	1991	1996	2010**
	Вы сами	Окружающие вас	Окружающие вас
Уважение	47	32	50
Гордость	2	10	–
Скорбь, утрату	9	16	–
Сожаление, раскаяние	5	8	–
Никаких особых чувств	3	9	26
Большинство не вспоминает о Сахарове	10	30	–
Неприязнь	0.5	2	3
Ничего не знают о нем	–	–	7
Затруднились ответить	12	13	14

* В таблице сведены результаты опросов разных лет с разным набором вариантов ответов. Поэтому сопоставлять можно не числовые выражения мнений, а лишь «ранги» соответствующих общественных установок, мнений или точек зрения. «—» означает, что в соответствующем опросе таких вариантов ответа не было.

** В процентах к числу ответивших.

Контекст памяти. Начало демократическим переменам в стране положил, по мнению большинства опрошенных, именно Горбачев (55%, российский опрос 1990 г., N=1300). Другие варианты назывались существенно реже: «прогрессивные люди в партии» — 17%, «КПСС в целом» — 7% и лишь затем — «Сахаров и другие правозащитники» (около 12%). Назывались также в этой роли Хрущев (5%), «ученые, хозяйственники», «национальное возрождение в республиках» (в сумме 2%). Сахаров ни тогда, ни в последующие годы не воспринимался как инициатор трансформаций или социальных перемен в стране, в этом смысле — на нем не лежит груз ответственности и вины за неудачу реформ. Он был тем, кто задавал ориентиры развития и критерии оценки состояния дел в стране, критиком власти. В этом заключалась его важнейшая роль и общественная функция в обществе, в котором отсутствовали представления о гуманности и законности.

Его авторитет остается почти неизменным, если судить по установкам значительной мас-

сы людей, а это заставляет задуматься о функции, которую он играет в структуре массового сознания. Можно предположить, что о нем помнят главным образом потому, что с его образом не связывается *собственная ответственность* респондентов за положение дел в стране или императивы личного действия, необходимость (долженствование) действовать так, как вел себя Сахаров. Напротив, он остается изолированным примером морального действия, которое не может быть повторено другими, обычными людьми. Он «велик», потому что его образ действий (несомненно, моральный) не предполагает следования за ним.

Если обратиться к опросам, фиксирующим ретроспективные представления российского населения, к тому, что сохраняется в коллективном сознании и передается от одного поколения к другому (напомним, что за это время имела место смена поколений и надвигается вторая), то следует отметить, что в списке важнейших событий 1989 г. (по данным репрезентативного опроса 2005 г., т. е. спустя 15 лет) выступление Сахарова по поводу войны в Афганистане было четвертым по значимости (его назвали 17%; падение Берлинской стены — 26%, забастовки шахтеров — 23%, вспышки заболеваний СПИДом в разных городах — 20%). Остальные события, включая и сам Съезд народных депутатов СССР, столкновения между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха или падение коммунистических режимов в Восточной Европе, остались в памяти гораздо меньшего числа людей. Но, подчеркнем, сама структура важнейших событий или памяти о них практически не меняется, чуть слабеет степень выраженности некоторых событий (оценка политических дискуссий, обновление руководства, вооруженный конфликт в Карабахе и др.), хотя и эти изменения нельзя считать сколько-нибудь значительными.

В аналогичном опросе 2008 г. (по поводу событий 20-летней давности, т. е. 1988 года) первым стоит «начало вывода войск из Афганистана», затем «Олимпиада-88», далее — землетрясение, природная катастрофа, имевшая серьезнейшее социальное и политическое значение, армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, произведший очень сильное впечатление на общественное мнение (предчувствие надвигающихся потрясений) и, наконец, освобождение Сахарова из ссылки (табл. 10 и 11).

Таблица 10
**НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ,
ЭПОХИ ГОРБАЧЕВА**

Вариант ответа	2005 январь	2010 март
Гласность. Возможность свободно высказываться	40	39
Свобода выезда за рубеж	34	39
Появление угрозы распада СССР	34	30
Нарастание экономического кризиса и дефицита в стране	24	19
Развитие кооперативов и малых частных предприятий	23	21
Прекращение политических репрессий, освобождение диссидентов. Возвращение доброго имени А.Д. Сахарову и другим правозащитникам	22	20
Обновление руководства, приход на руководящие посты более молодых, энергичных деятелей	21	29
Острые политические дискуссии на ТВ, в печати	19	14
Возвращение прав гражданства многим из тех, кого вынудили уехать	18	13
Кровавые межнациональные столкновения в регионах Средней Азии	17	13
Вооруженный конфликт вокруг Нагорного Карабаха	16	11
Выборы власти на конкурентной основе	15	16
Политические перемены в странах Восточной Европы, распад Варшавского блока, воссоединении Германии	14	11
Отмена 6-й статьи Конституции СССР	13	16
Бурный рост интереса к печатному слову, миллионные тиражи журналов, газет	12	10
Нарастание конфликтов в руководстве страной	12	12
Экономическое и политическое сближение со странами Запада	12	13
Появление демократических движений, клубов, политических партий	11	9
Применение вооруженных сил против национальных движений (в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге)	8	9
Прямая трансляция по ТВ работы Съездов народных депутатов в 1989–1990 гг.	7	8

N= 1600

Таблица 11.1
**КАКИЕ ИЗ СОБЫТИЙ 1988 Г. КАЖУТСЯ ВАМ САМЫМИ
ВАЖНЫМИ?**

Начало вывода войск из Афганистана	50
Олимпиада-88	35
Землетрясение в Армении	28
События вокруг Нагорного Карабаха	16
Первый полет корабля многоразового использования «Буран»	13
Возвращение доброго имени академику А. Сахарову	13
Первые в стране смерти от СПИДа	13
Празднование тысячелетия крещения Руси	10
Визит Р. Рейгана в Москву	7
Подписание Договора о ракетах средней и меньшей дальности	7
Снятие ограничения на подписку на газеты и журналы	5
Выступление М. Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН	4
19-я партконференция	3
Затрудняюсь ответить	19

Март 2008, N=1600

Таблица 11.2
**КАКИЕ ИЗ СОБЫТИЙ 1989 Г. КАЖУТСЯ ВАМ САМЫМИ
ВАЖНЫМИ?**

Завершение вывода советских войск из Афганистана	50
Падение Берлинской стены, открытие границы между ФРГ и ГДР	24
Забастовки шахтеров	22
Конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха	17
Вспышки заболевания СПИДом в разных городах страны	14
Смерть А.Д. Сахарова	13
Повышение пенсий	12
Железнодорожная катастрофа в Башкирии	8
Первая встреча М.С. Горбачева и Дж. Буша (старшего)	7
Политические перемены в странах Восточной Европы	6
Выборы на Съезд народных депутатов СССР	5
Разгон демонстрации в Тбилиси	5
Первый съезд народных депутатов	5
Столкновения на национальной почве в Ферганской долине	4
Второй съезд народных депутатов СССР	2
Затрудняюсь ответить	21

Август 2009, N=1600, ответы ранжированы

Все выделяемые события не предполагают какой-либо собственной активности или участия опрошенных, это «зрительская память» о том, что показывали в то время, а не память о том, что сами респонденты могли делать или делали. Может быть, поэтому так высок оказался процент готовых голосовать за Сахарова в ситуации укрепления авторитарного режима в России, когда уже нет ни реального пространства для выбора, ни возможности собственного участия в происходящем. В этом отношении высокое одобрение Сахарова или признание его морального авторитета выступают как замещение собственного действия, как суррогат собственной морали. В проективном вопросе, нацеленном на фиксацию ценностных установок населения (опросы 2003–2004 гг., уже после думских и президентских выборов): «Если бы сегодня был жив Сахаров и был бы включен в списки кандидатов в Госдуму, Вы бы проголосовали за него или нет?» — ответы «да» составили 43%, «нет» — 17%, затруднились ответить 40%, среди них преимущественно молодые люди. И такое распределение мнений оказывается очень устойчивым (табл. 12).

В обществе, разъеденном эрозией моральных представлений и ценностей, ореолом праведника наделяются очень немногие люди. Но если это происходит (а происходит с трудом и не сразу), то сохраняется надолго — и никакие попытки очернить этого человека, «укусить исподтишка» успеха не имеют, поскольку наталкиваются на довольно прочную стену нежелания слушать и слышать подобные речи. И чем сильнее и яростнее в поздние горбачевские годы накатывались на него волны шельмования (на Съезде депутатов, в печати, выступлениях представителей партийно-советской номенклатуры), тем менее восприимчивым оказывалось впоследствии к этим нападкам общественное

мнение. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на ряд вопросов, задаваемых анкетой как бы от лица «адвоката дьявола». Число «согласных» с ними не превышало 8–9%, что, если исходить из практики социологических опросов, говорит о явном агрессивном меньшинстве, ярость которого вызвана именно тем, что их взгляды не получают никакой поддержки общества. На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Сахаров никогда не понимал России?» — абсолютное большинство (63%) опрошенных отвечали: «Нет, не согласны» (29% затруднились ответить и лишь 8% давали утвердительные ответы, майский опрос Левада-Центра в 2010 г.). На вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Сахаров действовал в интересах врагов Советского Союза?» — «да» сказали 8%, «нет» — 68%. Отвечая на вопрос: «Правильно или нет действовал Сахаров, критикуя введение советских войск в Афганистан?» — 84% сказали «правильно», «нет» — лишь около 5%. Преобладающее большинство поверило в Сахарова, поверило в то, что он действовал не ради себя или какой-то личной выгоды, не ради частных интересов той или иной группы, а отстаивал собственную позицию по ключевым вопросам будущего советского общества, стремился к достижению мира и согласия в стране (так сегодня считают 75% россиян, возражают им всего 4%; остальные, а это главным образом молодые люди, не знающие ничего о Сахарове, или самые пожилые и малообразованные жители глухой провинции, в основном пожилые женщины, затруднились сказать что-либо в этом отношении — для них малопонятна и сама постановка вопроса, выглядящая слишком абстрактной и отвлеченной, если принять во внимание узость их кругозора и сосредоточенность на проблемах физического выживания). Именно решительностью и одновременно очевидной «странностью»

Таблица 12

ЕСЛИ БЫ СЕГОДНЯ БЫЛ ЖИВ А.Д. САХАРОВ И ЕСЛИ БЫ ОН БЫЛ ВКЛЮЧЕН В СПИСКИ ДЛЯ ГОЛОСОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО ВАШЕМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ, ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ ЗА НЕГО?

	2003	2003	2004	2004	2005*
Безусловно да	21	24	21	21	10
Скорее да	24	22	22	20	18
Скорее нет	11	11	9	11	10
Определенно нет	8	10	8	14	8
Затрудняется ответить	37	34	40	34	25
Ничего не слышал о Сахарове	—	—	—	—	28
Число опрошенных, N=...	2100	3000	2100	3400	2000
% виртуальных избирателей Сахарова	45	46	43	41	28
Проголосовавших за него / не ставших голосовать за Сахарова	2.4	2.2	2.5	1.6	1.6

* Репрезентативный опрос российской молодежи (16–29 лет)

своей манеры выступлений, в которой явно прочитывалось полное равнодушие к тому, какое впечатление он производит на других, тем, что он нисколько не заботился об эффективности, не играл в «озабоченность общим благом», а отстаивал свою точку зрения как единственно возможную, поскольку ей противостоят не другие политические альтернативы, а лицемерие и демагогия своекорыстного руководства государством или партийного начальства, Сахаров завоевал доверие сограждан, почувствовавших в нем человека, возвращающего им уважение к себе. 59% разделяли мнение, что он много сделал для восстановления моральных ценностей советского народа (опять-таки 33% затруднились с ответом, 9% возражали против этого или даже самой постановки вопроса).

Такое единодушие бывает крайне редким в социологических опросах общественного мнения. Обычно такой уровень согласия достигается лишь в отношении к предельно тривиальным аспектам повседневного существования либо в ситуациях общей мобилизации, опасности, угрозы коллективным ценностям.

Таблица 13

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САХАРОВА ВАМ БЛИЖЕ ВСЕГО? (в % к числу ответивших)

Он целенаправленно вредил нашей стране	>1
Пусть неосознанно, но он принес много вреда нашей стране	>4
В молодости он был уважаемым ученым, а затем занялся неизвестно чем	>8
Не знаю о его деятельности, но отношусь к нему плохо	>1
Не знаю о его деятельности и ничего не могу сказать о нем	9
Не знаю о его деятельности, но отношусь к нему хорошо	12
Он принес много пользы нашей стране	27
Он сыграл важную роль в истории нашей страны	29
Он – героическая личность и жертвовал собой ради блага страны	11
Негативные/позитивные суждения	0,16

Май 2010, N=1600

Память и забвение: возрастные различия мнений о Сахарове. Первая проблема, которая встает при обсуждении современного отношения к Сахарову и его идеям, его деятельности, — это проблема памяти и забвения. И то и другое — квазиестественные процессы. «Естественная» составляющая может быть усмотрена в том, что люди, которые по возрасту своему могли ви-

деть/слышать Сахарова, читать о нем в газетах и журналах, втрое реже отвечают, что они «ничего не знают о нем», чем более молодые. Но не менее естественным было бы представление о Сахарове как о народном герое, чьи подвиги навеки остались в памяти потомства. А поскольку Сахаров выступал против войны в Афганистане, молодые люди, среди которых особо широко распространено нежелание участвовать в войнах, подобных афганской, должны были бы обладать памятью о нем более живой, чем в других поколениях. Коль скоро в действительности положение не таково, приходится признать, что на память о Сахарове воздействовали некие специальные факторы.

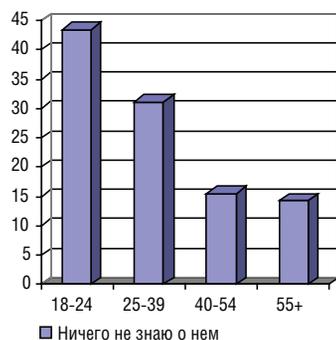
Имела ли место направленная цензура материалов о Сахарове в СМИ после его смерти наподобие того, как это было при жизни, нам неизвестно. Но кажется достаточным (и в свою очередь «естественным») соображение, что вытеснение Сахарова из коллективной памяти произвел общий контекст путинской эпохи, когда, среди прочего, имела место целенаправленная, публичная, дискредитация корпуса идей и ценностей, внесенных в нашу культуру собственно Сахаровым. А еще более сильно забвению содействовало то, что происходил общий дрейф нашей политической культуры и морали в область идей и ценностей, чуждых или прямо противоположных сахаровским. Если настаивать на естественности ухода сахаровского имени из общественной памяти, придется признать естественным и только что отмеченный политический дрейф. У такого взгляда на путинскую эпоху как на естественное выздоровление России после того патологического состояния, в которое ее ввергли демократические реформы, безусловно, найдется масса сторонников. По сути дела он сейчас является настолько же принятым и в этом смысле «естественным», насколько может быть таковым официоз. Но авторам этих строк и ряду их коллег чуждо такое представление о естественности реакции или отката после демократического подъема, о естественности и в этом смысле неизбежности склонения россиян к авторитарным формам правления вместо демократических.

Если говорить о естественности, то естественным и закономерным можно признать другое. А именно то, что демократических институтов и механизмов оказалось недостаточно, чтобы управлять тем социальным агрегатом, которым являлась посткоммунистическая Россия. Демократическая власть, точнее власть, которая была в известной степени демократической,

ощущая эту нехватку, пошла не на спешное развитие и достраивание демократической институциональной основы государства, а на использование авторитарных средств для решения срочных и, как тогда казалось, первоочередных политических задач. Применение «недемократических» средств для достижения «демократических» целей оказалось пагубным для последних. С авторитарными средствами пришли и их носители-профессионалы. Придя к власти, они принесли и утвердили как «общенациональные» свои специфические цели. Вот это развитие событий следует признать естественным, а значит предсказуемым. Такой оборот дела (или опасность такого поворота) действительно предсказывали некоторые участники процесса, в том числе Ю.А. Левада.

По сути, перед нами феномен не столько памяти, сколько забвения, специфический феномен «незнания о Сахарове». Его распространение отражает диаграмма на рис. 1.

Рисунок 1
СВЯЗЬ «НЕЗНАНИЯ О САХАРОВЕ» С ВОЗРАСТОМ: ПО ВЕРТИКАЛИ – УДЕЛЬНЫЙ ВЕС (в %) «НИЧЕГО НЕ ЗНАЮЩИХ О САХАРОВЕ» В КАЖДОЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЕ, ПО ГОРИЗОНТАЛИ – ВОЗРАСТНЫЕ КАТЕГОРИИ ОПРОШЕННЫХ.

Поскольку наиболее ярко этот феномен проявился в молодежной среде, то и мы этот раздел посвятим вопросу об отношении к Сахарову со стороны именно молодых людей. В изложении мы сможем опереться на исследования Левада-Центра, в том числе на посвященные отношению к академику фокус-группы с молодыми людьми, которые проводились при нашем непосредственном участии в 2009 г.

Уже из приведенных выше сведений понятно, что молодые люди выросли в незнании о Сахарове. Это подтверждается тем, что в специальном опросе, проведенном Левада-Центром в мае 2010 г., в целом ряде вопросов доля молодых людей, которые затруднились ответить, значительно превышала среднее значение. Надо, однако, отметить, что степень этого отличия

неодинаковая: молодые люди в разной степени испытывали затруднения в ситуации размышления над различными вопросами.

Так, на вопрос: «Знаете ли вы, кто такой академик Сахаров, чем он занимался, чем известен в России?» — среди людей старше 40 лет ответ «ничего не знаю о Сахарове» давали около 15%, а среди молодых — втрое чаще, 44% (еще около 5% затруднились ответить). Далее вопросы задавались только тем, кто не делал подобных заявлений. Все же и в этом случае молодые люди вдвое чаще старших отказывались говорить о том, какие черты были присущи академику. Надо также отметить, что неготовность выносить суждения о Сахарове и его роли характерна не только для самых молодых, но и для людей в возрасте 25–39 лет, т. е. для тех, кто родился между 1970 и 1985 гг. В большинстве случаев, которые возникли в ходе опроса, они испытывали почти те же затруднения, что и самые молодые, родившиеся в основном после кончины Сахарова. Между тем ответы людей 40–54 лет во многом похожи на ответы самых старших.

Барьер сорокалетия, весьма резко себя обозначающий во многих случаях, когда в обществе проходят дебаты по социально-значимым проблемам, проявляет себя и при обсуждении личности Сахарова. Это доказывает, что знание/незнание о Сахарове не связано с простыми «физическими» причинами, с линейной работой механизмов общественной памяти. Это, напротив, еще раз свидетельствует, что помнить о Сахарове — означает занимать определенную общественную позицию, а не помнить — значит занимать другую.

Итак, что же знают о Сахарове современные молодые люди? Прежде всего, что он «знаменитый физик» — это известно трети молодых, четверть знают о том, что он — один из создателей советской водородной бомбы. При этом молодых, давших ответ о Сахарове как «отце водородной бомбы», лишь на одну пятую меньше, чем среди старших, а вот о том, что он «правозащитник, диссидент» среди молодежи знают 9%, что в два с лишним раза меньше, нежели среди людей старше 40 лет. Все другие ответы о Сахарове выбраны незначительным количеством молодых людей.

Далее рассмотрим ответы молодых людей, среди которых нет таких, которые ничего не знают о Сахарове.

Вот ответы на вопрос: какие чувства в основном испытывают окружающие вас люди, вспоминая Сахарова? Главный ответ молодых (35%) — «никаких особых чувств». В других

группах этот ответ на втором месте и с меньшей частотой. Сниженная эмоциональная окраска мнений о Сахарове действительно ощущается в ответах этой группы.

Вот ближайший пример: чуть реже (34%), чем отмеченный только что ответ, молодые люди выбирали вариант «уважение, признание». В возрастных группах 25–54 лет такой ответ давали более половины опрошенных. О неприязни и раздражении, как и в других группах, заявило меньшинство (3%), и оно оказалось даже менее значительным, чем в группе самых старших (более 5%). То же можно сказать об ответе «ничего не знают о Сахарове». Напомним: ответы дают люди, среди которых нет заявивших, что они сами ничего не знают о Сахарове.

Когда их спросили, какие черты характера были присущи Сахарову и предложили набор из 13 определений, они выбирали чаще всего те же самые позиции, что и самые старшие, а именно: «дальновидность» (30%), «мужество» (26%), «решительность» (24%). Обращает на себя внимание, что у молодых и пожилых людей главным качеством Андрея Дмитриевича оказывается его дальновидность, тогда как в средних возрастных группах на первое место ставят мужество. Еще один примечательный момент состоит в том, что для самых старших второе по важности место среди черт Сахарова занимает «справедливость», для молодежи это четвертое по частоте определение. «Ответственность», «независимость», «расчетливость» назвали 16–17% молодых людей. Последнее определение с такой силой подчеркнули только молодые. В прочих возрастных группах его назвали менее 10%, а то и 6%. В то же время такую черту характера Сахарова, как озлобленность, назвали 4% старших и ни одного молодого респондента.

В прочих случаях можно отметить, что среди молодых людей приоритеты имеют те же ответы, что и среди старших. Но, как правило, ответы с позитивным отношением к Сахарову имеют сниженную по сравнению со старшими частоту, а ответы с отрицательным (всегда находящиеся в меньшинстве) повышенную.

Можно уже на этом этапе констатировать, что отношение молодых людей к Сахарову менее аффектированное и более критическое, чем у старших, тех, кто помнит и хулильные газетные статьи о нем, и собственные ощущения от трансляции его выступлений в прямом эфире.

Молодые люди согласны, что Сахаров «стремился к достижению социального мира и согласия в стране» (68%, не согласны 9%), что он «много сделал для восстановления моральных ценностей советского народа» (50%, не со-

гласны 5%). Молодые люди, как и все остальные, не поддались на провокацию, задуманную исследователями. С формулами «Сахаров действовал в интересах врагов Советского Союза» и «Сахаров никогда не понимал России» выразили согласие 12 и 15% молодых людей, а 54 и 52%, соответственно, не согласились. Точно так же в наборе мнений о Сахарове, предложенном на выбор, молодые люди полностью отказались поддержать вариант: «Он целенаправленно вредил нашей стране», хотя в других группах находились единицы, выбравшие этот ответ.

Очень показательно, как молодые люди обошлись с набором из трех ответов, начинающихся словами: «Я не знаю о его деятельности, но я отношусь к нему...». Вариант с завершением «...плохо» не отметил ни один человек из среды молодых. (В отличие от всех остальных возрастов, где такие единицы нашлись.) Уклончивый вариант с завершением «...ничего не могу сказать о нем» выбрали в указанной среде не более 13%. А вот опцию «Не знаю, но отношусь хорошо» отметили 18%. Этот ответ стал третьим по частоте в наборе других ответов. Вторым был ответ «Он сыграл важную роль в истории нашей страны», первым — «Он принес много пользы нашей стране» (противоположный вариант — «Принес много вреда» — отметили 2% молодых). О том, что Сахаров был «героическая личность и жертвовал собой ради блага нашей страны», решили сказать менее 8%. Повторим, молодые люди не демонстрируют аффекта в отношении к Сахарову.

Особое место занимает вопрос о позиции Сахарова по вопросу о войне в Афганистане. Именно в этом вопросе, кажется нам, наиболее отчетливо проявилось влияние Сахарова на общественное мнение России. Можно сказать, что ему удалось в кратчайший исторический срок развернуть это мнение на 180 градусов.

Опросы Левада-Центра, проведенные много лет спустя, в двухтысячные годы, показали с определенностью, что афганская война воспринимается теперь в народе как несправедливая. Соответственно, предсказуемым можно считать мнение всех опрошенных в мае 2010 г., и молодых людей в том числе, сказавших что «совершенно правильно» (42%) и «скорее правильно» (41%) действовал Сахаров, критикуя введение советских войск в Афганистан.

Анализ результатов фокус-групп. Как указывалось, все участники групповых обсуждений были отобраны по признаку положительного отношения к Сахарову как к общественному деятелю. Подобный отбор предполагает и из-

вестную степень информированности о Сахарове, его деятельности, взглядах и пр.

Подобную информированность демонстрировали респонденты самого старшего возраста, те, кто помнит события, связанные с его жизнью, происходившие «у них на глазах». Все остальные – более молодые – респонденты, которые узнали о Сахарове из каких-то других источников, как правило, были информированы несравненно хуже. Молодые люди, способные внятно, подробно и с пониманием рассказать о жизни и деятельности Сахарова, представляют собой исключение даже в среде, прошедшей указанный специальный отбор. Фигура академика-правозащитника оттеснена на периферию коллективной памяти. Она утратила значительное количество конкретных атрибутов. При этом не произошла мифологизация образа, которая в принципе могла бы его «держать на плаву».

Известными молодой части аудитории являются такие факты:

- Сахаров – отец советской ядерной бомбы, главного фактора для противостояния с США. Это основная его заслуга перед страной.

- Далее он осознал опасность ядерной войны и стал борцом за мир, за разоружение, т. е. сумел подняться над своими профессиональными амбициями создателя сверхоружия. Иногда добавляют, что он отказался от привилегий, зарплат и наград, которые имел за создание бомбы.

- Считают, что его антивоенная деятельность поставила его в ситуацию конфликта с советскими властями. Сохраняются глухие и неконкретные сведения о его то ли диссидентской, то ли правозащитной деятельности. То, что он находился в ссылке, известно нетвердо.

- Далее известно, что Сахаров держал голодовку ради того, чтобы выпустили за рубеж на лечение его жену.

- Известно, но нетвердо, что он был избран народным депутатом. Глухие сведения о его разногласиях с другими депутатами (*его не понимали*).

Молодежи известны заслуги Сахарова как физика перед страной в целом. Что касается его последующей деятельности, то о ней молодым людям (даже «продвинутым») известно очень мало. Сохранилась в основном память о его личной отваге, самоотверженности и прочих качествах как индивида, как нравственной личности. Знание о его общественной деятельности в основном утрачено. Знание о его идеях, программных предложениях утрачено. История с осуждением войны в Афганистане и реакции Верховного Совета на это практически не присутствуют в нарративе.

Тем не менее, сохраняется убеждение в том, что Сахаров был крупнейшим ученым, с одной стороны, образцом нравственности, личного мужества – с другой.

Его деятельность по созданию ядерного оружия – свидетельство его патриотизма. Но его переход к борьбе против ядерного оружия не считается изменой патриотическому долгу. Это другое проявление его патриотизма.

Таким образом, имидж Сахарова имеет нравственное и гражданское измерение. Однако оно существенно отличается от того, которое существует в российской правозащитно-демократической традиции.

Визуальный образ Сахарова безусловно знаком старшему поколению, среди младшего – не всем. Большинство респондентов не опознает ситуации, в которых сделаны фотографии (первое интервью по возвращении из ссылки, выступление на Съезде, уход из зала...).

Среди старшего поколения выбирали для публичного показа именно эти «драматические» фото, отражающие трудную судьбу, борьбу Сахарова. Младшее поколение из предложенных фотоизображений выбрало то, которое наиболее соответствует образу академика – за письменным столом в белой рубашке и т. д.

А.Д. Сахаров и сегодняшняя Россия. Многими участниками было указано, что в обществе – особенно в молодой части – недостаточно знают об А.Д. Сахарове: *«Проблема в том, что не знают, кто это такой»*.

К этому следует добавить, что у значительной части молодых людей, позитивно относящихся к образу Сахарова, этот образ оказывается в одном ряду или в комплексе с такими фигурами, которые никогда не встречались в дискурсах правозащитников или сторонников Сахарова при его жизни. Были сделаны, например, предложения, чтобы идею музея Сахарова рекламировал Н. Михалков, чтобы о нем рассказывал Ж. Алферов.

Образ Сахарова, повторим, практически не мифологизирован, однако он сохраняет своего рода ауру. Сахаров входит в число *великих* или *выдающихся* (хотя и *забытых*) людей нашей страны. Подобных ему – по одной версии – нет. *Таких людей теперь нет*. По другой версии Ж. Алферов – подобие Сахарова. *Они оба – нобелевские лауреаты*. Кроме того, респондентам кажется, что в пользу его образа действует тот факт, что его нет в живых:

– В его бытие он меньше был популярен, чем после его смерти. Его популярность сейчас больше. Это российская традиция в целом.

Нужен ли такой человек сегодня нам?

– Сахаров *обязательно нужен сегодняшней России. Нужен как пример честного и мужественного человека.*

Разумеется, в наше испорченное время ему было бы очень трудно, полагают респонденты. Обсуждая вопрос о возможности для Сахарова избираться в нынешнюю Думу, одни респонденты указывали на его неуютность властям, неуместность в современной политической системе, (ставя ей это в минус):

– *У него не было бы времени на телевидении... То есть мы бы не знали о существовании такого кандидата сегодня.*

– *Сейчас еще очень сложно было бы (избираться) и потому, что сейчас, чтобы в Думу попасть, надо вступить в партию. А он мог бы и не захотеть.*

Наиболее компетентные респонденты отмечали, что человек с подобной репутацией сегодня не имел бы поддержки и со стороны массового избирателя:

– *Ну, в Москве у него хотя бы теоретический шанс бы еще был, но в целом по России – ноль.*

– *Рассчитывать на массовую поддержку всего этого (идей Сахарова) в сегодняшней России не приходится.*

Если для одних объяснение заключается в «порче нравов» по сравнению с прошлыми временами, то для других объяснение касается исторических ошибок того движения, к которому относился (или которое возглавлял) Сахаров:

– *Дело в том, что его популярность просела как раз в глазах людей, которые за него голосовали бы, активных людей, которые знают, кто такой Сахаров.*

Предложено объяснение этих перемен в общественных настроениях:

– *Разочарование в том, что получилось. Очень многие люди настолько недовольны тем, к чему привело то, что тогда (в 1980-е) начиналось, в чем Сахаров участвовал очень активно, что это (недовольство) перенесено было бы и на него. Много есть людей, которые многое ему простить не могут, связывая его с этим.*

Существенно, что эти респонденты **не видят** нужды в восстановлении сахаровских идей того времени. Более того, они полагают, что сам Сахаров отказался бы от них, пересмотрел их:

– *Поскольку он действительно человек развивающийся был, он бы тоже бы, наверное, как-то скорректировал свои взгляды.*

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что путинская эпоха практически выдавила на периферию общественного внимания как сахаровские идеи, так и политические силы, которые ими вдохновлялись. В массовом сознании эти идеи оказались либо заглушены, отправлены в дальние разделы памяти как неактуальные, либо как не оправдавшие себя. Только кризис путинизма, признаки которого отчасти были заметны в дискуссиях с наиболее молодыми людьми, может привести к снятию гнета с этого корпуса идей.

Можно ожидать, что с оживлением общественной жизни будет нарастать потребность в идеях нового устройства общества, в том числе – в демократических идеях. В этот момент может оказаться актуальной задача возвращения в зону общественного внимания сахаровских идей. В пользу их возможной востребованности говорит то, что они не были реализованы в соответствующих политических институтах. Но в противоположном направлении будет действовать тот факт, что этим идеям уже немало лет и что они уже были однажды внесены в наше общество, а эффект оказался не тот, которого ожидали. Можно предположить, что значение академика А.Д. Сахарова для нынешнего и грядущих поколений будет состоять в большей степени в том, что он более важен как нравственный образец, нежели как автор политических программ.

«Голос разума, противостоящий массовому безумию во всех террористических режимах, которые знает современная история, всегда был голосом одиночек. <...> Прямых наследников дела и мысли Андрея Дмитриевича Сахарова нет и быть не может, ибо роль которую он сыграл в пробуждении нашего общества, уникальна»¹.

¹ Человек и легенда... С. 24, 19.

Юрий ПОЛЕТАЕВ
Екатерина ПЕРФИЛЬЕВА

О музыкальных предпочтениях россиян

Современная жизнь наполнена музыкой. Развитие новейших технических средств воспроизведения сделало музыку неизменным атрибутом нашей повседневной жизни. Она звучит не только в специально предназначенных для этого местах и в рамках особо выделенного и отмеченного времени досуга, своего рода «праздника», но и сопровождает человека буквально повсюду — дома, в торговых центрах, в личном и общественном транспорте и т.д.

Вместе с тем музыка стала в настоящее время высокодоходной индустрией, а значит — она включена в деятельность гигантских анонимных предприятий (фирм, корпораций и других социальных институций) уже с их собственными интересами, системой внутренних и внешних коммуникаций, императивами и ориентирами поведения, отбора, оценки. Тем самым музыка, как всякая индустрия, с одной стороны, должна наиболее полно удовлетворять запросы потребителей, а с другой — сама формирует, закрепляет, поддерживает, тиражирует эти потребности. На сегодняшний день в России постепенно происходят изменения в области культурного восприятия — становятся актуальными «ценности общества потребления, в котором культурные образцы приобретают характер товара, зависящего от экономического спроса, и подвержены «зову актуальности»¹.

В 2010 г. блок вопросов о музыке был включен в регулярное исследование «Вестник», проводящееся Левада-Центром по национальной выборке взрослого населения России. Выборка исследования репрезентативна по полу, возрасту, образованию респондентов, размеру населенного пункта и федеральному округу их

проживания. Объем выборки составил 1624 человека в возрасте от 18 лет и старше, проживающих в 46 субъектах Российской Федерации.

Конечно, вопросы о музыке и предпочитаемых музыкальных жанрах россиян не первый раз включаются в наши опросы. Например, мы задавали их в 1992, 1994, 1997 гг. населению страны, в 2007-м некоторые из них — молодежи трех крупных городов². Но при этом надо помнить, что зарождавшаяся в девяностые годы свобода выбора была существенно ограничена технически. Наши вкусы и предпочтения формировались несколькими телевизионными и радиоканалами, пластинками фирмы «Мелодия» и купленными в ларьке кассетами. Поэтому основными предпочитаемыми жанрами музыки были эстрадные и народные песни, старинные романсы, авторские песни, оперетта, мюзиклы.

Современная доступность и разнообразие средств массовой коммуникации — как традиционных (большое количество разнообразных радиостанций и телеканалов), так и современных, всевозможные CD-, DVD-проигрыватели, Интернет — дают возможность потребителю уже свободно выбирать предпочитаемую им музыку. Свобода этого выбора отражает вкусы и культурные установки потребителя, а следовательно, потребляемая обществом музыка является отражением самого общества. При этом можно разделять музыку, выбираемую каждым отдельным потребителем самостоятельно, которая слушается для собственного удовольствия, и фоновую музыку, которая может не зависеть от вкусов и предпочтений какого-то отдельно-

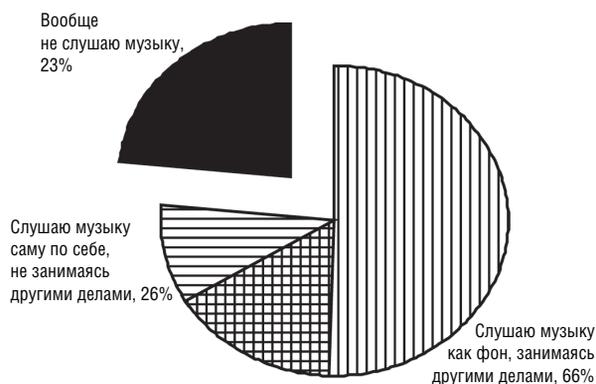
¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 135.

² Результаты последнего опроса см.: Лебедев П. О типах слушателей современной российской поп-музыки в молодежной аудитории // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (91). С. 48–54.

го потребителя. Но в целом фоновая музыка не может не отражать вкусы и предпочтения либо всего общества, либо какой-то определенной его части.

Поэтому в ходе последнего исследования рассматривалось два вида потребления музыки — для себя, для собственного удовольствия и в качестве фонового сопровождения каких-либо дел или развлечений.

График 1.
СЛУШАЕТЕ ЛИ ВЫ МУЗЫКУ? (в % от числа опрошенных)

Как видно из графика 1, большинство россиян (66%) слушают музыку как фон. При этом 51% слушает только фоновую музыку, занимаясь какими-либо делами, и никогда не слушают музыку для себя.

Музыку для себя, не занимаясь какими-либо делами, слушает 26% россиян. При этом 11% слушает музыку только для себя, исключая

какую-либо фоновую музыку, а 15% слушает и музыку для себя, и фоновую музыку.

Оказывается, это только впечатление, что музыка является обязательным атрибутом современной жизни, 23% взрослых россиян вообще не слушают музыку.

График 2 показывает, что доля тех, кто не слушает музыку, больше всего среди респондентов в возрасте старше 55 лет и с образованием ниже среднего, а меньше всего таких людей среди респондентов в возрасте до 39 лет и с высшим образованием.

Большинство взрослых россиян — 66% слушает музыку как фон. Среди них 56% практически ежедневно, а 30% — несколько раз в неделю. При этом 79% слушают фоновую музыку, занимаясь в основном домашними делами, а 20% — за рулем автомобиля, то есть фоновую музыку большинство выбирает самостоятельно, исходя также из своих предпочтений. Фоновую музыку, в меньшей мере зависящую от вкусов слушателя, слушает значительно меньшее число опрошенных — 14% в гостях или с друзьями и 9% в баре, кафе, ресторане.

Как видно из графика 3, музыка как фон слушается одинаково в различных демографических группах (распределение слушателей фоновой музыки практически точно повторяет распределение выборки), кроме одной группы — людей старше 55 лет. Среди этой возрастной группы фоновая музыка востребована меньше.

График 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ «ВООБЩЕ НЕ СЛУШАЮ МУЗЫКУ»

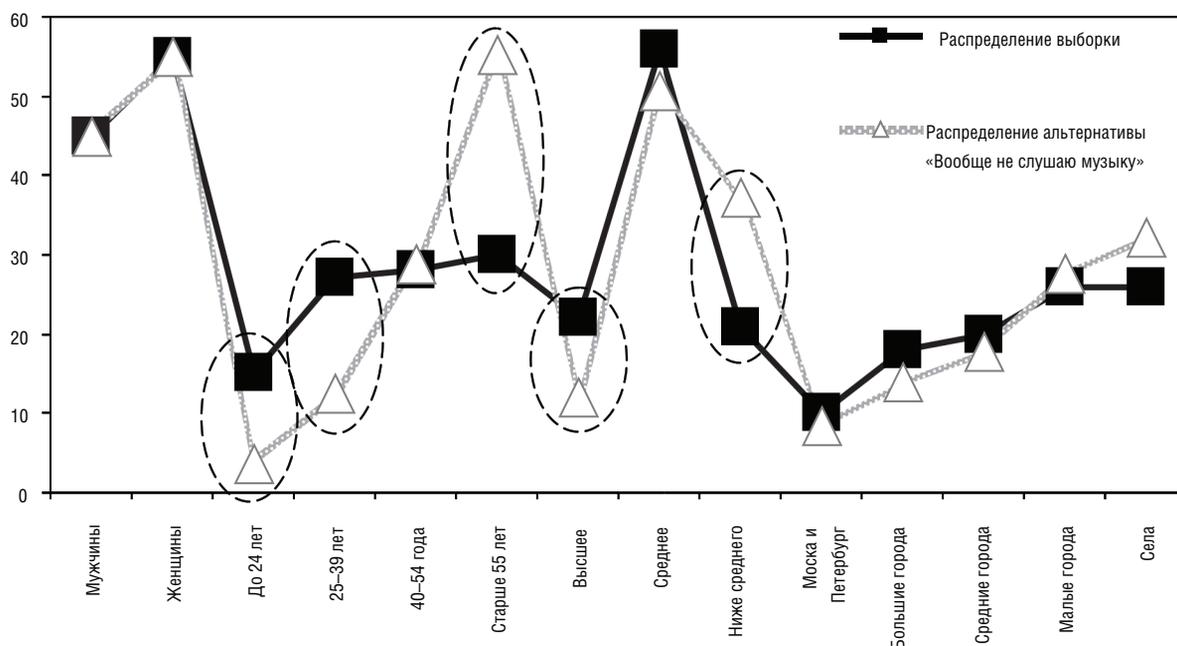
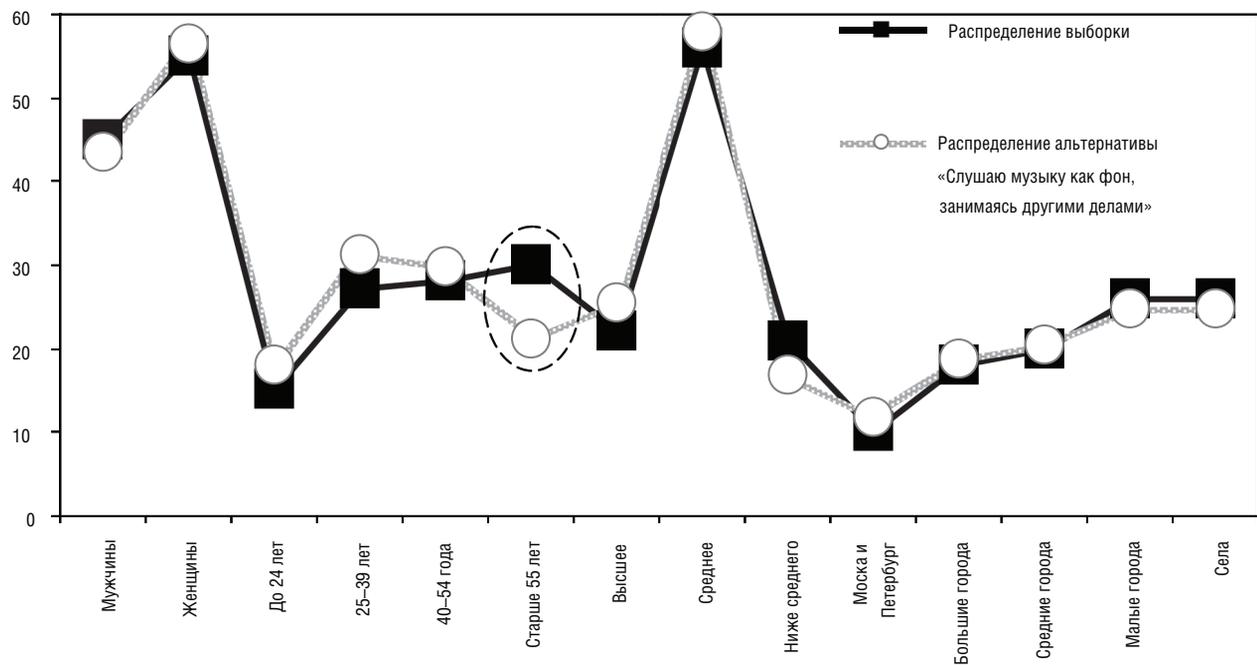

График 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ «СЛУШАЮ МУЗЫКУ, КАК ФОН»

В качестве источников фоновой музыки используется радио (53%), телевизор (47%), музыкальный центр / проигрыватель (24%), проигрыватель в автомашине (19%), компьютер (15%).

Музыку для себя, не занимаясь другими делами, слушают 26% взрослых россиян. Среди них 28% находят время слушать музыку для себя ежедневно, 27% — несколько раз в неделю, а 17% — раз в неделю. В основном (83%) слушают музыку для себя дома. А вот 11% имеют возможность слушать музыку для себя на работе, не занимаясь другими делами.

Только 6% слушают музыку для себя в театрах, на концертах, а 5% — в клубах, на дискотеках (от всех опрошенных эти доли составляют около 1,5%). По данным Левада-Центра за 2010 г. (национальная репрезентативная выборка), в театры и концерты ходит примерно 4% россиян, а клубы и дискотеки — 8%. Следовательно, музыка для большинства посещающих театры, концерты, клубы и дискотеки не является основной причиной их посещения. Музыка — это скорее предлог для встреч, общения, возможность заявить о своей «приобщенности».

Как следует из графика 4, среди демографических факторов на долю слушателей музыки для себя влияют только возраст и образование. Музыку для себя, не занимаясь другими делами, слушают больше среди молодых людей в возрасте до 39 лет, а также среди людей с высшим образованием. Среди людей старше 40 лет,

а также с образованием ниже среднего доля слушателей музыки для себя значительно меньше. Место жительства — крупный город или сельский район — практически не влияет на долю слушателей музыки для себя.

Музыку для себя слушают, используя телевизор (52%), радио (51%), музыкальный центр / проигрыватель (29%), компьютер (16%), плеер (10%).

Что же мы слушаем?

Хотя доли слушающих музыку как фон и для себя значительно отличаются, но музыкальные предпочтения обеих групп слушателей практически одинаковы, как видно из графиков 5 и 6. Это современная отечественная и зарубежная поп-музыка, советская эстрада прежних лет, русский шансон, блатные песни.

Согласно типологии известного социолога и музыкального критика, основоположника социологии музыки Т. Адорно, «количественно самой значительной группой слушателей в современном обществе оказывается “развлекающийся” слушатель, который предпочитает легкие жанры для отдыха»¹. В чем можно еще раз убедиться, исходя из графиков 5 и 6. Но присутствие в четверке самых востребованных жанров русского шансона и блатных песен, а также отечественной поп-музыки определенно характеризует культурные тренды современного российского общества.

¹ Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 21.

График 4
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ «СЛУШАЮ МУЗЫКУ «ДЛЯ СЕБЯ», НЕ ЗАНИМАЯСЬ ДРУГИМИ ДЕЛАМИ»

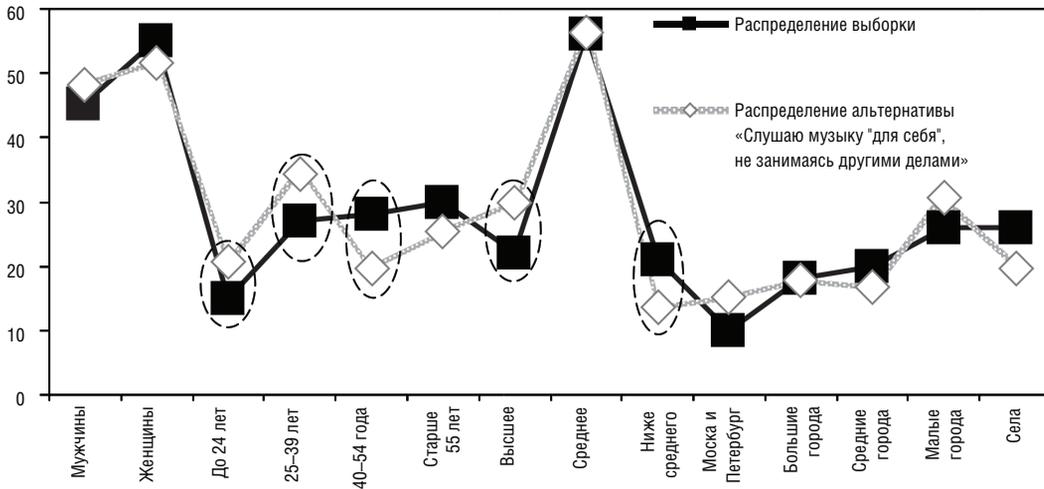

График 5
ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ ЖАНРЫ МУЗЫКИ, КОТОРУЮ СЛУШАЮТ В КАЧЕСТВЕ ФОНА (в % от числа опрошенных)

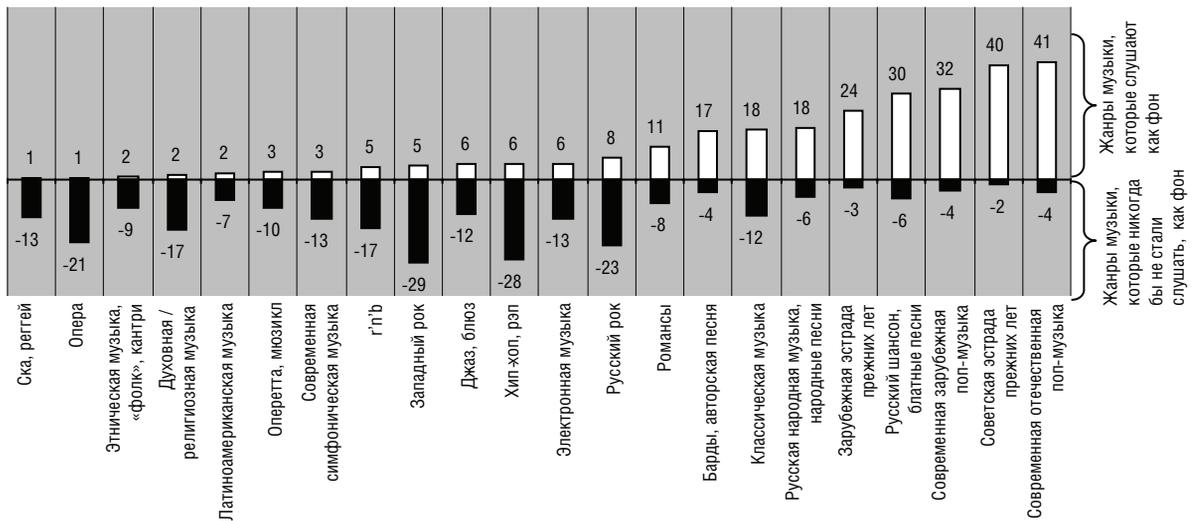
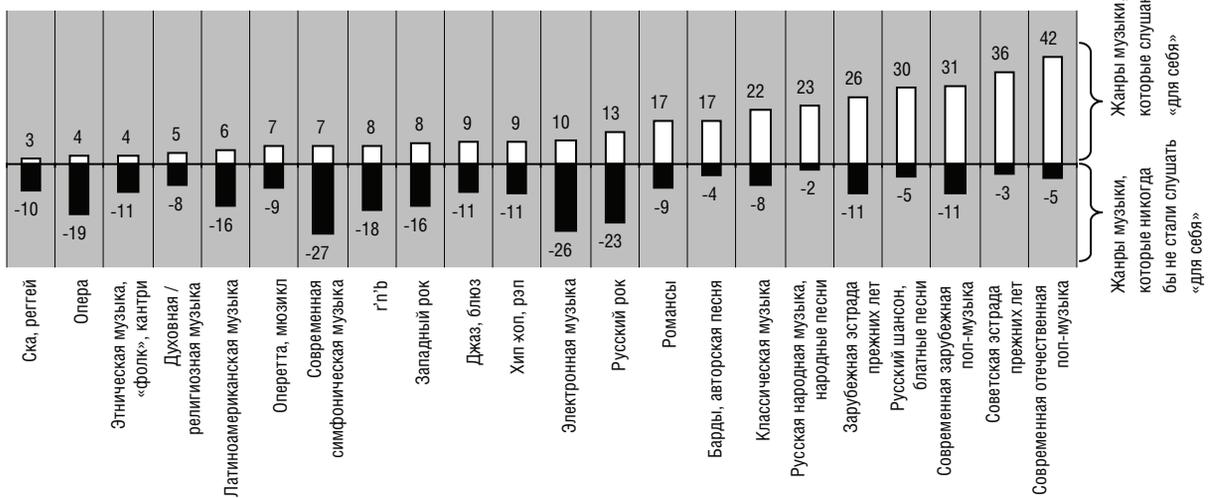

График 6
ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ ЖАНРЫ МУЗЫКИ, КОТОРУЮ СЛУШАЮТ «ДЛЯ СЕБЯ» (в % от числа опрошенных)

Т. Адорно выделял типы слушателей. Это — эксперт, который «слушает музыку “профессионально”, поскольку обладает музыкальным образованием, — он слушает музыку сознательно, понимая все тонкости композиции и логики произведения». Помимо типа эксперта Т. Адорно указывает на тип «хорошего слушателя», который «понимает музыку и умеет воспринимать сложные произведения без наличия профессиональной подготовки, а в суждениях руководствуется не вкусами, а музыкальными знаниями». «Эти два типа в современном мире трансформировались в тип “образованного” слушателя — информированного потребителя культуры и “рессантиментного” слушателя — любителя устаревшей музыки, — считает Т. Адорно. — В качестве жанров они выбирают то, что обладает наиболее высокой оценкой со стороны общества, имеет культурное и историческое значение — классику, оперу, джаз. Это не

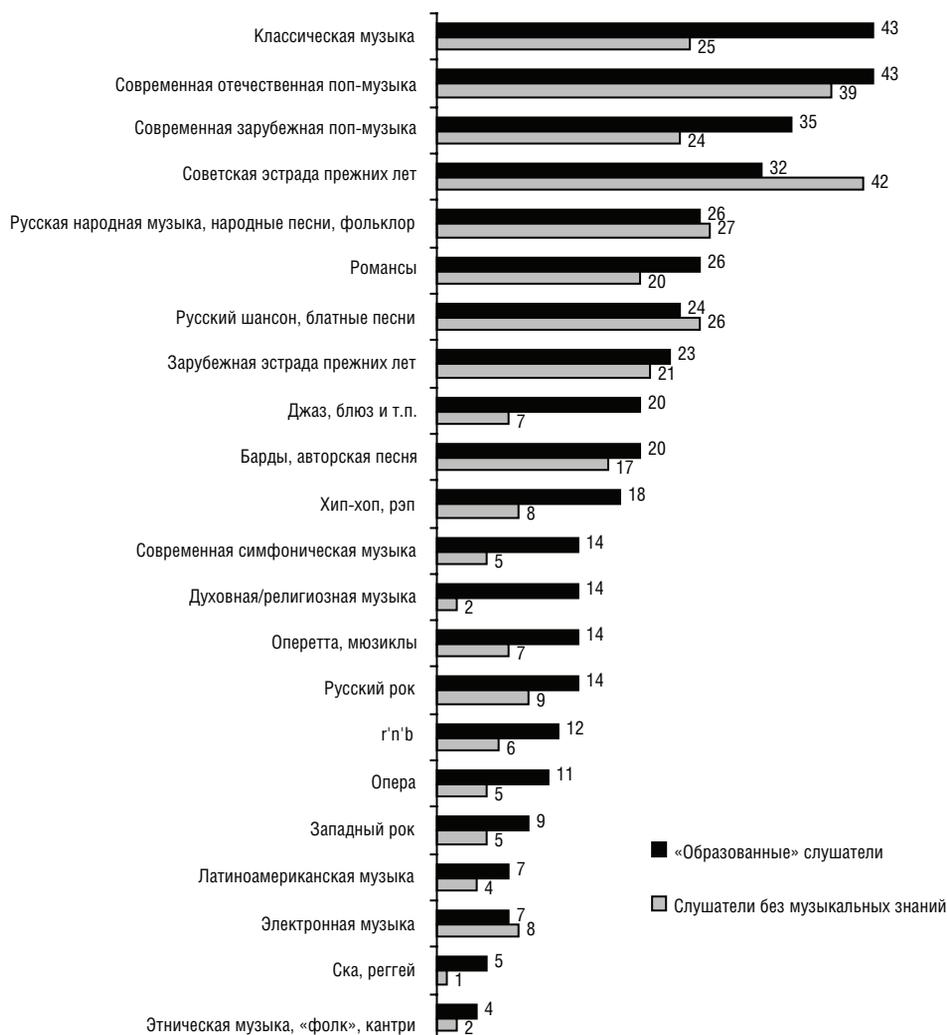
столько популярная музыка, сколько музыка для узких кругов ценителей»¹.

«Образованных» слушателей в России 10% — к ним мы отнесли тех, кто умеет играть на музыкальных инструментах, среди них 6% учились музыке в музыкальных школах или занимались с частными преподавателями, а 4% обучались самостоятельно. Самые распространенные музыкальные инструменты, на которых умеют играть россияне, — это фортепиано и другие клавишные (37%), гитара (36%), а также баян, аккордеон и гармонь (20%).

Как показывает график 7, в предпочтениях «образованных» слушателей и слушателей, не обладающих музыкальными знаниями, имеются значимые различия по отношению к высоким, «элитарным» жанрам. Среди образованных слушателей наблюдается значительно больше слушателей классики, современной симфонической музыки, духовной/религиозной музыки,

График 7

ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ ЖАНРЫ МУЗЫКИ «ДЛЯ СЕБЯ» «ОБРАЗОВАННЫХ» СЛУШАТЕЛЕЙ (в % от числа опрошенных)

¹ Там же. С. 14–15.

джаза и блюза, чем среди слушателей без музыкальных знаний. Но при этом большинство «образованных» слушателей наравне с классикой предпочитают современную отечественную и западную поп-музыку. Таким образом, современного российского «образованного» слушателя нельзя отнести к «рессантиментному» типу по классификации Т. Адорно. Границы предпочтений размываются. Этому способствует и музыкальная индустрия, пытаясь расширить границы спроса. Хорошо известно включение в выступления поп-исполнителей обработок известных классических произведений, в выступление классических исполнителей современных хитов, а также объединение того, что, кажется, невозможно объединить, – классических и поп-исполнителей. Например, дуэт А. Нетребко и Ф. Киркорова (2010).

Помимо музыкального знания, определяющего предпочтения слушателей, можно говорить о гендерных, возрастных и образовательных предпочтениях, касающихся жанров музыки.

«Мужскими» музыкальными жанрами назовем такие жанры, где доля мужчин, слушаю-

щих этот жанр для себя, существенно больше, чем доля мужчин в общей выборке. Аналогично определим и «женские» жанры.

«Мужскими» музыкальным жанрами являются русский рок, песни бардов и авторская песня, электронная музыка, русский шансон, западный рок. Большая часть «мужских» жанров относится к андерграунду и «брутальным» направлениям музыки.

Большая часть «женских» жанров – из классики. «Женские» жанры – это романсы, оперетта и мюзиклы, духовная/религиозная музыка, классическая музыка, современная симфоническая музыка, опера, русская народная музыка.

Иными словами, вкусы мужчин в большей мере тяготеют к современности, Западу и более агрессивным типам музыки, пристрастия женщин – к музыке более старой, к ее смягченным, «окультуренным» образцам, в том числе – русским «народным». Так через «мужские» и «женские» жанры музыки явно проступают мужские и женские модели поведения в нынешнем российском обществе.

График 8

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ЖАНРЫ МУЗЫКИ, КОТОРУЮ СЛУШАЮТ «ДЛЯ СЕБЯ»

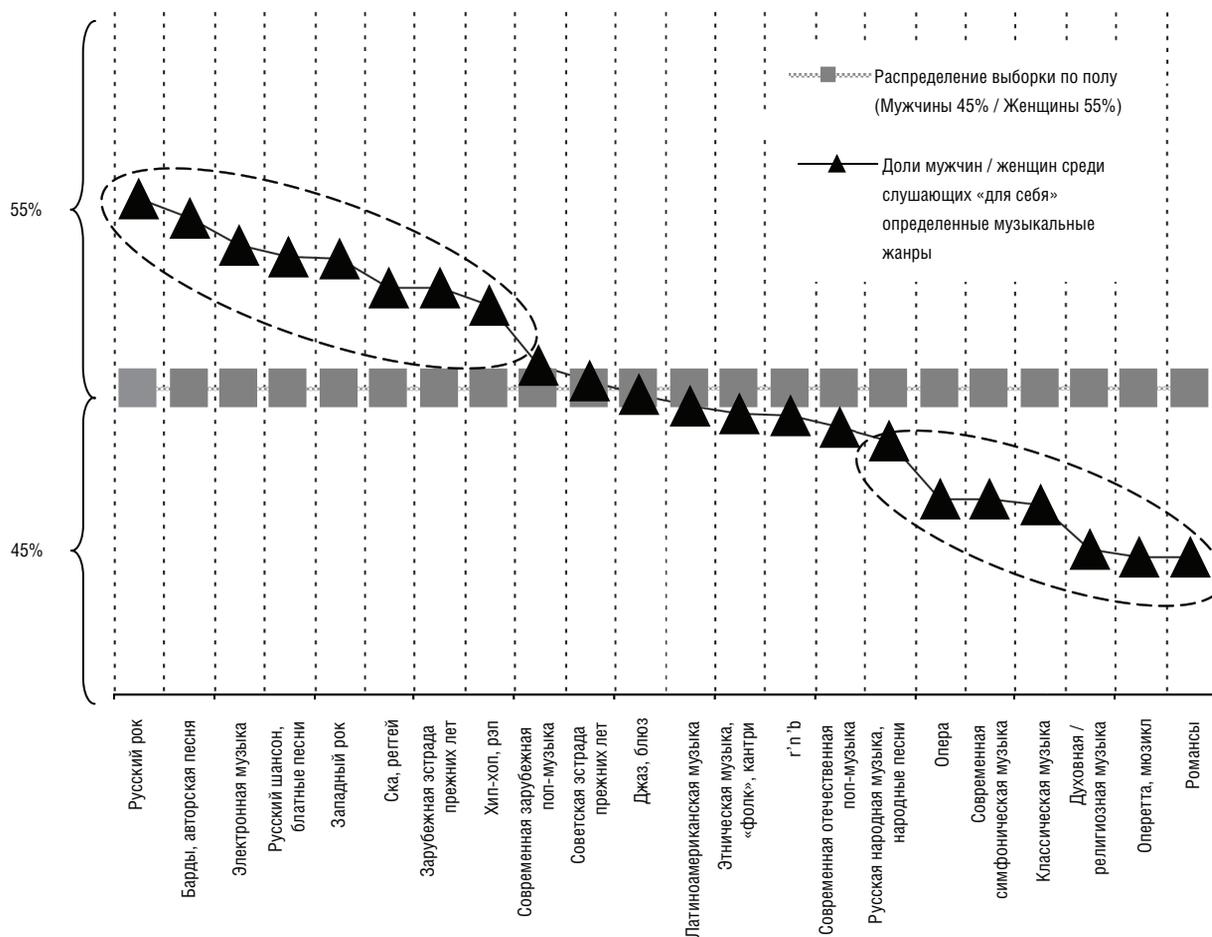
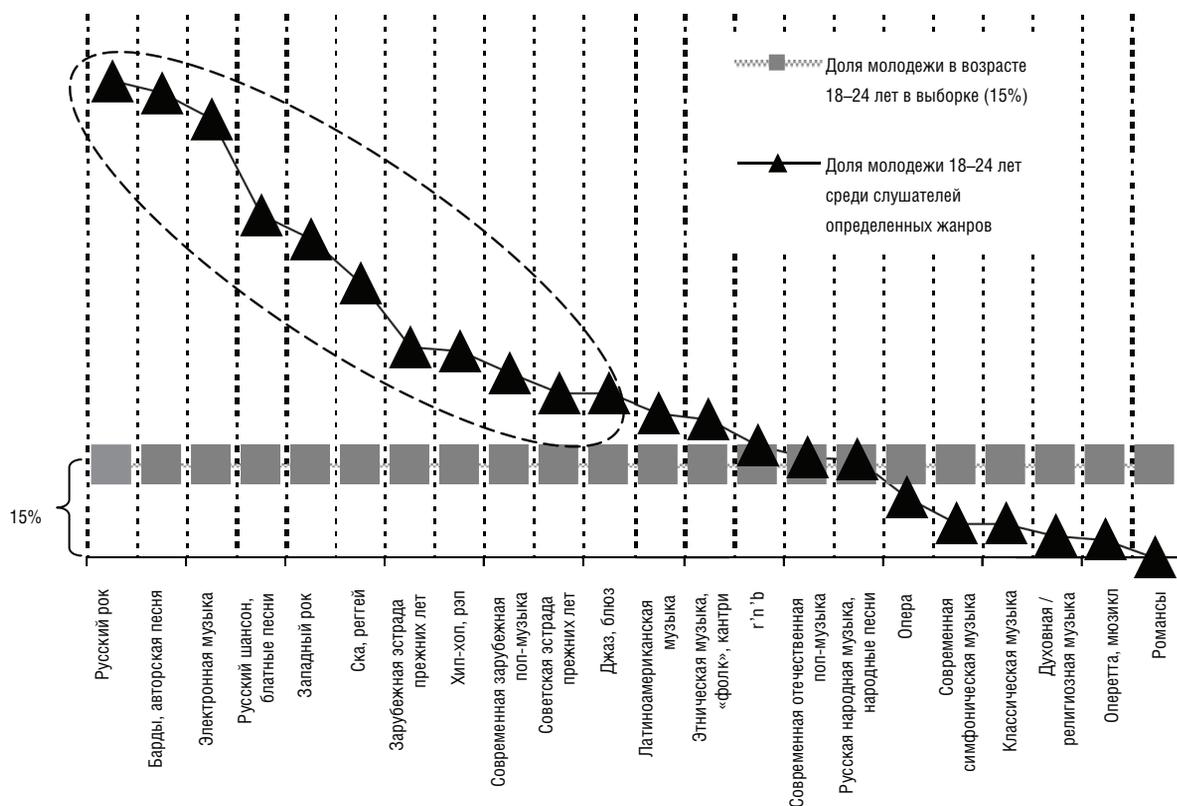

График 9

ЖАНРЫ МУЗЫКИ 18-24-ЛЕТНИХ, КОТОРУЮ ОНИ СЛУШАЮТ «ДЛЯ СЕБЯ»

Приятно удивляет разнообразие жанров музыки, которую слушают для себя молодые россияне в возрасте от 18 до 24 лет. Это и чисто «молодежные» жанры — хип-хоп, рэп, ска, реггей, и этническая музыка, и рок, и джаз, и современная симфоническая музыка.

Жанры музыки, которые предпочитает слушать среднее и старшее поколение россиян, более ожидаемы и предсказуемы.

Среднее поколение предпочитает для себя слушать бардов и авторскую песню, русский рок, русский шансон и блатные песни, зарубежную эстраду прежних лет, джаз, блюз, современную западную и отечественную поп-музыку.

Старшее поколение предпочитает слушать для себя русскую народную музыку, духовную/религиозную музыку, романсы, оперетту, оперу, советскую эстраду прошлых лет.

Можно сказать, что предпочитаемые музыкальные жанры достаточно полно характеризуют разные поколения россиян.

Образовательный уровень существенно влияет на предпочитаемые жанры музыки. Люди с высшим образованием проявляют интерес практически ко всем музыкальным жанрам, кроме русского шансона и блатных песен.

Людей со средним образованием больше всего среди слушателей русского шансона

и блатных песен, романсов и русской народной музыки, народной песни, фольклора — то есть тех типов музыки, которые выше были охарактеризованы как музыка для среднего и старшего поколений.

А вот люди с образованием ниже среднего не проявляют особого интереса практически ни к одному из музыкальных жанров, кроме мюзиклов.

Итак, полюсы наибольшего разнообразия музыкальных вкусов сегодня в России представляют *самые образованные и наиболее молодые* группы населения. Вопрос о том, в какой мере эта широта запросов, привычек, моды — черта эпохи увеличившихся возможностей (снятие цензурных ограничений и запретов, доступность общемировых образцов, широкий выбор технических средств) и в этом смысле *черта современной цивилизации*, а в какой — она лишь фазовая характеристика молодого возраста как периода наибольшей открытости внешнему миру, поисков себя и близких себе, то есть — *социально закрепленная характеристика*, требует дальнейших исследований. В том числе исследований, специально ориентированных на возрастную (поколенческую) и историческую динамику.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Интегральные показатели социального самочувствия¹

В последние 20 лет в России широко развернулись исследования социальных процессов на основе обобщения информации, получаемой в ходе опросов общественного мнения. Этот новый подход, базирующийся на анализе последствий социальной политики государства в том виде, как они воспринимаются «конечным» объектом социальной политики — населением, стал не только возможен благодаря развитию процессов демократизации, но и является уже сейчас общепризнанным необходимым элементом формирования и реализации социальной политики.

В Левада-Центре была разработана методика интегральной оценки социального самочувствия населения страны на основе построения Индекса социальных настроений (ИСН). ИСН строится на основе регулярных опросов общественного мнения. Важным преимуществом ИСН являются его прогностические возможности. Многолетний опыт измерений продемонстрировал, что изменения в настроениях людей

за несколько месяцев указывают на возможные изменения в экономическом развитии страны. Направление и темпы изменения ИСН дают понять, насколько благоприятна текущая общественная ситуация с точки зрения дальнейшего развития страны.

Наблюдение за динамикой распределений ответов респондентов на различные вопросы о материальном положении, настроениях, общественно-политических оценках и мнениях, т.е. о различных сторонах личной и общественной жизни населения России показывает, что изменения по многим, часто весьма различным, вопросам носят согласованный характер: так рост оценок материального положения сопровождается улучшением отношения к событиям в общественно-политической жизни и т.п. Это обстоятельство позволило выдвинуть гипотезу о существовании единого вектора общественных настроений, объединяющего изменения частных оценок и мнений населения, которые оно высказывает по поводу различных сторон как своей личной жизни, так и жизни общества в целом. Если такой общий вектор настроений существует, то очевидно, что его построение и регулярное измерение может стать хорошим инструментом для анализа воздействия настроений общества в целом на реальное политическое, в частности, электоральное, экономическое, хозяйственное поведение населения. Это последнее соображение исходит из гипотезы о влиянии субъективных оценок, которые формируются у населения под воздействием объективных процессов его непосредственной жизнедеятельности, на реальные поступки, действия людей в различных областях — политике, экономике, общественной

¹ Статья основана на аналитических и методических разработках, которые были начаты еще в 1990-е годы. Благодаря поддержке фондом Макаруров в РФ, фондом Форда и Институтом «Открытое общество» проекта Левада-Центра «Мониторинг социальных перемен», начиная с 2009 года возобновились регулярные измерения динамики общественных настроений, результаты которых также приводятся в данном обзоре. Методические разработки построения Индекса социальных настроений (ИСН) были изложены в более ранних статьях: см. *Левада Ю.* Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения. 1998. №6. С. 7–13; *Красильникова М.Д.* Динамика индексов социальных настроений и их влияние на поведение населения // Мониторинг общественного мнения. 2002. №1. С. 24–34; она же. О методике расчета Индекса социальных настроений // Вестник общественного мнения. 2003. №2 (64). С. 51–59; она же. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2. С. 124–134.

жизни. Подобные субъективные оценки могут дополнять, а иногда и трансформировать представления об объективных закономерностях, ставших достоянием различных наук, изучающих общество.

Сформированный под влиянием различных сторон жизни людей единый вектор общественных настроений становится самостоятельным фактором, оказывающим воздействие на поведение каждого отдельного члена общества, а тем самым и на поведение общества в целом. Соответственно, существует два уровня взаимодействия субъективных настроений и фактического поведения, реальной деятельности. Первый – это уровень отдельного человека, который под воздействием обстоятельств своей жизни, с учетом как личного опыта, так и всей имеющейся у него информации о развитии общества в целом, формирует свои субъективные настроения и действует (голосует, потребляет, работает и т.п.) в соответствии с ними. Второй уровень – общественный, уровень суммарного воздействия настроений всех членов общества на динамику социально-политического, экономического развития страны.

Построение обобщенных оценок индивидуальных настроений членов общества как раз и позволяет количественно измерить меру влияния субъективного фактора, воздействие совокупности индивидуальных предпочтений и настроений отдельных людей на развитие общества в целом. Очевидно, что сама постановка этого вопроса предполагает наличие довольно большой степени свободы отдельных граждан в их жизнедеятельности (как «человека политического», «экономического»). Если у индивидов нет политического, экономического выбора, то изучать влияние субъективных предпочтений и настроений на общественно-экономическую жизнь страны преждевременно. Реальные действия людей оказываются более-менее жестко предопределены заранее, не зависят или мало зависят от самостоятельного выбора людей. Соответственно, необходимость учета субъективных настроений и уровень влияния общественных настроений на динамику развития страны в целом прямо пропорциональны мере становления индивидуальной свободы членов общества (речь идет как о гражданских свободах, так и об экономической самостоятельности отдельных людей).

Методика построения индекса социальных настроений (ИСН). При построении сводного ИСН выделяются его компоненты – частные

индексы, которые объединяют группу индивидуальных индексов, описывающих основные характеристики общественного сознания. Выделяется четыре частных индекса:

- индекс текущего положения семьи (ИС);
- индекс текущего положения страны (ИР);
- индекс ожиданий (ИО);
- индекс оценки власти (ИВ).

Список вопросов, на основе которых рассчитывается ИСН состоит из 12 вопросов, объединенных в четыре группы, которые образуют основу для расчета частных индексов ИСН:

ПОЛНЫЙ СПИСОК ВОПРОСОВ ДЛЯ РАСЧЕТА ИСН И СОСТАВЛЯЮЩИХ ЕГО ЧАСТНЫХ ИНДЕКСОВ

Частный индекс личного положения:

ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

- 1, прекрасное настроение
- 2, нормальное, ровное состояние
- 3, испытываю напряжение, раздражение
- 4, испытываю страх, тоску

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВАША ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАЛА ЛУЧШЕ, ХУЖЕ ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?

1. значительно лучше
2. несколько лучше
3. не изменилась
4. несколько хуже
5. значительно хуже

Частный индекс текущего положения России:

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?

1. очень хорошее
2. хорошее
3. среднее
4. плохое
5. очень плохое

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?

1. благополучная
2. спокойная
3. напряженная
4. критическая, взрывоопасная

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ЦЕЛОМ ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ СЕГОДНЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?

1. в правильном направлении
2. в неправильном направлении

Частный индекс ожиданий

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше
2. несколько лучше

3. так же, как и сейчас
4. несколько хуже
5. значительно хуже

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

1. значительное улучшение ситуации
2. некоторое улучшение ситуации
3. некоторое ухудшение ситуации
4. значительное ухудшение ситуации

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?

1. значительное улучшение ситуации
2. некоторое улучшение ситуации
3. некоторое ухудшение ситуации
4. значительное ухудшение ситуации

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ О СТРАНЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ЖИЗНЬ В РОССИИ БУДЕТ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

1. значительно лучше
2. несколько лучше
3. такой же, как и сейчас
4. несколько хуже
5. значительно хуже

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?

1. безусловно, да
2. скорее, да
3. скорее, нет
4. безусловно, нет

**Частный индекс оценок деятельности
государственной власти**

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?

1. одобряю
2. не одобряю

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ?

1. одобряю
2. не одобряю

На первом этапе расчетов индекса строятся индивидуальные индексы по распределениям ответов респондентов на каждый вопрос. Они отражают разницу положительных и отрицательных ответов (в процентных пунктах) на отдельные вопросы — индикаторы, учитываемые при расчетах сводного индекса. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных ответов: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации, когда доля положительных и отрицательных ответов совпадает.

Сводный ИСН рассчитывается как простая арифметическая средняя из индивидуальных индексов.

Возможность использования такой простой методики построения сводного показателя социальных настроений формально статистически подтверждается тем, что распределения ответов респондентов на все вопросы ИСН образуют один фактор, в котором все вопросы имеют примерно равные факторные нагрузки.

Для формальной проверки гипотезы о существовании единого вектора социальных настроений, т.е. возможности объединения предложенных вопросов для построения сводного показателя, используется инструментальный факторного анализа (метод главных компонент). Метод главных компонент, на основе совместного анализа дисперсии всех переменных, позволяет определить наличие и формально рассчитать значения меньшего (по сравнению с исходным) числа переменных, которые будут также хорошо объяснять динамику исходного объекта изучения, как и первоначальная совокупность переменных. Иными словами, метод главных компонент позволяет ответить на вопрос, существует ли между анализируемыми переменными такая внутренняя связь, что эти переменные могут быть выражены через меньшее число факторов. При этом объясняющие возможности всей исходной совокупности переменных будут сохранены, хотя бы частично (уровень этой «сохранности» определяется процентом исходной дисперсии, объясняемой выделенными факторами). Кроме того, метод главных компонент позволяет вычислить значения этих новых объясняющих переменных (факторов).

Факторный анализ всех рассматриваемых переменных неизменно показывает, что все они группируются в один фактор, объясняющий примерно половину дисперсии исходных переменных. Например, по данным опросов, проведенных в 2009–2010 гг., фактор, выделяемый в результате анализа дисперсий всех 12 переменных (индивидуальных индексов, построенных по 12 вопросам — индикаторам), объясняет 65% совокупной дисперсии признаков.

Факторные нагрузки, т.е. вклад каждой из переменных в расчеты единственного сводного фактора (т.е. того самого единого вектора общественных настроений), оказываются примерно одинаковыми (на уровне 0.6–0.8). Это означает, что каждый из используемых вопросов анкеты имеет примерно одинаковое значение для формирования сводного показателя, дает одинаковый вклад в расчет фактора — искомого индекса социальных настроений (см. табл. 1).

Таблица 1
КОЭФФИЦИЕНТЫ ФАКТОРНЫХ НАГРУЗОК (по данным опросов 2009–2010 гг.)

Вопросы анкеты	Факторные нагрузки
1. ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?	,637
2. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?	,707
3. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?	,766
4. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?	,813
5. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?	,860
6. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ЦЕЛОМ ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ СЕГОДНЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?	,840
7. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?	,881
8. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВАША ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАЛА ЛУЧШЕ, ХУЖЕ ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?	,796
9. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ О СТРАНЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ЖИЗНЬ В РОССИИ БУДЕТ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?	,891
10. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?	,819
11. ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЫНЕШНЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ?	,787
12. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?	,850

Рисунок 1
ДИНАМИКА ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (1995–2010 гг.)

Таким образом, формальный анализ, во-первых, убеждает в адекватности совместного анализа всех переменных. Во-вторых, подтверждается правильность объединения динамики оценок, данных по каждому из вопросов, в один совокупный индекс на основе простого суммирования частных индексов, построенных для каждого вопроса отдельно.

Вообще говоря, поскольку факторный анализ позволяет непосредственно рассчитать значения выделенных латентных факторов (одного фактора в нашем случае), для последующего анализа воздействия этого совокупного показателя общественных настроений на различные стороны жизни страны, формирование поведения населения в экономической, политической, общественной сфере, вполне достаточно использовать эту переменную как таковую. Процедура расчета фактора на основе метода главных компонент может показаться ненужным усложнением проблемы, и это действительно так. Как уже отмечалось, расчеты фактора показали: все переменные одинаково значимы для формирования сводного показателя, т.е. сводный показатель можно получить простым суммированием частных. В то же время максимальное упрощение процедуры расчетов индекса социальных настроений расширяет возможности его понимания и использования всеми участниками процесса социального взаимодействия.

Представленная на рис. 1 динамика ИСН включает измерения показателя в период с января 1995 по октябрь 2010. Вертикальными линиями отмечены некоторые важные периоды в истории современной России.

Пунктирными линиями (■ ■ ■ ■) отмечены периоды всенародных выборов президента России, всегда сопровождающиеся ростом, а затем коррекционным снижением общественных настроений. Важно отметить, что

с годами, по мере накопления электорального опыта (и разочарований), мобилизационный эффект снижается: периоды всплеска настроений становятся короче, а всплески роста настроений в связи с выборами — меньше. Это и есть количественное выражение падения интереса людей к процедуре всенародного голосования, снижения доверия к данной форме легитимации власти.

Серыми линиями (■ ■ ■ ■ ■) отмечены периоды начала экономических кризисов, которым всегда предшествовало заблаговременное неуклонное снижение общественных настроений. В 1998 г. отрицательная динамика ИСН начала проявляться более чем за полгода до августа; начавшийся вскоре интенсивный рост общественных настроений продемонстрировал значительный потенциал для выхода из кризиса. Вступление в действие закона №122-ФЗ — кампания по «монетизации льгот», потребовавшая существенных экстренных мер в экономической политике государства, — было также предсказуемым с точки зрения общественных настроений: их ухудшение было очевидным еще осенью 2004 г. Спад напряжения в обществе последовал только весной следующего года, когда начали реализовываться меры, принятые правительством для смягчения ситуации.

Снижение общественных настроений в России перед последним экономическим кризисом началось еще до того, как все заговорили о нем, т.е. в начале 2008 г. В первой половине года отрицательная динамика ИСН была незначительной по темпам, но продолжалась на протяжении более шести месяцев. Основное падение показателя пришлось на три последних месяца 2008 г. и составило 17%. Ухудшение настроений продолжилось до начала весны 2009 г. Затем обозначился некоторый рост, который привел к надеждам на выход из кризиса (как это было в 1999 году). Однако эти надежды до сих пор не спешат оправдываться. С лета 2009 г. показатели общественных настроений меняются мало, так что, судя по оценкам населения, пока нет оснований говорить о завершении посткризисного периода рецессии.

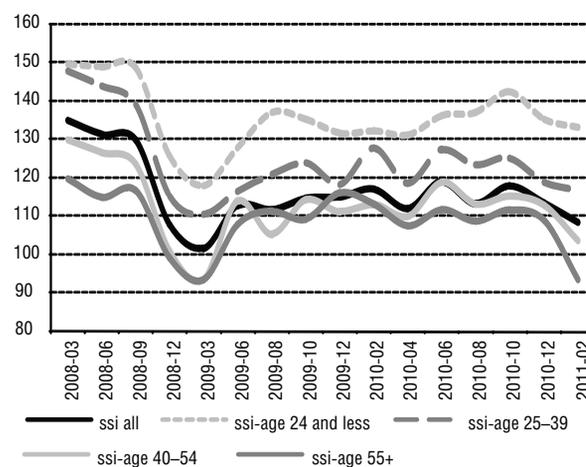
Период с 1999 по 2008 год был наиболее продолжительным этапом в целом положительного изменения общественных настроений. Именно в это время произошло закрепление динамики индекса в «положительной» области, т.е. когда доля положительных субъективных оценок устойчиво преобладала над отрицательными (значение ИСН — выше 100 пунктов). Даже в наиболее острый период последнего экономи-

ческого кризиса ИСН не опускался ниже этой границы.

Динамика индекса социальных настроений в посткризисный период. Анализ социального самочувствия российского населения с помощью ИСН не только позволяет оценивать общие изменения настроений, но и показывает, какие именно факторы играют наиболее важную роль на разных этапах развития ситуации. Изменения ИСН по основным социально-демографическим группам населения наглядно демонстрируют, какую значительную роль в сегодняшней России имеют индивидуальные человеческие ресурсы: чем выше ресурсная обеспеченность человека — тем оптимистичнее он настроен. Такими ресурсами являются возраст, образование, место проживания и, конечно же, уровень материального достатка.

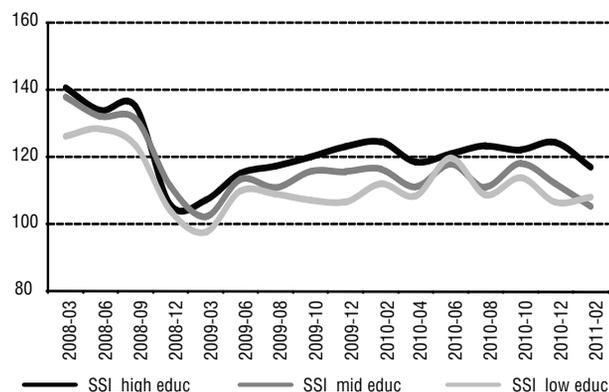
Уровень пессимизма плавно возрастает по мере взросления респондентов: наиболее оптимистично в России настроена молодежь (см. рис. 2). Кратковременное нарушение строгой монотонности картины в 2009 году, когда в течение нескольких месяцев уровень оптимизма людей преимущественно пенсионных возрастов (55 лет и старше) был несколько выше, чем предпенсионных (в возрасте 40–54 года) объясняется, по-видимому, воздействием принятых правительством мер по валоризации пенсий.

Рисунок 2
ДИНАМИКА ИСН ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ

Образование тоже ресурс: чем оно выше, тем больше оптимизма демонстрируют люди (см. рис. 3), однако различия здесь весьма незначительны. Иначе говоря, само по себе свидетельство об определенном уровне образования еще не гарантирует «лучшей жизни».

Рисунок 3
ДИНАМИКА ИСН ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ

До последнего времени место проживания респондентов оказывалось очень значимым фактором дифференциации социально-политических и социально-экономических представлений. Жители Москвы, а с годами и еще нескольких крупнейших городов России, оказывались в гораздо более комфортной, обеспеченной и в целом «прогрессивной» ситуации, а потому отличались повышенным оптимизмом. Рутинная и нищета российской провинции, села делала тамошних обитателей самыми пессимистически настроенными группами населения. Особенно показателен был период острой фазы последнего финансово-экономического кризиса (конец 2008 – середина 2009 года). На рис. 4 хорошо видно, насколько высок был уровень социального оптимизма жителей Москвы, возникало ощущение, что москвичи почти не заметили кризис. Однако в последний год ситуация стала заметно меняться. Со второй половины 2010 г. позиции москвичей уже далеко не так разительно отличаются от оценок жителей прочих крупных городов страны, но все же остаются чуть лучше. Воспроизводится та же монотонная зависимость, как и в случае возрастного фактора: по мере увеличения размера населенного пункта уровень оптимизма его жителей возрастает.

Материальный достаток семьи оказывает наибольшее влияние на уровень социального оптимизма респондентов (см. рис. 5) – чем выше уровень жизни, тем более оптимистичны люди. Разрыв в оценках стабильный (ни сближения, ни отдаления позиций разных групп в последние годы не происходит), а также наиболее значительный по сравнению с рассмотренными выше факторами.

Структура формирования динамики ИСН. Выделение в составе сводного ИСН основных факторов, влияющих на общественное само-

Рисунок 4
ДИНАМИКА ИСН ПО ГРУППАМ ЖИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

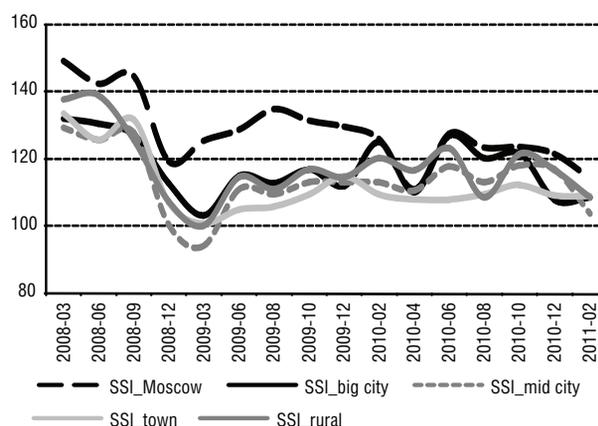
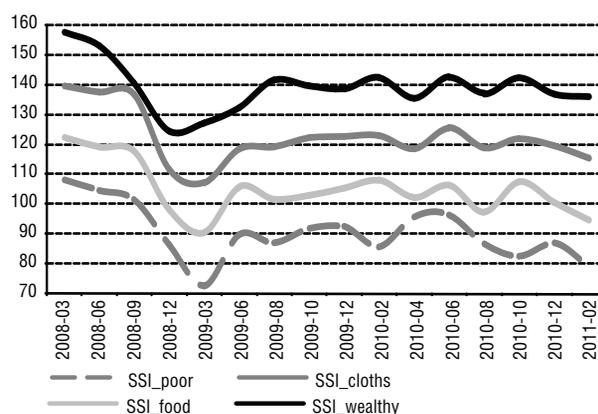

Рисунок 5
ДИНАМИКА ИСН ПО ГРУППАМ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА

чувствие, позволяет проанализировать структуру формирования субъективных настроений (см. рис. 6). Отношение населения к властным инстанциям (в индексе социальных настроений они представлены двумя ветвями власти – президентом и правительством) представляет собой наиболее оптимистичную компоненту формирования общих настроений. Здесь важно помнить, что высокие рейтинги одобрения и поддержки верховной власти в России имеют специфический характер. Они выражают массовое согласие населения со сложившимся status quo при самоустранении общества от ответственности за проводимую политику и одновременно проявляют псевдопатерналистский комплекс надежд на заботливую государственную власть. Солидарность общества вокруг власти основана на компенсаторных политических мифах, массовом психологическом утешении после распада СССР. Отсюда готовность к консолидации вокруг власти, провозглашающей в политической игре фактор страха перед воен-

ными угрозами, терроризмом, чуждым влиянием и угрозой утраты национальной идентичности, которые характерны почти для всех групп российского общества, утратившего прежние специфические различия политических взглядов и идеологических позиций. Поддержка населения обеспечивается проводимой популистской политикой. Принятые правительством меры по выходу из кризиса, начавшегося в 2008 г., учитывали этот фактор. Масштабные меры социальной поддержки малообеспеченных слоев населения, в первую очередь – пенсионеров (прежде всего – мероприятия по валоризации пенсий), позволили массовым слоям населения довольно безболезненно пройти острую фазу кризиса.

Тем не менее в последние два года частный индекс оценки действий властей имеет общую тенденцию к стабилизации, а в первые месяцы 2011 г. демонстрирует незначительное снижение.

Наибольшая положительная динамика в посткризисный период характерна для частного индекса, отражающего оценку личного текущего положения российских семей. Это отражает воздействие уже упоминавшихся усилий руководства страны по смягчению негативных эффектов экономического кризиса для массовых слоев населения в виде мер по повышению пенсий и минимальных заработных плат, по регулированию ситуации на рынке труда. Одновременно свой положительный эффект дало общее снижение темпов инфляции на потребительском рынке. Но последний фактор – снижение инфляции – в начале 2011 г. вызвал повышение негативных настроений, поскольку ускорились темпы роста потребительских цен, превысившие уровень 2010 г.

Рост частного индекса личного текущего положения семей является надежной основой для

дальнейшего улучшения социальных настроений. Однако, как показывает опыт измерений, это необходимый, но недостаточный фактор. К сожалению, в последний год все более явно обозначается тенденция к снижению уровня ожиданий – данный индекс прочно закрепился на самом нижнем уровне (см. рис. 6). И пока не произойдет изменений в динамике представлений людей о том, что их ожидает в ближайший год, рассчитывать на появление устойчивого роста социальных настроений в российском обществе не приходится.

Сравнение структуры социальных настроений в разных социальных группах на основе ИСН показывает, что, с одной стороны, более высокий уровень ресурсной обеспеченности способствует формированию социального оптимизма, а с другой – позитивный настрой лучше обеспеченных людей все в меньшей степени начинает зависеть от «внешних» факторов, в первую очередь – от одобрения действий государственной власти. На рис. 7 показано, как изменяется вклад отдельных компонент интегрального индекса в зависимости от материального достатка.

Среди наиболее бедных слоев населения оценки действий властей (индекс власти) существенно выше прочих составляющих, т.е. этот частный показатель вносит наиболее заметный вклад в уровень оптимизма данной группы. Также бедные люди относительно больше, чем прочие, рассчитывают в своих оптимистических ожиданиях на то, что в стране в целом дела пойдут лучше (см. динамику индекса России). А самыми низкими оказываются оценки положения дел в собственной семье.

На противоположном полюсе – наиболее обеспеченные люди. Для них оценки власти также важны, но в меньшей степени, а не ме-

Рисунок 6
ДИНАМИКА КОМПОНЕНТ ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (2008-2010 гг.)

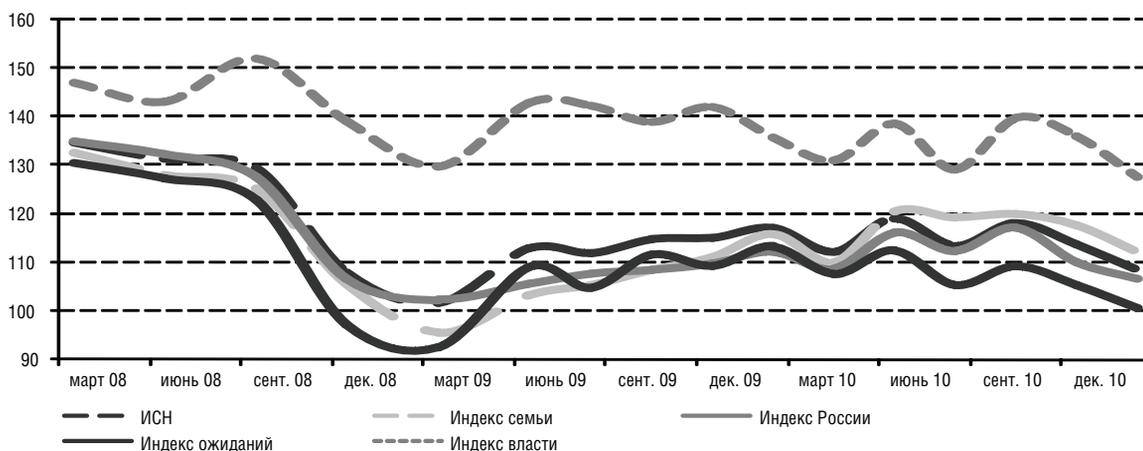
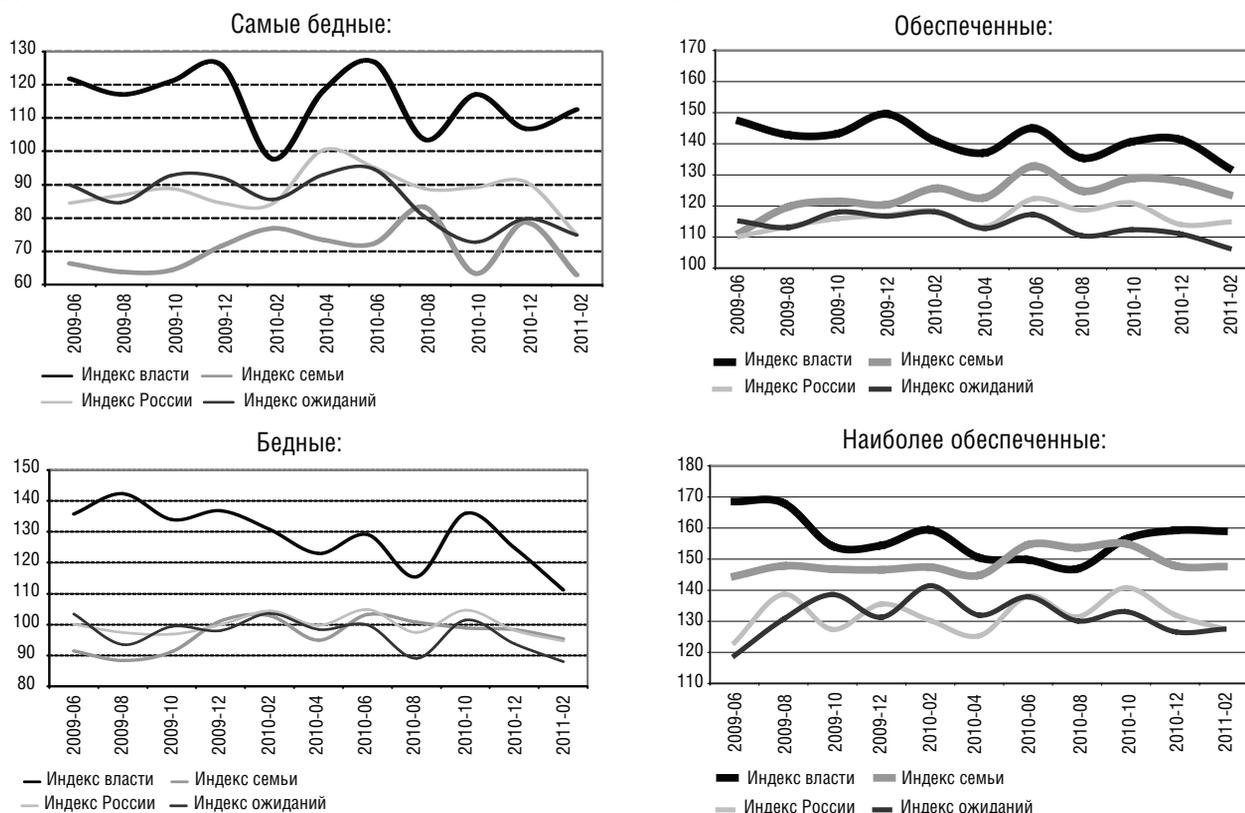

Рисунок 7

ДИНАМИКА КОМПОНЕНТ ИСН ПО ГРУППАМ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА

нее важным источником оптимизма являются оценки собственного положения, признание своего благополучия. Оценки ситуации в стране в целом здесь (в отличие от бедных) хуже.

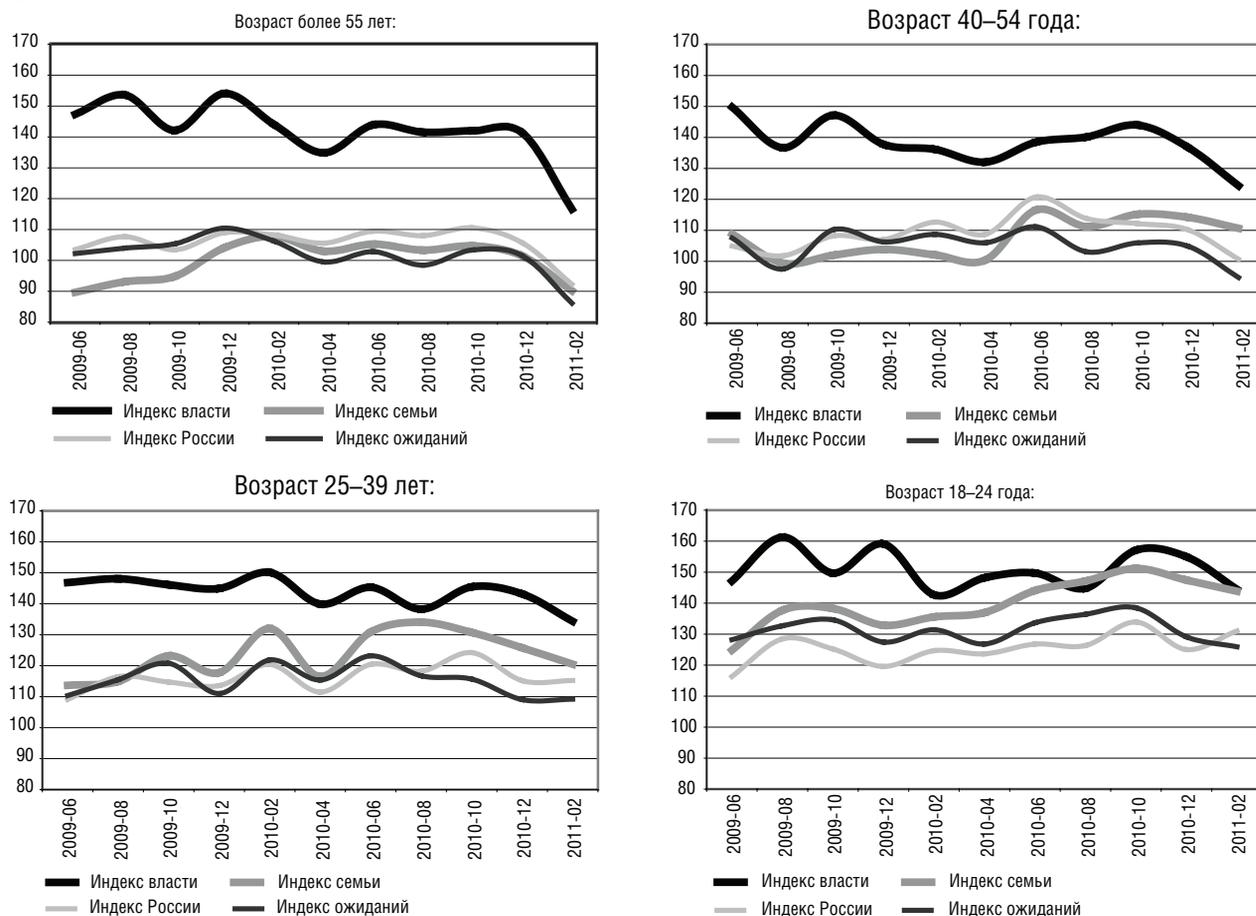
Таким образом, бедные люди в своих надеждах и чаяниях прежде всего ориентируются на власть и ситуацию в стране в целом, т.е. на внешние, не зависящие от них самих обстоятельства. Наиболее обеспеченные, напротив, больше исходят из оценок собственных обстоятельств жизни, а ситуация в стране в целом менее важна для них (и хуже оценивается). При этом во всех группах, кроме самых бедных, ожидания на будущее сейчас – наиболее уязвимый фактор. Только самые бедные пока еще чуть больше других черпают оптимизм в надеждах, поскольку сегодняшнее положение их семей очень плохое, хуже некуда.

Показанные на рис. 8 различия в роли отдельных факторов при формировании ИСН у разных возрастных групп показывают те же особенности: по мере взросления относительно возрастает значимость надежд на власть и общую ситуацию в стране. В России сейчас лучше всего живет молодым людям. Накапливаемый с возрастом профессиональный опыт и знания в нашей стране не трансформируются

в уверенность в собственном будущем – напротив, с годами возрастает уверенность в неспособности самостоятельно обеспечить свою жизнь. Особенно нужно отметить позицию самых молодых людей (в возрасте до 24 лет). Это единственная группа, которая в наименьшей степени связывает свой оптимизм с положением дел в России – только в этой группе частный индекс ситуации в России оказывается наименее значимым. Не есть ли это свидетельство того, что ожидания современной российской молодежи в последнюю очередь связаны с родной страной?!

Однако при всех этих различиях в роли отдельных факторов, уровни значимости этих факторов в наиболее ресурсно обеспеченных группах всегда выше, чем в бедных. Отсюда и возникает эффект того, что, несмотря на относительно скептические взгляды обеспеченных, образованных и молодых людей на действия государственных властей, уровень поддержки власти у них оказывается, тем не менее, выше, чем среди более бедных слоев. Бедным людям больше негде черпать оптимизм, кроме как в надеждах и упованиях на власть, и к этому фактору им нечего прибавить.

Рисунок 8
ДИНАМИКА КОМПОНЕНТ ИСН ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

АВТОРЫ НОМЕРА

ВЕРХОВСКИЙ Александр Маркович (ИАЦ «Сова»)
ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Левада-Центр)
ДУБИН Борис Владимирович (Левада-Центр)
КАЧКАЕВА Анна Григорьевна (МГУ; НИУ ВШЭ)
КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Левада-Центр)
ЛЕВИНСОН Алексей Георгиевич (Левада-Центр)
ПАШИН Сергей Анатольевич (НИУ ВШЭ)
ПЕРФИЛЬЕВА Екатерина Андреевна (Левада-Центр)
ПОЛЕТАЕВ Юрий Александрович (Левада-Центр)
РЯБОВ Андрей Виленович (ИМЭМО РАН)

SUMMARY

Post-Soviet Social Model: Characteristics and Current Situation (by Andrei Ryabov). The author analyzes the strengthening of Russia's position on the international scene in 2010 and shows that widespread argument that the post-Soviet space is no longer exist as a holistic political-geographical region has no reason. The conditions of the countries in the region are not of transitional, but rather a new sustainable social model has developed. In working order it is proposed to call it «post-Soviet capitalism».

The Evolution of Post-Soviet Russian Nationalist Movement (By Alexander Verkhovsky). The author considers the political successes and failures of nationalists in Russia, as well as the dynamics of their ideological orientations. During 1990-s there was a period of gradual decline in the nostalgic form of Russian nationalism that emerged after the collapse of the Soviet Union. In 2003-2007, the nationalists launched a new attempt to return to high politics, but it was foiled by the efforts of the authorities. Two main versions of nationalism developed in Russia in mid-2000-s – «civilization» nationalism and ethnic nationalism related to racism. Their competition has become a significant fact of social life in Russia.

The Culture of Poverty. Post-Soviet Comments on Veblen (by Marina Krasilnikova). The present day situation in the Russian society, the trends of its development and potential for the future are described best of all proceeding from poverty hypothesis. Poverty of demands and expectations, needs and choice patterns seems to be a basic feature of the Russian society, not evident enough but very important. The present economical development of Russia accounts for the fact that in spite of the increase of the level of the country population material well-being in the 2000-s up to the crisis the transition to higher consumption standards necessary for realization of liberal model of meeting families personal needs at their own expense is being

blocked. Typical beliefs of the Russian population about «normal» life, their consumer plans don't exceed the limits of current family needs. For all reasons - mythologized idea of the past experience, current limitation of families' financial resources, insufficient legitimacy of wealth in the opinions of the majority of population, and maintaining the poor culture of consumption - development of a pattern different from the state one and mainly free system of population social welfare is doomed for considerable difficulties of spreading and legitimizing new rules.

Issues and Prospects of Judicial Reform in Russia (by Sergei Pashin). The main achievements, contradictions and omissions of the judicial power reform which has been going on in the country since 1991 are scrutinized in the article. The author emphasizes that the courts in Russia are still an appendage to powerful structures – legal and other institutions thus preserving prosecution trend of legal proceedings. During 20 years of judicial reform the share of acquittals has remained below 1%, every third of them being repealed; every fourth adult man in the country being on trial. Judicial power in the country doesn't enjoy proper independence. Competence of trials by jury has been reduced considerably. Only about one half of court decisions are carried out. Qualified legal support is little available for the Russian citizens, especially for less well-off. Judicial system is managed by administration orders methods; judge's corps is organized according to vertical principle. Disciplinary persecution is used for removing free-thinking and independent judges, qualification boards persecuting judges for «inexplicable mildness» of their sentences. Operation of special order of law-suits is expanding. Civil society as it was earlier influences the situation in judicial system to an extremely low degree. Reform and counter-reform are entangled in the work of today's judicial system.

UKOS Court Case, Public Opinion, Legal Culture in Contemporary Russia (by Boris Dubin).

The data of Levada Center 2004-2011 surveys on the Russians attitudes towards the trial of Mikhail Khodorkovsky and his fellow-workers from UKOS are examined and analyzed in the article. A considerable part of the Russian population gradually perceive the trial and sentence if not as fair ones but as those having actually taken place and lacking alternatives and the other more and more increasing part of respondents be indifferent to the proceedings of Khamovniki court and escape profound answers to sociologists' questions. Both are extending the sphere of ambiguity and reticence around the case. Ambiguity described is specially viewed as a social condition of fragmented passive society the greater part of which doesn't aspire to the best and the greatest, people fearing to lose whatever little they have. Such ambiguity doesn't contradict relative stability of the socio-political regime established in Russia and on the contrary, is, among other conditions, one of the foundations of this flimsy but lasting stability, a pledge of worsening but still reproducible status quo.

Russian Leaders on TV Screen: Putin Phenomenon and Medvedev «Code» (by Anna Kachkayeva).

The article outlines transformation of screen images of new Russia leaders in the 2000-s, the key events in which these images are manifested most vividly, the technique of TV propaganda. Particular attention is paid to specific genres which are produced specially for the first figures of the country and are embedded in cultural and historical traditions of pre- and post-Soviet Russia. The analysis of three electoral campaigns and specific TV genres designed for promoting the images of the country first figures shows how the image of «a nation leader» was being groped for in 1999-2000. The description of visual and lexical fixing the formula of «power vertical», «stability» and «sovereign democracy» in 2004-2005 helps tracing continuity between «new» TV rituals and rituals of the tsarist and Soviet epochs. Chronological description of political cycles in their informational reflection allows seeing the way the combination of «two stars» has been shaped who maintain continuity between «the teacher and the disciple» in power tandem in 2008-2009 and how the usual TV ritual began transforming on the eve of a new pre-election cycle in 2010-2011.

Image of A. Sakharov in Public Opinion: 20 Years

Later (By Lev Gudkov and Alexei Levinson) On the results of sociological research of VTЦИОМ and Levada-Center the prominence of academician Andrei Sakharov in post-soviet society, structure and mass-attitudes towards him are analyzed. The first survey was conducted by VTЦИОМ in May 1991, the latest survey – in 2010. Andrei Sakharov is represented in public opinion as a unique medium of moral authority, and not as a politician.

On Musical Preferences of the Russians (by

Yuryi Poletayev and Yekaterina Perfileyeva). The paper analyses the data of Levada Center survey carried out in 2010 using the National sample of adult population. About one quarter of the respondents don't listen to music at all (most often they are elder people of low educational level); the majority of others listen to music practically every day as a background for some other occupations, and only 11% (most often young people with higher education) listen to music for the sake of music and mainly at home. The source of music for them is more frequently radio or TV. The type of music which is listened to most actively is modern Russian and foreign pop-music, the Soviet variety music of the former years, Russian chanson, and «thieves» songs. With educated listeners, according to Theodore Adorno typology (there were 10% of them in the sample), classical music is added to the most popular genres enumerated. Men, especially young, prefer more aggressive «male» genres of modern variety music (rock, etc.), while women prefer more gentle ones (romances, musical comedies and musicals, spiritual music, classical music, opera, folk melodies and songs). The greatest variety of musical tastes is typical for the most educated and youngest groups of respondents.

Integral Indicators of Social Well-being

(by Marina Krasilnikova) The author describes and analyzes the Levada-Center's methodology of integrated assessment of social well-being with the complex social sentiment index (SSI). Explanatory possibilities of the methodology to study the dynamics of mass sentiment, feeling and ratings of various groups of Russian population are demonstrated in the article.

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2011 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2011

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10